

ПАНЧАТАНТРА

Перевод с санскрита
А. СЫРКИНА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**МОСКВА
1962**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Предисловие и примечания

А. Сыркина

Переводы стихов

А. Адалис

Редактор стихотворных переводов

В. Маркова

Оформление художника

В. Юрлова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1952 году несколько молодых индийских артистов решили создать балетную труппу, основанную на традициях индийского классического и народного танца. Этот коллектив — его назвали «Маленькой балетной труппой» — быстро завоевал любовь зрителя. Для одного из первых своих представлений артисты использовали древний сборник басен — «Панчатантру». Они инсценировали вторую часть «Панчатантры» — «Приобретение друзей», сочетав в спектакле элементы балета, оперы и драмы.

Перед зрителями проходит ряд занимательных сцен, и сцены эти, по замыслу артистов, призваны не только развлекать, но и поучать. Вряд ли стоит повторять их содержание. Историю четырех друзей — ворона, мыши, черепахи и газели — читатель узнает из настоящей книги. Он узнает, как верные товарищи не раз выручали друг друга в беде; как, преодолев все невзгоды, они наслаждались

дружбой. Пусть каждый из них в отдельности слаб и беден — зато они наделены умом и знаниями, а главное, действовали сообща. И вот со сцены звучат последние строки книги «Приобретение друзей»: животные и то способны жить счастливо в дружбе — тем более способны на это люди, наделенные разумом!

«Что можно найти более поучительного для мира, охваченного страхом, ненавистью и недоверием, чем эта история из «Панчатантры»? — писали о своем спектакле артисты. — Если ворон, мышь, черепаха и газель могут быть друзьями и счастливо жить друг с другом, то почему не могут жить в доверии и дружбе разные народы?» Так издавна волнующая людей идея дружбы получила замечательное сценическое воплощение. Инсценировка «Приобретения друзей» успешно выдержала много представлений на родине «Панчатантры», в Индии. «Маленькую балетную труппу» тепло встретили в других странах, ей аплодировали и советские зрители.

Что же представляет собой «Панчатантра» — эта древняя книга, которая до сих пор увлекает и волнует читателей, вдохновляет танцоров, певцов, музыкантов?

Среди необозримого богатства древнеиндийской литературы — гимнов, религиозных трактатов, законов, эпических поэм, сказок — с давних времен видное место занимает жанр под названием «шастра», что означает «поучение», «совет». Так называли наставления в самых различных областях знания — астрономии, медицине, музыке, грамматике, праве, военном деле, философии. Широко известен, например, сборник древних индийских законов «Дхармашастра» — традиция приписывает его легендарному законоучителю Ману. Другой сборник — «Артхашастра», предназначенный для правителей, поучает, как достичь выгоды в государственных делах. Близкой к «Артхашастре» по духу была «Нитишастра» («нити» — «поведение») — наука житейской мудрости. «Панчатантра» и есть учебник по «Нитишастре», ее занимательные рассказы и мудрые стихи были призваны учить разумному поведению.

Эта цель раскрывается во вступлении к «Панчатантре» — в легенде о том, как была создана книга. Некий царь решил пробудить разум трех своих сыновей — глупцов и невежд. На призыв его откликнулся мудрец Вишнушарман. Он сочинил пять книг («пять книг» — буквальное значение слова «панчатантра»). Первая из них повествовала о том, как гибнет дружба, вторая — как приобретают друзей, третья — как воюют, четвертая — как теряют добытое, и пятая — как совершают безрассудства. Мудрец заставил царевичей прочесть эти книги, и глупцы исполнились разума. С тех пор, гласит конец вступления, «Панчатантра» служит обучению юношей; кто с усердием изучит ее, тому не страшен сам царь богов, грозный Индра.

Легенда эта говорит о том, какое место отводила «Панчатантре» древнеиндийская традиция. Но принимать на веру историю, изложенную во вступлении, конечно, не следует. Ничего не известно нам ни об отце глупых принцев — царе Амарашакти («обладающем бессмертной силой»), ни о выручившем его мудром Вишнушармане. Разве что этим именем (оно означает «хранимый богом Вишну») безвестный автор хотел сблизить «Панчатантру» с упоминавшейся уже «Артхашастрой», автор которой был советником царя Чандрагупты, жил в IV веке до нашей эры и звался Вишнугуптой — имя, значащее то же, что и Вишнушарман. Но это лишь догадка. О том, что автором «Панчатантры» является Вишнугупта, говорить не приходится — ученые установили, что «Панчатантра» появилась несколькими веками позже. Первоначальный вариант книги возник скорее всего в IV веке нашей эры. Об авторе ничего не известно. Предполагают, что родина «Панчатантры» — Кашмир, но и в этом трудно быть уверенным.

Индийская традиция с ее любовью к систематизации отнесла «Панчатантру» к разряду наставлений в мудрости, к учебникам для царевичей. Однако можно найти лишь немного книг, которые в такой же мере, как «Панчатантра», вышли бы за рамки своего назначения. Об этом говорит ее содержание, весь мир ее

идей и образов, наконец ее неповторимая судьба за пределами Индии.

Каждая отдельная книга «Панчатантры» — самостоятельное повествование, соответствующее названию книги. По ходу действия один из героев поясняет в разговоре какую-нибудь свою мысль афоризмом-двустушием. Особенность такого двустушия — индийская поэтика назвала его «охватывающим» — состоит в том, что, поучая, оно одновременно содержит намек на какое-то происшествие, доказавшее справедливость поучения. «Как это?» — спрашивает заинтересованный собеседник. И начинается один из многих вставных рассказов, составляющих «Панчатантру». Среди них встречаются притчи в несколько строк и повести с развитой фабулой, волшебные сказки и бытовые новеллы. Некоторые рассказы, в свою очередь, включают в себя новые вставки.

Дата, которую мы упоминали — IV век нашей эры — это, конечно, не время создания рассказов «Панчатантры», а время, когда они были объединены в один сборник. Сами рассказы возникли намного раньше. Сотни, а то и тысячи лет до этого многие из них бытовали среди индийского народа, передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Сюжеты отдельных рассказов мы встречаем уже в древнейших гимнах «Ригведы», в эпосе «Махабхарата», в буддийских повестях о воплощениях Будды — джатаках.

«Панчатантра» искусно сочетает прозу со стихом. Об «охватывающих» стихах мы уже говорили. Они, кстати, обрамляют не только отдельные рассказы, но и целые книги, — с их помощью Вишнушарман заинтересовывает царевичей и, услышав традиционное: «Как это?» — приступает к очередной книге. Проза чередуется со стихом и внутри рассказа. Если повествование почти всегда ведется прозой, то нравоучение, как правило, излагается стихами. Сжато и афористично эти стихи говорят о мудрости и глупости, богатстве и бедности, добре и зле; они поучают, хвалят, клеймят. Лишь немногие стихи излагают ход действия. Здесь прежде всего приходит на память рассказ о голубе и охотнике. Впрочем, это

уже не рассказ, а небольшая поэма. Так же как и рассказы «Панчатантры», отдельные стихи ее намного старше самого сборника. Мы находим многие из них в древних эпических поэмах, в «Дхармашастре» Ману, в науке политики — «Артхашастре».

С замечательной непосредственностью рисует «Панчатантра» жизнь своих героев — их страсти и заботы, радости и печали. Среди героев сборника встречаются воин и купец, ткач и монах, царь и подметальщик, министр и сводня. Почетное место в «Панчатантре» отведено животным, а нередко на сцену выступают и божества — но и те и другие, как это свойственно басне, в избытке наделены человеческими пороками и добродетелями. Читатель знакомится с жизнью царей и бедняков, мирян и отшельников; он оказывается свидетелем придворных интриг и семейных раздоров; он наблюдает за похождениями брахманов и купцов; за ловкими проделками жуликов.

Жизнь героев «Панчатантры» — это жизнь Индии четвертого-пятого столетий, когда в стране правила династия Гуптов, — «золотого века» древнеиндийской истории, богатого сложными социальными противоречиями и замечательными достижениями культуры. То был период становления и упрочения феодальных отношений. Расцвели торговля и ремесла, товары предприимчивых индийских купцов проникали чуть ли не во все страны Азии. Ключом была городская жизнь. Проклинающий свою долю бедняк, удачливый торговец, жадный цирюльник, наживающийся на приношениях монахов и многие другие герои «Панчатантры» — все это живые люди, населявшие индийские города и деревни. Имущественные контрасты зачастую не знали кастовых перегородок: рядом с разбогатевшим ткачом можно было встретить нищего брахмана, в поте лица возделывавшего жалкий клочок земли, — такие образы вошли и в «Панчатантру».

Разумеется, кастовые предрассудки были в полной силе, и это нашло отражение в «Панчатантре»; но бесспорна и легкая ирония, с которой автор относится к «высшим» кастам. Когда все подчинено целям наживы и обогащения, удачливый купец, ткач,

даже подметальщик — куда лучшие примеры для подражания, чем одуроченный царь или брахман. Тем более что и эти избранники отнюдь не служат образцом бескорыстия. В сказках «Панчатантры» жажда стяжательства обуревают и царей, которые, казалось бы, достигли уже всех земных благ, и аскетов, которые, казалось бы, от этих благ отреклись.

Правдиво и тонко рисует «Панчатантра» придворную жизнь; в повелителях зверей и птиц мы узнаем древнеиндийских раджей, в интриганах-шакалах — их советников. Интриги, зависть, соперничество процветают при дворе льва Пингалаки. Хитрый шакал прямо говорит ему, что нечего царю следовать примеру простых смертных, — таким путем он никогда не сможет управлять царством, ибо то, что считается пороком среди людей, для царя — достоинство. Такова мораль, которую преподают индийскому царевичу. Эта неразборчивость в средствах полностью оправдывается в истории о воронах и совах: ложь, доносы, убийства — неизбежные спутники в делах царя ворон и царя сов. Бесчестно поступают люди в погоне за богатством, говорит один из героев, они травят своих ближних, они убивают их, словно антилоп. И все же автор «Панчатантры» не столько клеймит удачливых мошенников, сколько высмеивает пострадавших глупцов. Ибо основная цель, которую он ставит перед собой, — научить разумному поведению.

Может быть, именно потому, что образы «Панчатантры» — это зарисовки с натуры, они до сих пор близки и понятны нам. Здесь и капризный владыка, который сам не знает, что он сделает в следующую минуту; и глупец, похваляющийся мнимой ученостью; и скупой монах; и доверчивый простака-муж рядом с хитрой, распутной женой; и ловкий, пронырливый жулик; и человек, ставший рабом своих страстей. И хотя имена многих героев, если раскрыть их смысловое значение, предстают уже скорее как имена нарицательные — «благоразумный», «полный ярости», «добромыслящий», «зломыслящий», «больной от любви», «очень ловкий», «тщеславный», «скупой по природе», — образы эти каждый раз очерчены в сборнике по-новому, не трафаретно, а живо, психологически оправ-

данно. Вспомнив, как сравнивал Пушкин образы скупых у Мольера и Шекспира, можно было бы сказать, что монах Девашарман, например, не просто лицемерный скряга, который торгует приношениями верующих и прячет деньги под мышку,— ему не чужды благочестие, доверчивость, сострадание; он чтит обычай гостеприимства, разумно относится к превратностям судьбы, наконец спасает невинного от жестокой казни. Это скупец не столько мольеровский, сколько шекспировский; скупец, которому не чуждо ничто человеческое.

Разумеется, нередко какая-то одна черта заслоняет в герое все остальные — больше всего это относится, пожалуй, к образам жуликов. Но и здесь каждый действует по-своему, каждый индивидуален. Вот, например, один из способов плутовства: в погоне за наживой жулик прибегает к благочестивым речам. Ничтожен этот мир, юность наша — словно горный поток, а остаток жизни — словно горящая трава; дети, друзья, женщины — лишь сновиденья... — так говорит монаху плут Ашадхабхути, а сам думает лишь о его кошельке. Подобные же речи ведет и кот Дадхикарна. Вот он садится на задние лапы, простирает к небу передние, обращает морду к солнцу и, зажмурившись, разглагольствует перед зайцем и куропаткой о добре, о правдивости, о заповеди «не убий». Доверчивые простаки подходят все ближе и в конце концов попадают к нему в пасть. Притворившись ревнителями закона, голодные жулики отнимают у брахмана козла. И создается неумирающий образ лицемера и мошенника, который, не веря сам, спекулирует на чужой вере и превращает высокие идеалы в источник наживы.

Задуманная как дидактическое произведение, как учебник для царевичей, «Панчатантра», естественно, провозглашает разум высшей ценностью. Конечно, и знание — вещь хорошая, но чего стоит знание, когда ученый неразумен? Силой разума слабый зайчик убивает льва и спасает зверей от истребления. Трех брахманов, наченных всевозможными познаниями, но лишенных сообразительности, убивает лев, которого они воскресили себе на горе. Спасает-

ся лишь их невежественный, зато рассудительный товарищ, вовремя взобравшийся на дерево. И даже в басне о двух рыбах и лягушке, где доказывается, что дело не в разуме, а в судьбе, снова та же мысль: «стоумная» и «тысячеумная» рыбы понадеялись на свою ловкость и погибли, запутавшись в сетях, а «одноумная» лягушка заблаговременно покинула опасный пруд и спаслась.

Не только себя губит глупец своим неразумием, но и других. От дурака лучше держаться подальше и нечего вразумлять его. Глупая обезьяна приняла светлячка за огонек и обложила его травой, надеясь разжечь костер. С дерева спустилась птица и стала разъяснять ей ошибку. Кончилось тем, что обезьяна схватила непрошеную советчицу и убила ее, ударив о камень. Беседовать с дураком, говорит один из героев, все равно что причитать в пустынном лесу, выпрямлять собачий хвост, умащивать покойника, шептаться с глухим. Кто служит глупцу, тот доит быка или принимает евнуха за красавицу. Жестоко платится царь, приблизивший к себе преданную, но глупую обезьяну. Охраняя покой спящего господина, та вздумала прогнать мечом назойливую пчелу и раскроила царю череп. Такой же образ перестаравшегося глупца встречается и в русской басне — в крыловском «Пустыннике и медведе».

Во всех поступках, во всех случаях жизни следует руководствоваться разумом. Разум — главное в войне. Для борьбы с врагом существуют разные способы, но каждый из них пригоден лишь в свое время. Один из советников рекомендует царю ворон заключить мир с совами, другой — вступить с ними в сражение, третий — отступить. Но мудрейший из них — старый ворон Стхирадживин придумал самый подходящий способ: с помощью ловкого обмана он входит в доверие к совам и сжигает их гнездо. Чтобы достичь своей цели, можно действовать лаской и подкупом, можно открыто напасть на соперника и поссорить его с другим. И, последовательно прибегая ко всем этим способам, умный шакал, нашедший в лесу мертвого слона, прогоняет льва, тигра, леопарда, наконец своего сородича — шакала и без всяких помех поедает добычу. Знать, где

и когда нужно действовать,— великое искусство, в нем — залог успеха.

Богатством следует пользоваться с умом — учит «Панчатантра». Деньги надо или раздавать нуждающимся, или тратить на наслаждения. Копить же их бессмысленно — они пропадают зря, словно сидящая взаперти девушка. «Панчатантра» учит не вмешиваться в чужие дела, не любопытствовать попусту — из первой же басни читатель узнает, как жестоко поплатилась обезьяна, без нужды заинтересовавшаяся строительным ремеслом. Нередко несчастья постигают героев по их собственной вине: так монах лишился денег, шакала убили бараны, а сводне отрезали нос и уши,— и все пострадавшие были сами виноваты в своих бедах.

Очень многое значит разумная речь. Говорить следует лишь там, где твои слова принесут пользу. Разумным вопросом брахман спас себя от чудовища. А болтовня может погубить. Болтливых птиц, например попугая, ждет клетка, а молчаливая цапля не знает плена. Речь, сказанная не к месту и не ко времени, подобна губительной отраве: даже о правде лучше умолчать, если она может привести к несчастью. Так поплатился за свою правдивую речь гончар, поступивший на службу к царю.

Все эти сугубо практические, подчас циничные, наставления царедворца переплетаются в «Панчатантре» с наставлениями в этике, морали, философии. Особое место в этих наставлениях занимает проповедь дружбы, этого «сокровища из двух слогов».

Героям «Панчатантры» не так страшно лишиться жизни, как лишиться верного друга. Вся вторая книга сборника — сплошной гимн дружбе, вся первая книга — осуждение клеветников-разлучников, губящих дружбу. Дружба делает неодолимыми даже слабых,— таковы дятел, комар и лягушка, победившие слона. И если союз спасает, то раздор губит,— так гибнет сказочная птица с двумя шеями, которые поссорились между собой; так гибнут две змеи, показавшие человеку, где они уязвимы.

«Панчатантра» восхваляет самоотверженность, сострадание к ближним, гостеприимство, милосердие к просителю. Воспевается

даже дерево, дающее приют птицам, газелям, обезьянам и пчелам: ведь то дерево, которое никому не приносит добра, попусту обременяет землю. Лишь сострадание и самоотверженность делают нужной жизнь человека — эта мысль с предельной силой выражена в басне о голубе, который бросился в огонь, чтобы накормить своим мясом голодного иззябшего охотника. И здесь, пусть гиперболлизированно, пусть несколько непривычно для нашего читателя, провозглашается одна из самых дорогих для древнеиндийской этики идей.

Книга не только воспеваает добродетели, но и бичует пороки — неблагодарность, корыстолюбие, высокомерие. По заслугам погиб шакал, который вознесся над своими сородичами и отсекся от них; по заслугам проучил именитого купца оскорбленный подметальщик. Беспощадно высмеивается жадность, особенно жадность нелепая и безрассудная. Она ведет к гибели чересчур экономного шакала, который, оставив про запас убитого охотника и вепря, решил полакомиться сначала тетивой охотничьего лука. Жестоко платится за свою жадность один из четырех друзей-кладоискателей, который, не довольствуясь золотом, продолжает поиски в надежде найти алмазы. Никогда не знает жадный меры, — говорит автор, — получив сотню, он стремится к тысяче, затем к сотне тысяч, затем — к царству; но и царства ему мало, и он хочет владеть небом. Старее человек, но не старее его алчность.

Как мы видим, некоторые поучения «Панчатантры» трудно совместить друг с другом, — книга словно рассчитана на людей разных взглядов, разных темпераментов. Одни стихи говорят о могуществе судьбы, «написанной у каждого на лбу», о бесполезности усилий людей, невольно следующих своей природе. И тут же отдается дань предприимчивости, смелости, силе: чтобы достичь цели, нужны дела, а не мечты; чего не совершит ум, соединенный с отвагой? А вот рассказ, согласно которому все зависит от окружающей среды, — об этом говорит пример двух братьев-попугаев, из которых один вырос у охотников, а другой — у отшельников. По-разному относятся герои книги к своему дому, к своей стране.

Одни ищут счастья на чужбине и подкрепляют это соответствующими поучениями. А другие, как они ни бедствуют, не в силах оставить родной очаг.

Взгляды «Панчатантры» на жизнь далеки от строгости и последовательности; нелегко свести их в единую, законченную систему. Здесь не надо забывать о глубоком различии между отдельными составными элементами «Панчатантры». В основу ее легли народные сказки, восхвалявшие дружбу, верность, отвагу, бичевавшие жадность богачей и лицемерие святош. Но сказки эти были обработаны брахманом-царедворцем, а тот, следуя своему замыслу, в избытке снабдил их нравоучениями в духе «науки политики», выражавшей интересы придворной верхушки.

И вместе с тем противоречия «Панчатантры» свидетельствуют о том, как живо отразил этот памятник противоречивый мир людских мыслей и желаний. Здесь содержится немало тонких наблюдений над человеческими характерами, метких замечаний, афоризмов. Мы прочтем в этой книге о преуспевающем пороке и гонимой добродетели, мы прочтем о том, как неразумны запоздалые сожаления; о том, как ложь рядится в одежды истины, а истина кажется ложью; о том «горе от ума», которое ждет достойного на царской службе. И многое в этой книге не оставит нас равнодушными.

«Панчатантра» своеобразна по своему жанру, композиции, стилю. Ее называют обычно «книгой басен», «сборником рассказов», но названия эти никак не вмещают в себя всей специфики памятника, как не вмещает ее и древнеиндийское «Нитишастра». В «Панчатантру» надо вчитаться, надо войти в нее. Многие ее рассказы не назовешь ни сказкой, ни басней,—слишком ясно указаны в них обстоятельства действия, слишком реален, даже будничен сюжет. Но это и не привычная для европейского читателя бытовая новелла: волшебники, боги, чудища, не говоря уже о животных, пользуются здесь всеми правами гражданства. Люди действуют рядом с животными, заботы ткача сплетаются с заботами богов, реальность — с волшебством. И это ничуть не нарушает той фикции прав-

доподобия, которая свойственна всему сборнику. Ход действия, о ком и о чем бы ни шла речь, излагается с непоколебимой верой в истинность происшедшего, в ценность преподаваемого наставления. Веру эту не колеблет и мягкая, подчас едва уловимая ирония, которая окутывает многие рассказы. Вряд ли можно без улыбки читать, как лакомка-клоп, отведав и оценив кровь представителей всех сословий, возмечтал о царской крови. Вот два шакала, ослепленных нелепой надеждой, пятнадцать лет подряд следят за быком. Вот осел, изголодавшийся по сочной траве и по любви,— он готов поверить, что на него бросился не лев, а страстная ослица. И неизменная серьезность, с которой все это излагается, делает для нас ситуацию еще более комичной.

Дидактика органично связана в «Панчатантре» с увлекательной фавулой. Тон этой дидактики не однообразен — он то вышшен, то прост, то мягок, то резок. Примеры, которыми герои иллюстрируют свои поучения, то серьезные, то горьки, то комичны. Назидательные отступления чередуются с живым диалогом. Язык то живой и легкий, то усложненный и риторичный. Проза искусно сочетается с поэзией, а в стихах щедро рассыпаны ассонансы, повторы, каламбуры — эти излюбленные приемы индийского поэтического мастерства, зачастую до того сложные, что адекватно передать их на русском языке совершенно невозможно.

Судьба «Панчатантры» столь же неповторима и своеобразна, как ее рассказы. Во многих вариантах распространилась она по Индии: известны кашмирские версии, обработки, принадлежащие монахам-джайнам (об этих монахах читатель прочтет в самой книге), буддийская версия и другие. Рассказы «Панчатантры» переходят во многие популярные сборники рассказов, возникшие в Индии позже, в XI—XIII веках, например, в «Хитопадешу» («Полезное наставление»), в «Катхасаритсагару» («Океан сказочных рек»). Они переводятся на гуджерати, маратхи, тамильский и другие индийские языки. Но уже задолго до появления этих книг и переводов «Панчатантра» вышла за пределы Индии и начала свое

беспримерное путешествие по свету. История этого путешествия сама по себе составляет целую книгу.

В VI веке персидский царь Хосрой Ануширван приказал перевести «науку разумного поведения» на пехлевийский язык. Согласно легенде, он специально с этой целью послал в Индию своего врача Бурзое. С помощью всевозможных хитростей персу удалось получить доступ к заветной рукописи, тщательно хранившейся будто бы в царской сокровищнице. Бурзое переписал книгу и вернулся с ней на родину, а заодно привез из Индии и шахматы. Так предание связывает судьбу «Панчатантры» и судьбу шахматной игры, тоже родившейся в Индии. Перевод Бурзое был в том же VI веке переложен на сирийский язык, а в VIII веке Абдаллах Ибн ал-Мукаффа перевел его на арабский. Книга Абдаллаха Ибн ал-Мукаффы по искаженным в пехлевийской, а затем арабской передаче именам шакалов из первой книги «Панчатантры» («Каратака и Даманака») получила название «Калила и Димна».

Следующим этапом распространения «Панчатантры» явились многочисленные переложения «Калилы и Димны». Около 1080 года византийский писатель Симеон Сиф перевел ее на греческий язык. При этом название книги он ошибочно понял как арабские слова «иклиль» — «венец» и «диман» — «следы кочевья». Так греческий текст получил название «Стефанит и Ихнилат» — «Увенчанный и следопыт». Благодаря переводу Сифа индийский сборник пришел на Русь; по-видимому, уже в XII веке появились первые славянские переводы этой книги с греческого. Вот название одного из списков такого перевода: «Описание Сифа Антиоха о зверех, нарицаемых Стефанита и Ихнилата». Интересно, что книгу эту древнерусские переводчики считали наставлением в христианском благочестии и склонны были приписывать ее знаменитым христианским святым, например Иоанну Дамаскину, Иоанну Лествичнику.

В начале XII века рабби Иоэль перевел «Калилу и Димну» на древнееврейский язык. В середине XIII века появляется испан-

ский перевод. Примерно в это же время Иоанн из Капуи переводит древнееврейский текст на латинский язык,— книга получает новое название «Наставление человеческой жизни». Так приходит «Панчатантра» в Западную Европу. «Наставление» переводится на немецкий, итальянский, французский, чешский и другие языки. Книга тысячелетней давности получает широкую популярность; ее с интересом читают, вновь перерабатывают; она влияет на творчество новеллистов эпохи Возрождения, на гуманистов, она отражается в новеллах Боккаччо, в шванках Ганса Закса, в баснях Лафонтена. Несколько позже — через персов и турок — приходит в Европу другой отголосок «Калилы и Димны». Ее персидская версия была переведена в XVI веке на турецкий язык, а турецкая «Гумайюн-наме» («Царственная книга») переводится на французский. В 1762 году в Санкт-Петербурге издается перевод с французского, выполненный Борисом Волковым: «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского». Русский читатель вторично знакомится с «Панчатантрой». Древнеиндийские сказочные сюжеты переходят в русские сборники притч и басен, ими пользуется Крылов. А позже «Басни Пильпая» и некоторые другие сборники, сохранившие рассказы «Панчатантры», становятся известны Льву Толстому. Высоко оценив их нравоучительный характер, их занимательность и доступность, великий писатель обрабатывает отдельные басни и включает их в свою «Азбуку» для детей.

Мы бегло проследили путь «Панчатантры» на запад, но она пересекла и восточные границы Индии, пришла в Малаю, Индонезию, Сиам. Вряд ли стоит перечислять все обработки «Панчатантры» на ее родине и за ее пределами и даже языки, на которых ее пересказывали. Это утомит читателя,— ведь таких обработок насчитали свыше двухсот, а таких языков — свыше шестидесяти. «Панчатантру» узнали афганцы и датчане, берберы и чехи, англичане и эфиопы, грузины и исландцы, хорваты и монголы, турки и шведы, венгры и лаосцы — народы столь разных культур, укладов, вероисповеданий.

«За Индией справедливо укрепилось название страны сказок...— писал выдающийся русский востоковед С. Ф. Ольденбург.— Из этого моря сказок... встает один сборник, которому было суждено после Библии стать одною из самых распространенных в мире книг, переведенною еще в средние века и переводившуюся и потом на все почти языки земного шара. Этот сборник в Индии назывался «Панчатантра»... И действительно, трудно найти другой литературный памятник, который по своей известности за пределами родины мог бы соперничать с этим древнеиндийским «Пятикнижием». Заметим, однако, что распространение Библии среди некоторых народов временами носило организованный, даже насильственный характер; переводясь слово в слово, она нередко оказывалась чуждой туземному населению, не могла органически войти в его культуру. Куда более стихийно и естественно шло распространение «Панчатантры», далекой от ранга «священного писания». Всюду, куда приходила эта книга, она становилась духовным достоянием читателя — был ли то буддист или мусульманин, христианин или иудей, верующий или атеист.

Книга может прожить одну жизнь, а может и больше, чем одну. Одна жизнь книги, первая и неповторимая,— среди тех, кто ее вдохновил, другими словами — среди ее собственных героев. А потом она может вновь и вновь жить среди новых поколений. Первая жизнь — однодневная или многолетняя, в народе или среди «избранных» — дана всем книгам. Но многие ли из них способны взволновать потомков? Какие именно из книг о нас самих захотят читать наши дети и внуки? На этот вопрос не легко ответить,— ведь время судит строго. Сколько книг исчезает сначала с нашего стола, затем из памяти, под конец из учебников и энциклопедий. Но есть и такие, что выдерживают испытание временем; они, как сказал бы автор «Панчатантры», словно рождаются вторично в мире людей. Великим злом для человека считает верующий индеец такое возрождение, а для книги трудно сыскать более завидную судьбу. И среди немногих книг-избранниц, попавших в круговорот рождений, по праву занимает свое место «Панчатантра».

* * *

Данный перевод сделан с джайнской версии «Панчатантры», составленной в 1199 году монахом Пурнабхадрой (The Panchatantra. Text of Purnabhadra, ed. J. Hertel. Harvard Oriental Series, vol. 11—12, Cambridge, Mass. 1908—1912). Полный русский перевод версии Пурнабхадры был опубликован издательством Академии наук СССР в 1958 году. Для настоящего издания прозаический текст перевода с незначительными сокращениями был заново отредактирован. Стихотворная часть памятника, несколько сокращенная, подверглась поэтической обработке.

А. Сыркин

ΠΑΝΜΑΤΑΝΤΡΑ

ВСТУПЛЕНИЕ

Достойно! Ом! Слава божественной Сарасвати! *

От всех учений в мире Вишнушарман *
Полезнейшее отобрал,— и создал
Науку поведенья — в Пятикнижье,
Отрадную сердцам.

Вот что рассказывают. Есть в южной стране город под названием Махиларопья *. Жил там царь Амара-шакти (что означает «обладающий бессмертной силой»), сведущий во всех науках житейской мудрости. Множество драгоценных камней из диадем славнейших царей покрывали сиянием его ноги, и несравненного

уменья достиг он во всех искусствах. Было у него три необычайно глупых сына: Васушакти, Уграшакти и Ананташакти (что означает: «обладающий богатой силой», «обладающий огромной силой», «обладающий безмерной силой»). И, видя, что они отвернулись от наук, царь созвал министров и сказал:

— Увы! Известно вам, что сыновья мои отвернулись от наук и лишены разума. Гляжу я на них, и даже царство, избавленное от врагов, не радует меня. Хорошо ведь говорится:

Нетельная, недойная зачем корова? Толку нет!
В невежде непочтительном, ленивом сыне — толку нет!

Найдите же какой-нибудь способ пробудить их разум!

Тут министры заговорили друг за другом:

— Божественный! Люди двенадцать лет изучают одну только грамматику. А когда наконец одолеют ее — принимаются за науки о законах и житейской мудрости. Тогда только пробуждается их разум.

Тут выступил советник по имени Сумати (что означает «благоразумный») и сказал:

— Божественный! Не вечно длится наша жизнь, а науку речи изучать долго. Поэтому надо поскорее придумать что-нибудь, дабы пробудился разум сыновей твоих. Сказано ведь:

Из жизни мимолетной и непрочной
Суть извлечет наука речи точной.
Так гуси молоко собрали цельное
Из смеси молока с водой проточной*.

Есть здесь брахман * Вишнушарман, которого славят как несравненного знатока многих наук. Поручи ему царевичей. Наверное, он быстро пробудит их разум.

Услышав это, царь призвал Вишнушармана и сказал ему:

— О блаженный! Если можешь сделать так, чтобы дети мои превзошли всех остальных юношей в науке житейской мудрости, будь милостив ко мне и сверши это. Сотней даров награжу я тебя.

Тогда Вишнушарман ответил лучшему из царей:

— Божественный! Услышь мою правдивую речь. Ведь и за сотню даров не продам я знание. Но если через шесть месяцев они не овладеют наукой разумного поведения, я отрекись от своей славы. К чему много слов? Пусть услышат мой голос, подобный рыку льва. Не ради корысти я говорю. Мне восемьдесят лет, я отказался от всех чувственных устремлений — где уж мне стремиться к выгоде? Лишь для того чтобы исполнить твое желание, я примусь за ремесло Сарасвати. Пусть же запишут этот день. Если через шесть месяцев дети твои не превзойдут всех других юношей в науке разумного поведения, пусть божественный покажет мне дорогу богов *.

И когда окруженный советниками царь услышал это необычайное обещание брахмана, он в изумлении передал Вишнушарману сыновей и снова обрел душевный покой. А тот взял царских детей и пошел к себе домой. Вскоре он сочинил пять книг: «Разъединение друзей», «Приобретение друзей», «О воронах и совах», «Утрата приобретенного» и «Безрассудные поступки» — и дал

царским детям прочитать эти книги. Они изучили их и стали такими, как было обещано. С тех пор эта наука разумного поведения, названная «Панчатантрой», служит в мире для обучения юношей. Что тут долго говорить:

Кто ревностно и не жалея сил науку поведенья изучил,
Того и Шакра *, первый средь богов, не в состоянье будет
погубить ** 1.

Таково вступление к повествованию.

¹ Стихи, отмеченные двумя звездочками, даются в переводе А. Сыркина.

I

РАЗЪЕДИНЕНИЕ
ДРУЗЕЙ

Здесь начинается первая книга, называемая «Разъединение друзей». Вот ее первый стих:

Все крепла дружба льва с быком в былые времена,
Но жадный клеветник-шакал сгубил ее навек.

Рассказывают, что есть в южных странах город под названием Махиларопья, что одарен всеми достоинствами и соперничает с городом Пурандары*.

Жил там купец по имени Вардхамана (что означает «процветающий»). Своим благочестием в прошлой жизни он заслужил множество богатств в нынешней и был наделен всевозможными достоинствами. Как-то раз среди ночи он впал в раздумье, и думы его были таковы: «Даже великое добро, если его тратить, тает, словно глазная мазь, и даже малое растет, как муравейник, если его приумножают! Итак, надо увеличивать свое богатство, пусть даже с великим трудом. То, что еще не добыто,— надо добывать, добытое — сохранять, сохраненное — приумножать, а умноженное пусть доста-

нется владельцу. Но многочисленны бедствия жизни, и, как ни охраняй добро, оно всегда может внезапно погибнуть. А не пользоваться своим богатством, когда придет нужда,— все равно что не иметь его. Поэтому, приобретя добро, следует хорошо его сохранять, приумножать и пользоваться им. Сказано ведь:

Свое добро приумножаем, когда разумно раздаем.
Поля богаты урожаем, когда поит их водоем.

Только деньги ловят деньги, а слоны слона затравят.
Торговать бедняк не может, лишь тоску свою растравит!»

Поразмыслил он так и приготовил ценные товары, чтобы послать их в Матхуру*. Когда же настал благоприятный день, купец испросил позволения родителей и под счастливой звездой вышел из города вместе со свитой. Родственники сопровождали его и в пути играли перед ним на раковине и турье*. Дойдя до берега, он отпустил друзей и отправился дальше.

Два быка тянули его повозку — Нандака (что означает «радостный») и Сандживака («живучий»). Они были отмечены счастливыми признаками, белоснежны, как облака, и грудь их украшали золотые колокольчики. Так достигли путники леса, который радовал сердце тесно растущими и приятными для глаз деревьями. Были среди них дхава, кхадира, палаша, шала* и многие другие. И великий страх вызывало у людей обилие слонов в этом лесу, гайялов*, буйволов, антилоп, яков, кабанов, тигров, пантер и медведей. Здесь набралось много воды, стекавшей со склонов гор, и часто попадались на пути пещеры и непроходимые места. И вот у одного из быков — Сандживаки — нога завязла в трясине, возникшей от струй дальнего водопада. Тут, измученный негодной повозкой и чрезмерным грузом, бык

упал, разорвав упряжь. Увидев, что бык свалился, встревоженный возница слез с повозки, поспешил к находившемуся поблизости хозяину и, почтительно сложив ладони, сказал ему:

— Сын благородного! Утомленный дорогой, Сандживака упал в трясину.

Услышав это, купец Вардхамана очень опечалился. На пять ночей прервал он свое путешествие, но бык все не поправлялся. И тогда купец передал его слугам, оставил им пищу и сказал:

— Если выживет Сандживака, возьмите его с собой, а если умрет — похороните и возвращайтесь.

Приказал он так и, выполняя свое намерение, отправился в глубь страны. А слуги побоялись оставаться в лесу, где их на каждом шагу подстерегали опасности, и на следующий же день вернулись к господину.

— Умер Сандживака,— солгали они.— Мы похоронили его, совершив сожжение и другие установленные обряды.

Услышав это, купец погоревал некоторое время, затем совершил из благодарности к быку погребальную церемонию и прочие обряды и беспрепятственно достиг Матхуры.

Между тем изможденный Сандживака волею судьбы остался в живых и, утолив жажду водой водопада, потихоньку спустился на берег Ямуны *. Там он ел кончики побегов молодой травы, подобные смарагдам, и в несколько дней стал жирным, как бык Хары *, высоким и сильным. Каждый день разрывал он муравьиные кучи остриями своих рогов и стал подобен слону.

И как-то раз лев Пингалака (что означает «красновато-коричневый») спустился на берег Ямуны напиться воды. Тут раздался могучий рев Сандживаки. И, услышав его, лев сильно встревожился сердцем, но скрыл

свои чувства и расположился под округлой сенью смоковницы.

А у царя были два шакала — Каратака (что означает «темно-красный») и Даманака (что означает «усмиритель»), — дети советников, отстраненные от службы. Видя состояние льва, они стали советоваться друг с другом, и Даманака сказал:

— Дорогой Каратака, ведь господин наш Пингалака отправился за водой... Почему же он обеспокоился и остановился здесь?

Каратака ответил:

— Дорогой, какое нам до этого дело? Сказано ведь:

В дела чужие не встревай, — они несведущим опасны.

Так обезьяна, вырвав клин, нашла себе конец ужасный.

Даманака спросил:

— Как это?

И тот рассказал:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Есть в одной стране город. Неподалеку от него, посреди рощи, некий купец строил храм. Каждый день в полдень зодчий и все рабочие отправлялись в город за едой. И как-то раз стая обезьян приблизилась к этому недостроенному храму. А между тем один работник оставил около храма большое полурасколотое бревно из дерева анджаны*, в которое вставил клин из кхадиры. Обезьяны начали весело играть, где только им хотелось: на макушках деревьев, на верхушке постройки, на грудах поленьев. И тут одна из них, уже близкая к своей гибели, безрассудно уселась на бревно. «Кто вставил этот клин и к чему

он здесь?» — заинтересовалась она и, ухватив его обеими лапами, стала вытаскивать. Между тем яйца ее попали в щель полурасколотого бревна, — и ты сам поймешь без лишних слов, что произошло, когда она вытащила клин!..

Потому я и говорю, что разумные не должны лезть в чужие дела. — Затем он сказал: — Мы ведь поддерживаем свою жизнь лишь чужими объедками.

Даманака ответил:

— Неужели ты служишь повелителю ради одной только пищи и не стремишься к отличию? Хорошо ведь говорится:

Друзьям во благо и врагам во вред —
Так служит у властителя мудрец,
А брюхо набивать себе, жирея,
И наживаться — чести в этом нет!

Кто не способен различать, где польза и где вред,
Кто не желает исполнять законы древних лет,
Кто лишь утробу набивать способен до отказа —
Ну, разве лучше он скота? — По-видимому, нет!

Или же:

Зато наш скромный, добрый бык, что тянет тяжкий плуг,
И тащит воз, и ест траву, — всем труженикам друг!
Он благородным сердцем чист!.. Как может с ним сравниться
Неблагородный человек, что к праздности стремится?

Но Каратака ответил:

— Мы ведь невысокого звания. Какое нам до этого дело?

Даманака возразил:

— Дорогой, и невысокий может со временем вы-
выситься. Сказано ведь:

Никто еще одной могучей силой
Не стал велик и не бывал унижен.
Ведь в этом мире лишь дела людские
Несут почет или ведут в презренность **.

А также:

Груз в гору подымать куда как тяжело!
А под гору — покатится.
Нас медленно заслуги кверху тащат,
Толкают вниз провинности.

— Что же ты хочешь этим сказать? — спросил Ка-
ратака.

Даманака ответил:

— То, что наш господин испугался, испугалась и его
свита, и вот он в смятении.

Каратака спросил:

— Откуда ты все это знаешь?

И Даманака воскликнул:

— Да разве же это не ясно?

Слова поймут и звери укрощенные.
Ты знак подай — и слон в дорогу тронется!
Без слов поймут лишь истинно ученые:
В чужих чертах им многое откроется!

А также:

По очерку лица, и по чертам, походке, и повадке, и очам,
Нечаянному вздрагиванью рта — я скрытое без слов открою сам!

Поэтому сегодня же я подчиню его себе силой своего
разума.

Каратака сказал:

— Ты ведь не искушен в службе. Объясни же, ка-
ким образом ты подчинишь его себе?

Тот ответил:

— Что ты, дорогой, неужели мне не знакома служба? Я изучил все обязанности подданных, перечисленные великим мудрецом Вьясой *, там, где говорит он о вступлении пандавов в город Вираты *. Сказано ведь:

Для сильного нет страшного! Что дальний путь отважному?
Для мудреца чужбина — кров! У сладкоуста нет врагов!

Но Каратака сказал:

— Как бы не стал он презирать тебя, если ты займешь неподобающее место!

Даманака ответил:

— Ты прав. Но я умею выбирать подходящее место и время. Сказано ведь:

Хотя бы сам Брихаспати * взял слово не ко времени —
Конец его достоинству, он примет поношение.

А также:

Доверьем облеченному и то входить не следует,
Когда во гневе царь его, иль с мудрецом беседует,
Иль в жажде одиночества от слова раздражается,
Иль, занят красотой своей, по-царски наряжается!

И еще:

Тогда не входит вежливый, когда лекарство капают
И пьют бальзам целительный или спокойно бреются,
Когда ответы взвесивши, ведут беседу тайную,
Когда ложатся с женщиной и рай найти надеются!

Будь осмотрителен, войдя в покои светлого царя.
Словам учителя внимай, ни слова сам не говоря.
Порывистому все грозит! Он гибель быструю найдет,
Он, как в лачужке бедняка светец дешевый, пропадет!

И также:

Троим дано собрать плоды золотоцветущих пажитей:
Боюцу, ученому, слуге.— Поможет опыт нажитый!

Послушай же, как надо служить:

Властителю представлен будь людьми, ему угодными,—
Людьми сладкоречивыми и духом благородными.

Служи царю достойному,— пусть не у власти он, забыт,
Пусть даже бедствует пока! — Он завтра щедро наградит.

Кто в жаркой битве впереди, а в городской толпе затерт
И, во дворце служа, не горд — к тому властитель милостив!

Кто говорит царю: «Живи!», приятен, скромен и учен,
Но в действиях и скор и тверд — к тому властитель
милостив **.

Кто — одарен царем — раздал нуждающимся золото,
Но в платье дарственным предстал,— к тому властитель милостив.

Кто не оспорит речь царя, но смеху смехом не польстит,
Не скажет вслух, чего нельзя,— к тому властитель милостив!

Кто, зная, что царем любим, и все ж, черту не преступив,
Не кланяется, сдержан перед ним — к тому властитель милостив! **

Кто, слыша царских недругов, как будто бы не видит их —
Презренным лишь обидит их — к тому властитель милостив!

Кто может в бодром мужестве, считая бой забавою,
Тоску чужбины вынести — к тому владыка милостив!

Кто говорит о браге — «яд»,
И о костях игральных — «смерть»,
О женских чарах — «суета»,—
К тому властитель милостив.

Каратака спросил:

— Как же ты заговоришь, придя к нему? Расскажи
об этом.

Даманака ответил:

Из слова слово вырастет
И речь из речи вытечет,
Так жизнь из одного зерна
Другие зерна выточит!

Каратака сказал:

— Но трудно одолеть царей. Сказано ведь:

Змееподобны все цари,
Сластолюбивы, скрытны, злы,—
Нрав переменчив, мрачен дух.
Им без наставников нельзя.

Скалоподобны все цари! Так неудобно высоки,
Оплот преступникам дают и хищникам ночной приют.

Вооруженный человек, и хищный зверь, и светлый царь,
Река и женщина — вот те, кому не стоит доверять!

И Даманака ответил:

— Это правда. Но все же:

Постигнув человека нрав и помыслы его узнав,
Мудрец сумеет без труда им по желанью управлять.

Итак, хваля царя разгневанного,
Любя его друзей, унизив недругов,
За все благодаря, что пахнет милостью,—
Его без колдовства ты пешкой сделаешь!

А все же:

Лишь там произносите речь,
Где будет польза от нее,—
Там, где оставит прочный след,
Как на холсте цветной узор!

Сочти врагов своих ряды,
Иль пропадут твои труды
Бесплодно, словно лунный свет
На снеговом покрове гор!

И Каратака ответил:

— Если таково твое желание — иди к стопам царя.
Счастливым путь! Да исполнятся твои замыслы!

В чертоге царском ты не смей играть своею головой:
Запомни, что в твоих руках благополучие друзей!

И, поклонившись ему, тот отправился к Пингалаке. Видя, что подходит Даманака, Пингалака сказал стражу:
— Убери камышовую трость*. Это Даманака. Он сын нашего старого министра и может беспрепятственно входить сюда. Пусть же входит.

И Даманака вошел, скромно поклонился Пингалаке и сел на предложенное место. А тот протер над ним правую лапу, украшенную когтями, подобными громовым стрелам, и, свидетельствуя ему свое уважение, спросил:

— Здоров ли ты? Почему тебя давно не видно?

Даманака ответил:

— Если и нет до меня нужды стопам божественного, все же я должен говорить, когда приходит время говорить. Нет такого, что не могло бы пойти на пользу царю! Сказано ведь:

Соломинка — и та владыке служит смело,—
Поковырять в зубах да в ухе почесать!
А тот, кто речью наделен и телом,
При случаях свершает чудеса.

Ведь по наследству служу я стопам божественного и даже в несчастьях следую за ним. Нет у меня другого пути. Сказано ведь:

Слуга хорош, когда он служит, а платье хорошо, как платье.
На головах не носят обувь,—хорошее должно быть кстати.

По праву занимая трон, царь и богат и родовит,
Но коль заслуг не ценит он, слуга подальше норовит!

Коль скоро чином равные с слугой царя презрительны,
А низшие ведут себя распущенно, как равные,—
Возвышен уж не будет он, удел его — бесславие:
Тогда ему властителя покинуть позволительно!

И еще:

Если жемчужину грубо оправили
В серый свинец, а не в золото светлое —
Блеска лишится она, обеславлена,
Стыд какой мастеру златокузнечному!

А если господин говорит, что давно не видел меня —
пусть выслушает причину:

Царь, лучших слуг не отличив, себя считает справедливым.
Напрасно! Ревень пропадет у самых преданных ему!

Кто не умеет отличать от красных кубиков рубины,
Как драгоценности тогда, как лалы станет покупать.

К тому же качества слуг зависят от достоинства господина. Сказано ведь:

Мужчина, женщина и слово,
Кинжал, наука, лютня, конь —
Зло принесут или добро!
Здесь все зависит от владельца.

Не следует презирать меня за то, что я шакал. Сказано ведь:

Нам черви шелк дают, а камни — золото,
И дурву* — шерсть коровья;
В какой грязи цветок! В навозе — лотосы,
И рочана* — из желчи;
Скрыт в дереве огонь, а в море спит луна,
Приносят жемчуг змеи...*
Происхождение — что? Нет, качества одни
Внимания достойны!

А также:

Хоть при домашнем очаге — не вчуже — мыши развелись —
Но вредоносных бьем!
В прибудной кошке польза есть — и вот балуем мы ее,
В обиду не даем!

И кроме того:

Достигших просветления
Не ставьте рядом с прочими:
Богатством их не свяжете,
Травинкою непрочною!
Слон в мускусном поту своем
Блестает темной свежестью,—
Его канатом лотосным
Удерживать — невежество!

Пингалака сказал:

— Не говори так. Ты ведь сын нашего министра.

Даманака ответил:

— Божественный! Мне надо кое-что сказать.

Царь молвил:

— Поведай, дорогой, что лежит у тебя на сердце.

И Даманака спросил:

— Почему, отправившись за водой, господин вернулся оттуда и остановился здесь?

Но Пингалака, скрывая свою тревогу, ответил:

— Даманака, тут нет ничего особенного.

Тот сказал:

— Божественный! Если не следует этого рассказывать, то пусть будет так.

Во многом будь с супругой откровенен,
В другом — с друзьями, в третьем — с сыновьями:
Сам по себе достоин веры каждый,
Но каждому все тайны знать не надо **.

Тут Пингалака подумал: «Видно, он может принести пользу. Поэтому открою-ка я ему свое намерение. Сказано ведь:

Чтобы вернуть былое счастье,
Ты четверым печаль свою поведай:
Жене своей, молитвы возносящей,
Любимому слуге, царю и другу».

— Слышишь ли ты вдалеке громогласный рев?

Тот ответил:

— Слышу, господин. Но что же в нем особенного?

И Пингалака сказал:

— Дорогой, я хочу уйти из этого леса.

— Почему? — спросил Даманака.

Пингалака объяснил:

— В наш лес проникло какое-то необычайное существо — оно-то и ревет столь громко! Каков его рев, такова и природа, а какова природа, такова и сила.

Но Даманака возразил:

— Неужели владыка поддался страху лишь потому, что услышал рев? Сказано ведь:

Река — речной плотине смерть. Беспечность — для решений ^{смерть.}

Любви смертельна клевета. А трус от слова упадет!

Не годится, чтобы господин ни с того ни с сего оставил лес, доставшийся ему в наследство от предков. К тому же мало ли что здесь слышно, но все это — лишь звуки, а не причина для страха. Гремит гром, звучат флейта, лютни, барабаны, раковины, цимбалы, скрипят повозки, лязгают дверные засовы, и всего этого нечего бояться. Сказано ведь:

Из двух царей-противников тот не узнает гибели,
Кто сохраняет мужество, врага узрев сильнейшего.

А также:

Пускай разгневан сам творец,—
Отважный не лишится мужества,
От зноя высохнут пруды,
Но Инда волны выше вздыбятся! **

А также:

Не часто сын у матери родится
Такой, что в горе не теряет веры,
В боях отважен, в счастье не заносчив:
Он — драгоценность трех вселенных! *

А также:

Увы, лишенный гордости — сродни былинке слабенькой:
Беспомощно сгибается и не имеет ценности.

Зная это, господин должен быть смелым и решительным. Нечего тревожиться из-за какого-то рева.
Сказано ведь недаром:

Увидел нечто я в лесу, на вкусный жир похожее...
Но стал я грызть,— и что нашел? Лишь древесину с кожей!

Пингалака спросил:

— Как это?

Даманака рассказал:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Жил в одной местности шакал, шея которого исхудала от голода. Как-то в поисках пищи он набрел в лесу на место, где царь недавно дал сражение. Остановившись на мгновение, шакал услышал громкий звук. Тут он сильно встревожился сердцем, глубоко опечалился и сказал:

— Увы! Несчастье обрушилось на меня. Теперь я погиб. Кто издает этот звук? Что это за существо?

И, пройдя еще немного, он увидел барабан, похожий на верхушку горы. Тут шакал подумал: «Возникает ли этот звук сам собой или вызван чем-нибудь другим?»

А на самом деле барабан этот звучал, когда его касались кончики трав, колеблемых ветром, а сам по себе он был беззвучен. Приблизившись, шакал увидел, что барабан ни к чему не пригоден; он с любопытством стал ударять по нему с обеих сторон и очень обрадовался: «Да! Наконец-то мне попалась еда: тут внутри, несомненно, есть мясо и жир!» Подумав так, он проткнул барабан и влез в него. А барабан был обтянут грубой кожей, так что шакал едва не сломал себе зубы. И, увидев, что от барабана остались лишь дерево и обрывки кожи, шакал потерял всякую надежду поесть и прочитал стих:

Увидел нечто я в лесу, на вкусный жир похожее...
Но стал я грызть,— и что нашел? Лишь древесину с кожей.

Потому я и говорю, что не стоит тревожиться из-за одного лишь рева.

А Пингалака сказал:

— Увы! Ведь свитой моей уже овладел напрасный страх, и она хочет бежать. Как же проявлю я стойкость и отвагу?

Даманака ответил:

— Господин, это не их вина, ибо слуги походят на своих господ. Сказано ведь:

Мужчина, женщина и слово,
Кинжал, наука, лютня, конь —
Приносят зло или добро!
Здесь все зависит от владельца.

Прояви же стойкость и мужество и оставайся здесь. А я тем временем узнаю, что это за существо, и вернусь обратно. Тогда надо будет действовать смотря по обстоятельствам.

Пингалака спросил:

— Неужели ты отважишься пойти туда?

Даманака ответил:

— Разве станет сомневаться хороший слуга, исполнять ли ему приказ господина? Сказано ведь:

Когда приказано слуге нелицемерно верному —
Не струсив, кинется в огонь и море вплавь пересечет!

Легко ли, трудно ли слуге приказ исполнить — все равно,
Не то, какой же он слуга? Нет пользы от него царю! **

Пингалака сказал:

— Дорогой! Иди, если так. Счастливого пути!

И Даманака, поклонившись ему, отправился в ту сторону, откуда раздавался рев Сандживаки. Когда же Даманака ушел, Пингалака, испытывая в сердце страх, подумал: «Ах! Плохо я сделал, что доверился ему и рассказал о своем намерении... Ведь Даманака этот был отстранен от службы и теперь может причинить мне зло. Сказано ведь:

Кто — возвеличенный — потом униженным окажется,
Хоть он и знатен — может ли желать добра правителю?

Поэтому перейду-ка я лучше на другое место и останусь там, чтобы узнать, каковы его замыслы. Вдруг Даманака вернется вместе с этим существом, чтобы погубить меня? Недаром сказано:

Коль слабый осмотрителен —
Не станет жертвой сильного,
Но сильных опрометчивость
Их жертвой слабых делает!»

Поразмыслив так, он перешел на другое место и остался там один, но продолжал следить за дорогой, по которой пошел Даманака. Между тем Даманака при-

близился к Сандживаке и, убедившись, что это бык, с радостью подумал: «Да! Вот счастье привалило! Теперь я могу сделать так, чтобы они стали друзьями, или посеять между ними раздор. А тогда Пингалака окажется в моей власти. Сказано ведь:

На бедах повелителя советник наживается!
Министры хитроумные хотят царя несчастного.

Зачем здоровому врача без надобности приглашать?
Зачем удачливым царям премудрые советники?»

С такими мыслями Даманака отправился к Пингалаке. А Пингалака, видя, что тот возвращается, также вернулся на прежнее место, чтобы скрыть от шакала свою тревогу. Даманака приблизился к Пингалаке, поклонился и сел.

Пингалака спросил:

— Дорогой, видел ли ты это существо?

Даманака ответил:

— Видел благодаря милости господина.

Пингалака спросил:

— Правда ли это?

Даманака ответил:

— Как могу я сказать неправду, находясь перед стопами господина? Сказано ведь:

Погиб солгавший божествам, владыке и наставнику!
Пускай ничтожна ложь его,— преступнику спасенья нет!

А также:

Царь — воплощенье всех богов, в священных гимнах так поют.
Предупреждают мудрецы: «Ни в чем властителю не лги» **.

А также:

Царь — воплощение богов и к людям ближе, чем они.
Немедля нам он воздает, а те в рождениях иных.

Пингалака рассудил:

— Должно быть, ты и в самом деле видел его. Великие не гnevаются на ничтожных. Сказано ведь:

Что ураган тонким побегам зелени?
Дунет едва, тихо прижмутся к земле они;
Он же стволы, каменных крепче,— выдержит:
Страшен гигант лишь исполинскому племени!

Даманака сказал:

— Я и раньше знал, что господин так подумает. К чему много слов? Я приведу его к твоим божественным стопам.

И когда Пингалака услышал это, он ощутил высшее душевное удовлетворение, и лик его, подобный лотосу, засиял от радости.

А Даманака, снова отойдя от царя к Сандживаке, презрительно окликнул быка:

— Эй! Иди-ка сюда, негодный! Тебя зовет наш господин Пингалака. Или ты не боишься его, что ревешь понапрасну?

Услышав это, Сандживака осведомился:

— Дорогой, кто это такой — Пингалака?

Даманака удивился:

— Как! Ты даже не знаешь нашего господина Пингалаку? — И затем вскричал с негодованием: — Ты узнаешь его по тому, что постигнет тебя! Ведь он окружен всеми зверями. Он находится под округлой сенью смоковницы. Сердце его возвеличено гордостью. Он повелевает нашими жизнями и богатством. Вот кто такой великий лев по имени Пингалака!

Услышав это, Сандживака решил, что уже погиб, и, глубоко опечаленный, сказал:

— Дорогой, ты кажешься приятным в обращении и искусным в речах. Поэтому, если уж необходимо отве-

сти меня к нему,—ты должен обеспечить мне безопасность у твоего господина и его милость.

Даманака ответил:

— О, ты сказал правду. Это будет разумно. Ведь:

Пределы стран, пределы вод, границы каменных хребтов —
Все можем знать! Но как узнать пределы дум правителя?

Поэтому оставайся здесь, а я склоню царя на милость и затем приведу тебя к нему.

И вот Даманака подошел к Пингалаке и сказал так:

— Господин, это — не обычное существо. Это — упряжное животное великого Махешвары *. Вот что услышал я от него: «Милостивый Махешвара разрешил мне поедать кончики трав в окрестностях Калинди *. К чему много слов? Владыка пожаловал мне этот лес, чтобы я мог в нем развлекаться».

Пингалака же в страхе сказал:

— Теперь мне все понятно. Лишь по милости божества отваживаются травоядные без страха бродить в диком лесу, издавая подобный рев! И как же ты ему ответил?

Даманака сказал:

— Господин, я ответил так: «Лес этот — владение Пингалаки, упряжного животного Чандики *. Ты здесь — гость. Поэтому иди к царю. Живите вместе, и пусть проходит у вас время в братской любви, в совместной еде, в питье и в развлечениях». Он со всем этим согласился, но попросил: «Пусть господин обещает мне безопасность». Итак, пусть решает теперь сам владыка.

Услышав это, Пингалака с радостью решил:

— Хорошо, умница! Хорошо! Ты ответил так, словно посоветовался с моим сердцем. Я обещаю ему без-

опасность, но лишь после того, как и он даст мне клятву.
Приведи его скорей. Хорошо ведь говорится:

На опыте советника, на прямоте и верности —
Все государство прочное, как на колоннах, держится!

Также:

В леченье — разум лекаря, в советах — ум советчика.
Кто благоденствует, тому помочь легко — да незачем.

А Даманака, направившись к Сандживаке, подумал:
«Да! Господин милостив ко мне и склоняется к моим
речам. Поэтому нет никого счастливее меня!»

И, подойдя к Сандживаке, он почтительно сказал:
— О друг! Я склонил господина на милость и побу-
дил его пожаловать тебе безопасность. Поэтому можешь
идти спокойно. Но, удостоившись царской милости, живи
в согласии со мной; когда же достигнешь могущества,
не веди себя высокомерно. А я, став советником, по
соглашению с тобой возьму на себя все бремя царских
дел. Тогда оба мы будем наслаждаться счастьем цар-
ской власти. Ведь:

Теряют честь охотники за крупными богатствами;
Затравят ближнего, как лань, потом убьет его стрелок.

А также:

Купец богатый был от дел на время отстранен.
Все потому, что царских слуг не жаловал и он!

Сандживака спросил:
— Как это?

И тот рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Есть на земле город Вардхамана *. Жил там некогда купец Дантила (что означает «зубастый»), поставленный над всем городом. Он занимался и городскими и царскими делами и радовал всех жителей. К чему много слов? Такого умного человека никто еще не видал и не слышал.

Так жил он. И как-то раз справляли свадьбу его дочери. Он пригласил всех жителей города и приближенных царя, оказал им почести, накормил их и наделил одеждами и другими подарками. После свадьбы он с почтением ввел в свой дом царя вместе с царским гаремом.

А у царя был дворцовый подметальщик по имени Горабха

(что означает «ревуший, как бык»). Придя гостем в дом Дантилы, он уселся на неподобающее ему место, впереди царского советника, и, когда люди это заметили, его тотчас же выгнали вон. Сердце Горабхи опечалилось от унижения, и, не зная покоя ни днем ни ночью, он размышлял: «Как бы мне лишить этого купца царской милости? А если я не могу ему ничем повредить — зачем напрасно изнурять себя печалью? Хорошо ведь говорится:

Тот, кто не в силах отомстить,
Не должен, гневаясь, грозить:
Горох на сковородке прыгал —
А все ж не мог ее разбить!»

И как-то раз на рассвете, подметая пол возле ложа, на котором лежал только что задремавший царь, Горабха сказал как бы про себя:

— Да! Столь дерзок Дантила, что обнимает первую супругу царя.

Услышав это, царь вскочил в сильном волнении и воскликнул:

— Эй, эй, Горабха! Правда ли то, что ты пробормотал? Неужели Дантила обнимает царицу?

Подметальщик ответил:

— Божественный! Всю эту ночь я не спал, увлекшись игрой в кости, а сейчас, когда принялся подметать, крепко заснул. Поэтому не ведаю я, что произнес.

Тут царь подумал, охваченный ревностью: «Ведь Горабха и Дантила беспрепятственно входят в мой дворец. Должно быть, подметальщик увидел как-то царицу в его объятиях. Правильно сказано:

Что наяву любой из нас
Желает, видит и свершает,
То, по привычке повторять,
Он и во сне переживает...

Да что тут сомневаться, когда дело касается женщин!

С одним — играть словами складно,
С другим игра очей отрадн,
Обосновался в сердце третий...

Но кто же твой, о женщина, возлюбленный?

Дрова насытят ли огонь, а реки — жадный океан?
Живые души — смертный сон, пламеннооую — мужья?

Коль негде согрешить, о Нарада *, и не с кем или просто некогда,
Никем вдобавок не желанная, — тогда бывает чистой женщина».

Так, причитая на все лады, он лишил Дантилу своей милости. К чему много слов? Купцу запретили входить в ворота дворца.

А Дантила, видя, что повелитель без причины лишил его милости, подумал: «Увы! Правильно говорят:

Кто богатством не гордится? И кого судьбы удар
Поразил не по заслугам?
Кто не знал на этом свете обаянья женских чар?
Кто царя назвал бы другом?
Кто избег коварной власти мимолетно-кратких лет?
Где вы мудрого найдете,
Что, уйдя из рук злодея, избежал великих бед?
И какой бедняк в почете?

А также:

Где бывало, чтобы ворон,
Черный ворон — белым стал?
Или вор — уж если вор он —
Воровать бы перестал?
Чтоб жена была спокойной?
Чтобы евнух смелым был?
Чтоб слугу за нрав достойный
Царь почтительно любил?

Ведь ни во сне, ни наяву ни единым словом не причинил я зла ни этому царю, ни кому-либо другому. За что же владыка отвернулся от меня?»

И как-то раз, видя, как Дантилу отгоняют от ворот дворца, подметальщик Горабха со смехом сказал привратникам:

— Эй, эй, привратники, стойте! Ведь Дантила избалован царской милостью и сам распределяет наказания и награды. Если вы его прогоните, как бы вам вроде меня не сподобиться подзатыльников.

Услышав такие слова, Дантила подумал: «Несомненно, все это дело рук Горабхи. Хорошо ведь сказано:

И худородный ведь слуга, в ком ни осанки, ни ума,
Почет встречает потому, что господин его могуч!

Пускай на службе у царя последнее ничтожество,
Никто из царских подданных коситься не осмелится!»

И вот он, горюя, подавленный стыдом и беспокойством, вернулся домой. Когда же настала ночь, он позвал Горабху, даровал ему верхнее и нижнее платье и сказал:

— Дорогой! Я не хотел тебя выгонять. Ведь ты сам уселся на неподобающее место, впереди домашнего жреца *, и, увидев это, тебя унизили.

А Горабха, приняв одежды, словно небесное царство, ощутил высшее блаженство и сказал ему:

— О начальник купцов! Я простил тебя. За такой почет ты вскоре получишь царскую милость и другие награды.

Сказав это, он с радостью удалился. Хорошо ведь говорится:

Низкороденный человек — что коромысло от весов.
То вверх взлетит, то упадет из-за любого пустяка.

И вот на следующий день Горабха пришел в царский дворец и, подметая возле ложа, на котором лежал чуть задремавший царь, сказал:

— Да! В уме ли наш царь, коли он кушает огурцы, когда облегчается от нечистот?

Услышав это, удивленный царь вскочил и закричал на него:

— Эй, эй! Горабха! Зачем ты болтаешь всякую чушь? Но я помню о твоей верной службе и потому не стану тебя губить. Ну-ка, скажи, неужели ты видел меня когда-нибудь за подобным делом?

Тот ответил:

— Божественный! Всю эту ночь я не спал, увлекшись игрой в кости, а когда стал подметать, крепко заснул. Как мне знать, что я пробормотал? Будь милостив, господин! Ведь я был во власти сна.

Царь подумал: «Да ведь я отроду не съел ни одного огурца, в то время как занимался такого рода делом! Видно, и про Дантилу этот дурак сказал такую же несообразную чепуху, как и про меня. Поэтому несправедливо поступил я, лишив милости того несчастного. Разве он способен на такое? К тому же без него теперь и царские и городские дела пришли в упадок...»

Поразмыслив и так и этак, он призвал Дантилу, одарил его царскими украшениями и одеждами и восстановил в прежней должности.

Поэтому я и говорю: «Купец богатый...»

Сандживака ответил:

— Дорогой, ты сказал правду. Так и надо поступать.

Тогда Даманака взял с собой быка, пришел к Пингалаке и сказал:

— Божественный! Я привел Сандживаку. Теперь божественный должен решить.

А Сандживака, почтительно поклонившись, скромно остановился перед львом. Тогда Пингалака протянул ему свою неодолимую правую лапу, толстую, округлую, украшенную когтями, подобными громовым стрелам, и сказал:

— Здоров ли ты? Почему ты живешь в этом безлюдном лесу?

И в ответ Сандживака рассказал о том, как он отстал от купца Вардхаманы, и о том, что случилось потом. Выслушав рассказ Сандживаки, Пингалака сказал:

— Друг, не надо бояться! Этот лес охраняют мои лапы, и ты можешь жить здесь, как тебе нравится. Однако держись поближе ко мне, потому что лес этот все же полон хищников, и здесь на каждом шагу можно встретиться с опасностью.

Сандживака ответил:

— Как будет угодно божественному.

Затем повелитель зверей спустился на берег Ямуны, всласть накупался, напился воды и беспрепятственно вернулся обратно в лес.

Так день за днем во взаимной дружбе проходило время. Благодаря Сандживаке, изучившему много наук и мудрому в суждениях, глуповатый Пингалака быстро поумнел. Он позабыл лесные повадки и стал проводить время мудро, словно сельский житель. К чему много слов? Каждый день Сандживака и Пингалака уединялись и вели беседы друг с другом.

Между тем остальные звери находились поодаль от них. Что же касается шакалов, то они не могли даже

входить к царю. И, лишившись покровительства льва, все они сидели на одном месте, страдая от голода и болезней. Сказано ведь:

Царем не награждаемы — уходят прочь прислужники:
Кто видел птиц на дереве, источенном и высохшем?

А также:

Ни лестью, ни любезностью
Царь не удержит слуг своих:
Когда он плохо кормит их —
Знатнейшие и то сбегут!

И затем:

Царь, подданным дающий хлеб,
Заслужит высшей верности,
А добрых слуг не устршат
Угрозы низких недругов!

Ибо мир этот, где один пожирает другого, держится на четырех способах *, из которых первый — дружба. И происходит это так:

Стоят над странами — цари, над покупателем — купцы,
Над тем, кто лечится, — врачи, над дураками — мудрецы.

Над страстными — развратницы, над сонными — охотники.
Над щедрыми — просители, над вялыми — работники.

Над всеми — сверху мастера. И все — признаться в том пора, —
Как рыбы пожирают рыб, хотя ж сожрать, кого могли б!..

И вот, лишенные милости повелителя, Каратака и Даманака, чьи шеи исхудали от голода, стали советовать друг с другом. И Даманака сказал:

— Благородный Каратака! Ведь мы оказались в подчиненном положении. Пингалака забросил свои дела, обольстившись речами Сандживаки, и вся свита разбрелась кто куда. Что же делать?

Каратака ответил:

— Даже если господин не внимлет твоим речам — все равно надо обратиться к нему же, чтобы снять с себя вину. Сказано ведь:

От господина, в ярости хотя бы и неправого,
И от слона, ослепшего от страсти,— не отступимся!

Ведь, соединив этого поедателя травы с господином, ты словно стал таскать своими лапами горячие угли!

Даманака сказал:

— Это правда. Здесь виноват я, а не господин.
Вспомним, как сказано:

Баранами убит шакал, я жертвою пройдохи пал,
А сводню губит грех чужой... Мы — бед своих виновники!

Каратака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— В одной стране в уединенной местности стоял монастырь. Жил там нищенствующий монах Девашарман (что означает «хранимый богом»). Многочисленные жертвователи дарили ему тонкие одежды, а он продавал их и со временем накопил много денег. Никому не доверяя, он ни днем ни ночью не выпускал деньги из-под мышки. Право же, хорошо говорится:

О, деньги! Мука их копить, беречь, давать, препоручать...
Мученье, если пропадут! Когда б их вовсе не было!

И как-то раз один жулик по имени Ашадхобхути (что означает «обладающий неодолимой силой»), похищавший чужое добро, заметил у него под мышкой деньги и подумал: «Вот

бы мне похитить это богатство! Но стена монастыря сложена из крепких камней, и проломить ее нельзя. Нет входа и через ворота: так высоко они расположены. Поэтому я завоюю его доверие сладкими речами и стану его учеником. Тогда, доверившись мне, он будет в моей власти».

Решив так, он подошел к Девашарману и произнес:

— Ом! Слава Шиве! — затем распростерся ниц и смиренно сказал:— Господин, ничтожен этот мир. Словно течение горного потока наша юность. Горению травы подобен остаток жизни. Теням облаков подобны наслаждения. Сновидению подобны узы, что связывают нас с детьми, друзьями, слугами и женами. Все это я постиг. Что же сделать мне, чтобы переправиться через океан сансары? *

И Девашарман благосклонно ответил:

— Дитя! Счастливы ты, что уже смолоду равнодушен к существованию. Сказано ведь:

Лишь тот придет к бесстрастию,
Кто борет страсти смолоду.
Иссякнут силы в старости —
Тут всякий успокоится!

А также:

Не плоть, а дух сначала старится
У познающих благодать,
Когда дряхлеет плоть у низменных —
Желанья все еще кипят!

И если ты спрашиваешь о средстве переправиться через пучину сансары, то слушай:

Коль шудра, чандала последний
Пред Шивой выполнит обет,
Пусть грязен он, косицу носит,—
Вторично он рожден на свет.

Услышав это, Ашадхабути обхватил его ноги и смиренно проговорил:

— Господин! Будь же милостив и подвергни меня испытанию.

Девашарман согласился:

— Дитя! Я помогу тебе, однако ты не должен проныкать ночью в монастырь, потому что отшельники восхваляют одиночество и мы с тобой тоже. Сказано ведь:

Свой род погубит блудный сын,
Царя погубит злой совет.
За связи с миром и людьми
Душой поплатится аскет.
Ребенка губят баловством,
Добряк — злодейству обречен.
Жреца любого губит лень —
Останется невеждой он!
Погубит дружбу клевета,
Успех — несчастная судьба.
А никудашную жену —
Ее бесчестье и гульба.
Разлука смерть несет любви,
Богатство убивает мот,
А ниву — нерадивый тот,
Кто, не посеяв, — только жнет!

Поэтому, после того как ты подвергнешься испытанию, оставайся жить наверху у ворот монастыря в травяном шалаше.

Тот сказал:

— Господин! Пусть будет как ты повелеваешь. Ведь таким путем я достигну лучшего мира.

Затем, условившись о месте пребывания Ашадхабути, Девашарман оказал ему милость посвящения и принял его в ученики. И ученик доставлял ему высшую радость, растирая его руки и ноги, принося листья для письма и оказывая другие услуги. И все же, несмотря на все это, монах продолжал держать деньги под мышкой!

Так проходило время, и как-то Ашадхабути подумал: «Увы! Он ничуть не доверяет мне. Что, если заколоть его кинжалом,— пусть даже днем,— или дать ему яда, или зарезать, как скотину?»

Пока он так размышлял, из деревни пришел сын одного из учеников Девашармана и передал монаху приглашение: «Блаженный! По случаю праздника Павитраоханы * приди в мой дом».

Услышав это, Девашарман отправился в путь вместе с Ашадхабути. На пути им встретилась река. Увидев ее, монах вытащил деньги из-под мышки, тайком спрятал их под платье и, поклонившись божеству, обратился к Ашадхабути:

— Ашадхабути, тщательно охраняй одеяние своего наставника, а я тем временем облегчусь от нечистот и вернусь.— Так сказав, наставник ушел, и, едва он скрылся из виду, Ашадхабути забрал деньги и убежал.

Тем временем Девашарман спокойно сидел, восхищаясь многочисленными достоинствами своего ученика и преисполненный доверия к нему. И вот он увидел, как в стаде баранов два барана затеяли яростную драку. Отступая и вновь сходясь, они так сталкивались лбами, что на землю обильно лилась кровь. А тут какой-то шакал, увидев драку и трепеща от жадности к мясу, пробрался между ними и с наслаждением стал лизать их кровь. Заметив это, Девашарман подумал: «Да! Безрассуден этот шакал. Ведь если он очутится между их лбами, то неминуемо погибнет!» И вот шакал, стремясь насладиться кровью, очутился между столкнувшимися бараньими головами и был убит. Тогда Девашарман произнес: «Баранами убит шакал...» И, пожалев о нем, пошел взять свои деньги.

Когда же монах вернулся на прежнее место, он не увидел Ашадхабути там... Торопливо совершив очи-

щение, он разобрался в своей одежде и не нашел в ней денег. Тогда, бормоча: «Ой, ой! Обокрали меня!» — Девашарман без чувств упал на землю. Но вскоре, снова придя в сознание, он поднялся и стал кричать:

— Эй, эй, Ашадхбути! Куда ты ушел, обманув меня? Отвечай! — Так, причитая на все лады, он произнес: «Я жертвою пройдохи пал...» — и медленно пустился в путь, стараясь отыскать следы своего ученика...

И вот в пути Девашарман встретил некоего ткача, который шел вместе с женой в соседний город, чтобы испить хмельной напиток. Тут монах сказал:

— Эй, дорогой! Я приблизился к тебе, как гость, приведенный заходящим солнцем. Здесь, в деревне, я никого не знаю. Исполни же закон гостеприимства! Ибо сказано:

Будь гостю рад вечернему, — да будет хорошо ему!
Идти к блаженству верному — судьба гостеприимного!

А также:

Водой, землей, и травами,
И добрыми беседами
Всех праведных обители
Да будут изобиловать!

И, услышав это, ткач сказал жене:

— Милая, иди обратно домой вместе с гостем. Почти его омовением ног, пищей, ложем и другими услугами и оставайся дома. Я принесу тебе много вина и мяса. — Сказав так, он пошел дальше.

А его распутная жена, взяв с собой Девашармана, отправилась домой, улыбаясь и думая о Девадатте*. Хорошо ведь говорится:

Безлунной ночью, в тишине
Дождь проливной, глухие переулки,
Муж в дальнем странствии иль на войне —
Раздолье полное распутнице жене!

Спокойствие супруга, счастье,
Богатый дом, узорчатое ложе —
Сухой былинки не дороже
Для ищущей огня запретной страсти!

А также:

Молва в народе, разоренный дом,
Тюрьма, дороги и опасность,
Погибель всех детей! Все нипочем
Жене, другого полюбившей страстно!

И вот, войдя в дом, она указала Девашарману на сломанную кровать и сказала:

— Ну, блаженный! Оставайся в нашем доме, а я тем временем поговорю с подругой, что вернулась из деревни, и потом приду.

Сказав так, она надела украшения и пошла к Девадатте, но встретилась лицом к лицу со своим супругом. Он держал в руках сосуд с вином и был так пьян, что не владел своими конечностями; волосы его были растрепаны, и он спотыкался на каждом шагу. Увидя мужа, она поспешила вернуться назад, вошла в дом, сняла свои украшения и приняла прежний вид. А ткач, и раньше слыхавший дурное о своей жене и видя ее бегущей и блистающей украшениями, вошел в свой дом с обеспокоенным сердцем и, охваченный гневом, сказал ей:

— Эй, негодница! Распутница! Куда это ты отправилась?

Она ответила:

— Я никуда не выходила после того, как мы расстались. Зачем же ты, упившись хмельным, несешь чепуху? Метко сказано:

Слабеет, мелет ерунду,
Все валит по пути, бранится,
Дерзит и груб, себе же на беду,—
Вот пьяница! — Пора б уgomониться...

А он, услышав эти дерзости и заметив, что она успела переменить одежду, сказал:

— Давно уже, распутница, я слышу о тебе дурные речи. Сегодня я сам убедился в твоей виновности и как следует накажу тебя.

Решив так, он избил ее дубинкой, привязал крепкой веревкой к столбу и заснул, обессилев от хмеля.

Между тем ее подруга, жена цирюльника, видя, что ткач спит, пришла и сказала:

— Дорогая, Девадатта ожидает тебя в условленном месте. Иди же скорей.

Та ответила:

— Погляди, в каком я состоянии. Как я пойду? Пойди и передай любимому мои слова: «Как мне теперь встретиться с тобой?»

Жена цирюльника сказала:

— Дорогая, не говори так! Неверные жены поступают иначе. Сказано ведь:

Благословен с рожденья тот,
Кого опасность не пугает,
Кто, как верблюд, вперед шагает
И всюду ищет сладкий плод!

А также:

Злословит все равно народ,
А мир в сомненьях утопает:
И только та отраду обретет,
Кто молодость свою любви вверяет!

И еще:

Пускай любовник не мужчина,
Уродлив пусть,— что из того?
Всегда отыщется причина
Любить не мужа, но его!

И жена ткача сказала:

— Если так, то скажи, как пойду я, связанная крепкой веревкой? К тому же тут рядом спит мой негодный муж.

Жена цирюльника ответила:

— Дорогая, он обессилел от хмеля и проснется не раньше, чем его коснутся лучи солнца. Поэтому я освобожу тебя и сама займу твое место. А ты побудь с Девадаттой и скорей возвращайся.

Через некоторое время, когда все это было исполнено, ткач, гнев которого немного утих, поднялся и сказал жене:

— Эй, эй, дерзкая! Если с сегодняшнего дня ты перестанешь выходить из дому и говорить дерзости, я тебя отвяжу.

А жена цирюльника, боясь, как бы ее не выдал голос, ничего не ответила. Он повторил свои слова, но, опять не услышав ответа, разгневался и, взяв острый нож, отрезал ей нос, говоря:

— Оставайся теперь безносой, развратница. Больше я не буду тебе угождать.

Пробормотав это, он снова заснул. А Девашарман, у которого после потери денег исхудала от голода шея и пропал сон, видел все эти женские проделки.

Между тем жена ткача, досыта вкусив с Девадаттой радость любовного наслаждения, спустя некоторое время вернулась домой и спросила жену цирюльника:

— Эй! Все ли у тебя благополучно? Не просыпался ли этот злодей, пока меня не было?

Жена цирюльника ответила:

— Все у меня благополучно, не считая носа. Скорей же отвяжи меня, пока он не проснулся, и я уйду домой, а не то он еще хуже накажет меня: обрежет уши или сделает еще что-нибудь.

Тогда жена ткача, освободив жену цирюльника, стала на прежнее место и с презрением сказала:

— Тьфу, тьфу! Великий ты глупец, если насильничаешь и калечишь меня, уважаемую и преданную жену! Пусть же услышат хранители мира: *

Светило дня, луна, огонь и ветер,
Земля, и сердце, и вода, и небо,
И день, и ночь, и луч зари, и вечер,
И Дхарма * — вот с кого ты правду требуй! **

Если я добродетельна, пусть эти боги вернут мне нос, — пусть он станет таким, каким был прежде. Если же я хоть в мыслях пожелаю другого мужчину, пусть они обратят меня в пепел.

И, произнеся эти слова, она снова сказала ему:

— Ну, злодей, гляди: силой моей добродетели нос у меня стал таким же, как прежде.

Он взял головню и поглядел, видит — нос ее невредем, а на земле — большая лужа крови. Тогда он, изумленный, развязал веревку и начал услаждать жену сотнями ласк. А Девашарман, видя все это, подумал с изумленным сердцем:

«Все знание, все провиденье Брихаспати, Ушанаса *
Перелукавят женщины! А мы-то как беспомощны!

Чрезмерно вы не доверяйте женам,
Вот-вот их слабость обернется силой,
И все они мужчиною влюбленным
Играют, как вороною бескрылой! **

И правильно сказано:

Источают мед женщины уста,
Яд в груди таит, чтобы обмануть:
Пьющий сладость губ, видно, неспроста
Кулаком ее ударяет в грудь!

Пучину подозрений, обитель неприличий,
Верченья и крученья,
Пристанище пороков и балаган обманов
На поле помраченья,
Вертеп, где грех — обычай, богатырей убийцу,
Пиал вина с отравой,—
Похожую на куклу,— кто сотворил такую,
На гибель нашим нравам!

Газелеглазых тех, чья слава — это грех,—
Повсюду знаменитых
Грудей упругостью, и влажностью очей,
И негой, веющей от уст полуоткрытых,
Кудрей потоками и важностью речей,
Качаньем бедер сытых,
Свсей пугливостью и дерзостью своей,—
Пусть их скоты ласкают.

И смех и грусть у них игра,
И расчет обидный:
Они не верят нам, а мы —
Доверяем слепо!
Мужчина из любой семьи,
Честной, родовитой,
Пусть обойдет их стороной,
Будто урны с пеплом!

Цари зверей косматогривые
С алым зевом,
Слоны, сверкающие мускусной
Дикой влагой,
Мужи войны, перетерпевшие
Все пытки боя,—
Приблизясь к женщине, покинуты
Вдруг отвагой!»

Так размышляя, этот странствующий монах кое-как провел ночь.

А безносая сводня подумала, придя домой: «Что теперь делать? Как скрыть эту большую рану?..» И случилось так, что этой ночью муж ее был занят в царском дворце. На заре он пришел домой и, озабоченный много-

численными делами, предстоящими ему в городе, сказал ей, остановившись в дверях:

— Дорогая, скорей принеси футляр с бритвенным ножом — я отправляюсь в город по делам.

А безносая, не подходя к нему, сохранила присутствие духа и бросила ему в лицо один только нож. Тогда цирюльник, разгневанный, что не получил ножа вместе с футляром, кинул нож обратно. Тут злодейка выбежала из дома с воздетыми руками и завопила:

— Ах! Глядите, этот злодей отрезал мне нос, — мне, добродетельной женщине! Защитите!

В то же мгновение явились царские служители, нещадно избили цирюльника, связали его крепкой веревкой и вместе с безносой повели на место суда. И вот судьи спросили его:

— Почему ты так жестоко поступил со своей женой?

Когда же, ошеломленный, он не посмел ничего ответить, сидевшие в собрании произнесли согласно с законом:

Как хворый, бледностью покрыт,
Глядит испуганно, чуть слышно говорит
Еще не пойманный злодей:
И совести боится и людей!

А также:

Бледнеет он, краснеет он, и, спотыкаясь, он бредет,
И, заикаясь, чуть плетет, — а по лицу струится пот...

Вместе с тем:

Невинный смел и прям в суде, негодованьем взор горит,
И это лучше за него, чем сам сказал бы, — говорит!

Поэтому цирюльник кажется человеком дурного поведения. За насилие над женщиной полагается казнь. Пусть же его посадят на кол.

И вот когда Девашарман увидел, как цирюльника ведут на казнь, он подошел к судьям и сказал:

— Слушайте! Этот бедный цирюльник осужден несправедливо, он ведет достойный образ жизни. Выслушайте мою речь:

Баранами убит шакал, я — жертвою пройдохи пал,
А сводню губит грех чужой... Мы — бед своих виновники!

Тогда судьи сказали ему:

— Объясни, блаженный! Как это может быть?

И Девашарман поведал им всю правду о трех происшествиях. Выслушав его, судьи изумились, отпустили цирюльника и сказали:

Предписано — нельзя казнить
Дитя, брахмана, женщину,
Больного и отшельника.
Предписано — калечить их **.

Сама она виновата, что лишилась носа. Пусть же ей в наказание отрежут еще и уши.

И когда так было сделано, Девашарман, укрепив свое сердце этими двумя примерами, отправился в свой монастырь.

Поэтому я и говорю: «Баранами убит шакал...»

Тогда Каратака сказал:

— Что нам все-таки делать в столь тяжком положении?

И Даманака ответил:

— Как это ни трудно, мой блистающий разум разлучит Сандживаку с владыкой. К тому же наш владыка Пингалака предается очень дурной склонности. Ведь:

Когда властитель впал в порок и низкой страсти стал рабом,
Мешать ему — для слуг закон, вмешаться в случае любом.

Каратака спросил:

— Какой же дурной склонности предается наш господин Пингалака?

А Даманака ответил:

— Да ведь он попал под влияние Сандживаки и не обращает внимания ни на министров, ни на других подданных. И ведёт он себя совсем как травоядное животное! Что тут долго говорить? Так или иначе, Пингалаку надо разлучить с Сандживакой. Когда нет светильника, нет и света.

Каратака сказал:

— Ты ведь бессилён. Как же ты их разъединишь?

Тот ответил:

— Дорогой, хорошо сказано по этому поводу:

Там, где не хватает доблести — оковы куйте хитростью:
Ворона чёрную змею пленила цепью золотой!

Каратака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— В одной стране росло большое баньяновое дерево *. Жил на нем ворон со своей женой, свившие себе гнездо. И черный змей * пробирался туда через дупло дерева и поедал рождавшихся птенцов, когда те были еще совсем маленькими. А ворон, как ни страдал он от этого бедствия, не мог оставить баньян, которым давно владел, и переселиться на другое дерево. Потому что:

Ворона, антилопа, трус, где поселились,— вечно там,
А льва, слона и храбреца влечет к неведомым местам!

И вот однажды ворона упала в ноги супругу и взмолилась:

— Господин, много птенцов съел у меня этот злой змей. И теперь, измученная несчастьем,

я хочу уйти все равно куда. Давай поселимся на другом дереве. Потому что:

Здоровье — лучший из друзей, любви к потомству — что
сильней?

Нет бедствий горше голода, нет недруга — недуга злей!

И кроме того:

Все нет покоя у того, в чьем доме змеи под стеной,
Чье поле у реки самой, чьей восхищаются женой!

Ведь этак наша жизнь подвергается опасности.

Но ворон, тоже пребывавший в печали, сказал:

— Дорогая, давно мы живем на этом дереве и не можем его оставить. Ведь:

Для антилопы всюду есть
Воды глоток, пучок травы съедобной,
Но дорог ей родимый лес,
Чужбина гибели подобна!

Но, несмотря на все это, я хитростью одолею злого и сильного врага.

Жена усомнилась:

— Очень уж ядовит этот змей. Как же ты его одолеешь?

Муж ответил:

— Дорогая, хоть сам я и бессилён причинить ему зло, у меня есть ученые друзья, искушенные в мудром поведении. С их помощью я применю хитрость и сделаю так, что злоумышленник скоро погибнет.

Гневно произнеся это, он полетел к другому дереву, под которым жил его любимый друг — шакал, почти-точно позвал его, поведал ему все свои горести и сказал:

— Дорогой, дай нам хороший совет! Птенцов наших убивает змей, а поэтому мы с женой и сами как убитые.

Шакал ответил:

— Дорогой, я все обдумал. Тебе нечего печалиться. Этот злой черный змей столь низок, что не миновать ему гибели. Ведь известно:

Тому, кто сделал дело злое,—
Ты не вреди. Пора придет:
Он сам, как дерево гнилое,
На землю мертвым упадет!

И говорят ведь:

Да, наглоталась цапля власть и крупных рыб и мелких рыб,
Но рак поймал ее в клешни,— жадюге долго ли пропасть?

Ворон полюбопытствовал:

— Как это?

И шакал рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— В одной местности на берегу пруда жила когда-то цапля. Но вот она состарилась и, чтобы не умереть с голоду, придумала, как доставать рыбу из пруда: остановилась на берегу, притворилась, что очень встревожена, и перестала трогать даже тех рыб, которые подплывали совсем близко. А среди рыб жил один рак. Приблизившись к цапле, он сказал:

— Тетушка, что же ты сегодня не ешь и не развлекаешься, как прежде?

Цапля ответила:

— Когда-то я была сыта и довольна, ела рыбу и приятно проводила время, наслаждаясь твоим обществом. Но теперь вас

ожидает большое несчастье. Из-за него и я на старости лет лишусь своих радостей. Вот почему я печальна.

Тот спросил:

— Тетушка, что это за несчастье?

Цапля ответила:

— Сегодня много рыбаков прошло мимо пруда, и я подслушала их разговор. Вот что они говорили: «В этом большом пруду много рыбы. Сегодня мы пойдем к тому озеру, что возле города, а завтра или послезавтра закинем сети здесь». Когда это произойдет и вы погибнете, то погибну и я, потому что мне уже не придется жить так, как я жила раньше. Вот почему я сегодня опечалена и потеряла охоту к пище.

Услышав эту зловещую речь, все обитатели пруда, в страхе за свою жизнь, обратились к цапле:

— Тетушка! Матушка! Сестрица! Подружка! Умница! Кто слышит о несчастье, тот знает и средства против него. Вырви же всех нас из пасти смерти.

Цапля сказала:

— Я птица и не могу бороться с людьми. Однако у меня достаточно сил, чтобы перенести вас из этого пруда в другой, глубокий пруд.

Тогда обитатели пруда, обманутые ее лживой речью, заговорили наперебой:

— Тетушка! Подружка! Бескорыстная родственница! Меня, меня понеси первого! Разве ты не слыхала:

Лишь тот, кто в силах страсти обуздать,
Кто помнит лишь добро, забывши зло,
Готов за друга жизнь свою отдать,
Когда и вправду горе подошло!

И злодейка, втайне посмеявшись, подумала: «Завладев этими рыбами благодаря своему уму, я с удоволь-

ствием съем их». И, выполняя просьбы рыб, она стала хватать их клювом, переносить из пруда на скалу, а там съедать. Так ежедневно она наедалась досыта и испытывала высшую радость, а возвращаясь к рыбам, всякий раз успокаивала их лживыми сообщениями.

Наконец рак, тоже чувствуя в сердце своем страх перед смертью, стал неотступно просить ее:

— Тетушка! Ты должна и меня вырвать из пасти смерти.

Тут цапля подумала: «Надоело мне питаться одной лишь рыбой. Попробую-ка я рака, вкус у него особенный и мне незнакомый». Подумав так, она зажала рака в клюве и полетела с ним по воздуху. Когда же, оставив позади все водоемы, она уже хотела поднести его к сверкающей на солнце скале, рак спросил ее:

— Тетушка, где же тот глубокий пруд?

Тогда она со смехом ответила:

— Взгляни на эту широкую сверкающую скалу. Все обитатели пруда обрели здесь покой. Пришел и твой черед обрести покой.

Тогда рак поглядел вниз и, увидев большую, страшную скалу, покрытую грудой рыбьих костей и ставшую местом убиения рыб, подумал: «Увы!

Как может знать бесхитростный,
Что в мире низкой выгоды
Нам друг врагом покажется
И другом враг прикинется?

И еще:

Соседствовать лучше с недобрым недругом
Иль игры играть беспечно со змеями,
Чем время тратить с дружкой испорченным,
Которым и доброе все осмеяно! **

Все ясно — она съела этих рыб, и осталась от них лишь грудa костей. Что же теперь делать, раз пришло время? Да что тут раздумывать?

Грядущая беда страшна, предчувствием томящая,—
Крепись, когда пришла она,— и встретить ее лицом к лицу!

Поэтому, пока цапля не успела еще бросить меня на скалу, схвачу-ка я ее сам за шею четырьмя острыми клешнями».

Так он и сделал, а цапля полетела было дальше, но по глупости не сообразила, как высвободиться из клешней рака, и тот оторвал ей голову. Затем, схватив шею цапли, похожую на корень лотоса, рак потихоньку вернулся в свой пруд к рыбам.

Те спросили:

— Братец, почему ты вернулся?

А он показал им в подтверждение своих слов голову цапли и ответил:

— Эта цапля уносила всех обитателей пруда, обманутых ее лживой речью, бросала их на скалу неподалеку отсюда и съедала. А я, пока она не успела умертвить меня, узнал, что она убивает всех, кто ей доверился; и вот принес вам ее голову. Поэтому не тревожьтесь. Теперь среди всех обитателей пруда настанет мир.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ПЯТОГО)

Поэтому я и говорю: «Да, наглоталась цапля всласть...»

И ворон спросил:

— Но скажи, дорогой, как же погибнет этот злой змей?

Шакал ответил:

— Отправляйся туда, где живет повелитель, стащи там у какого-нибудь беспечного богача золотую цепочку или нитку жемчуга и брось ее в дупло к змею. Эта вещь и погубит его.

Ворон и ворона тотчас же полетели, куда им хотелось. И, достигнув одного пруда, ворона увидела, что гаремные женщины некоего царя играют в воде, а свои золотые цепочки, нити жемчуга, одежды и украшения оставили на берегу. Тут ворона взяла одну золотую цепочку и направилась к своему дереву. Увидели это смотрители женских покоев и евнухи, схватили дубинки и кинулись за ней. А ворона бросила золотую цепочку в дупло, где жил змей, и отлетела подальше. Когда же царские слуги забрались на дерево, то нашли в дупле черного змея с раздувшимся капюшоном. Тогда они убили его дубинками, взяли золотую цепочку и отправились обратно. А ворон с женой зажили в полном счастье.

Поэтому я и говорю:

«Там, где не хватит доблести...» А для разумных нет ничего не одолимого. Сказано ведь:

Разумен кто, тот и силен,— где взяться силам у глупца?
Гордыней опьяненный лев погиб в лесу от зайчика**.

Каратака спросил:

— Как это?

Даманака рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Жил в одном лесу опьяненный гордостью лев Мандамати (что означает «тугоумный»). Без усталости уничтожал он зверей и, лишь завидя зверя, уже не щадил его. И вот все рожденные в этом лесу антилопы, кабаны, буйволы, гаяялы, зайцы и другие животные собрались, полные тревоги, встали на колени и, склонив головы, стали смиренно умолять владыку зверей:

— Божественный! Зачем уничтожаешь ты без всякой причины живые существа?
Как это жестоко и нечестиво!
И говорят ведь:

Грешащий ради наслаждений
Глупец душе наносит вред:
Ведь после, в тысяче рождений,
Ему терпеть сто тысяч бед! *

А также:

Не станет мудрый так грешить, чтоб люди на смех подняли,—
Чтоб имя очернить свое и рухнуть в преисподнюю?

И к тому же:

Во имя тела бренного, больного, нечестивого,
Порочного и тленного — свершают грех глупцы одни!

Знай это и не губи наш род. Оставайся на своем месте, а мы по очереди будем присылать тебе — нашему господину — пищу, каждый день по одному лесному жителю. Тогда и божественный будет сыт, и род наш не погибнет. Пусть же исполняется эта царская воля! Сказано ведь:

Когда умеет мудрый царь
Свои порывы обуздать,
Он властью утоляется,
Как нектаром целительным!

Счастливым будет властелин, что казням слуг не предает,
А бережет их и растит, как терпеливый садовод!

Коров священных в должный час доят и кормят! Так и слуг.
Лиану плодоносною заботы сделали не вдруг,

Откуда золото, и хлеб, и сто напитков у царей,
И все сокровища земли? От подданных, от подданных!

Услышав эту речь, Мандамати отозвался:

— Да! Вы сказали хорошо. Я останусь здесь, но если ко мне не будут присылать по одному животному, то я непременно съем всех вас.

Звери согласились с ним и, наслаждаясь покоем стали без страха бродить по лесу. С тех пор ежедневно

в середине дня какой-нибудь звериный род по очереди посылал ему на обед какого-нибудь зверя, который достиг старости, был утомлен жизнью, охвачен печалью или боялся смерти детеныша и жены.

Так чередовался род за родом. И вот однажды настал черед зайца. И когда все звери сказали ему об этом, он подумал: «Как погубить этого злодея льва? Да ведь:

Где сильному, разумному преграда?
Медовой речи ведь любой покорен.
Настойчивей стремиться к цели надо!
Лишь тот всего добьется, кто упорен.

Поэтому я погублю льва».

И он медленно-медленно пустился в путь, оттягивая время и с тревогой в сердце думая о том, как погубить льва. Лишь в конце дня заяц направился к нему. А лев, у которого за это время шея исхудала от голода, полный гнева, подумал, облизывая пасть: «Да! Утром мне надо будет перебить всех зверей». Пока он так думал, заяц медленно-медленно подошел к нему, поклонился и стал перед ним. И, увидев, как поздно тот пришел и каким он оказался маленьким, разгневанный лев грозно проревел:

— Эй, ничтожный! Ты так мал, а пришел один, да к тому же еще опоздал. За это я убью тебя, а утром уничтожу всех зверей!

Тогда заяц склонился перед ним и почтительно проговорил:

— Господин, ни я, ни другие звери не виноваты в этом. Выслушай, почему так случилось.

Лев потребовал:

— Скорей же рассказывай, пока не попал на мои клыки.

Заяц рассказал:

— Господин, сегодня звери, видя, что настал мой черед, послали вместе со мной еще пять зайцев, потому что я ведь очень мал. Но когда мы шли сюда, из большой ямы в земле вылез какой-то лев и сказал: «Куда вы идете? вспомните вашего бога-хранителя»*. Тогда я ответил: «Согласно договору сегодня мы должны составить пищу нашему господину льву Мандамати». Он сказал: «Знайте же, что этот лес принадлежит мне. Поэтому согласно договору все звери должны иметь дело со мной. А Мандамати просто вор. Позови-ка его скорее и сам возвращайся. Кто из нас окажется сильнее — тот и царь; и тот съест всех зверей». Получив это приказание, я пошел к тебе, владыка. Вот почему я опоздал. Теперь пусть решает повелитель.

Услышав такие речи, Мандамати ответил:

— Дорогой, если так, то скорей покажи мне этого мошенника льва. Тогда я вымещу на нем гнев, который питаю к зверям, и успокоюсь. Сказано ведь:

Земля, чужое золото,
Могучие сторонники...
Три дара может дать война.
А иначе — зачем она?

Когда бороться не за что и угрожает бедствие —
Зачем благоразумному вступать в войну опасную?

Заяц воскликнул:

— Господин, ты прав. Когда война оскорбляют и посягают на его землю, он должен сражаться. Однако тот лев живет в крепости. Ведь когда он посылал меня, он вышел из убежища. Трудно одолеть врага, укрывающегося в крепости. Сказано ведь:

Слонов бегущих тысяча,
Коней сто тысяч скачущих —
Не стоят в битвах огненных
Стоящей прочно крепости!

Сам Шакра вял учителю,
Страшась Хираньякашипу: *
Руками Вишвакармана *
Поставил крепость мощную **.

Сам Шакра крикнул воинам:
«Царь побеждает в крепости!»
Поэтому-то с древности
У нас они построены.

Услышав это, Мандамати сказал:

— Дорогой, даже если он находится в крепости, все равно покажи мне этого вора, и я убью его. Сказано ведь:

Врага, едва появится,
Убей с возможной скоростью,
Пока, подобно хворости,
Еще он не усилится.

А также:

Себе всю цену знающий,
Желающий прославиться,—
Один с врагами справится,
Как древле грозный Бхаргава *.

Заяц сказал:

— Это так. Но все же он показался мне сильным. Не следует господину выступать, не зная сил врага. Сказано ведь:

Кто сил не подсчитал в войне и собственных и вражеских,
Погибнет мотыльком в огне, едва на бой отважится!

А также:

Слабейший, в битву бросившись во гневе на сильнейшего,
Вернется, уподобившись слону, клыки сломавшему!

Мандамати сказал:

— Какое тебе до этого дело! Покажи мне его, хоть он и в крепости.

Заяц ответил:

— Если так, пусть господин идет за мной.

Сказав это, он пошел впереди и, достигнув колодца, обратился к Мандамати:

— Господин, кто же может вынести твой блеск? Как только этот вор издали завидел тебя, он спрятался в крепости. Подойди же сюда, чтоб я показал тебе его.

Выслушав зайца, Мандамати сказал:

— Дорогой, покажи скорее.

И тот показал ему колодец. Глупый лев увидел в воде свое отражение и заревел. А из колодца, отраженный от стенок, послышался рев вдвое более громкий. Услышав его, лев подумал: «Этот лев очень силен», бросился вниз и лишился жизни. А довольный заяц обрадовал всех зверей и, прославляемый ими, счастливо зажил в том лесу.

Поэтому я и говорю: «Разумен кто, тот и силен...»

Каратака сказал:

— Да это вроде сказки о вороне и плоде пальмы*. Хоть заяц и достиг успеха, все же человек, лишенный могущества, не должен обманывать великих.

Даманака сказал:

— И могучий и немощный — всякий должен быть решительным в своих действиях. Сказано ведь:

Всегда предпочитает счастье тех,
Кто не покорствуя своей судьбе.
«Судьба! Судьба!» Ведь это трусов речь!
Судьбою попытайся пренебречь
И даже подчинить ее себе.
А если не удастся — где тут грех?

К тому же сами боги содействуют тому, кто всегда предприимчив. Сказано ведь:

Спешит на помощь божество
К отчаянным, против обман;
Так Вишну, Диск * и Гарутман *
Ткачу судили торжество!

Каратака спросил:

— Как же это благодаря уверенности и ловкому обману был достигнут успех?

И тот рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

— Есть в стране гаудов* город под названием Пундхравардхана. Жили там два друга, ткач и тележник, которые достигли совершенства в своих ремеслах. Они щедро тратили заработанные ими деньги, носили дорогие одежды, мягкие и пестрые; украшались цветами и бетелем*, душились камфарой, алоэ и мускусом. Три четверти дня они работали, а потом наряжались и гуляли вдвоем по площадям, храмам и другим местам. Так проводили они время. И как-то раз, в большой праздник, все горожане, нарядившись кто как мог, отправились погулять возле храма. И вот разодетые ткач и тележник, оглядывая разукра-

шенные лица толпившихся повсюду людей, заметили дочь царя, сидевшую в окружении подруг на большом балконе в верхнем этаже дворца. Ее упругая грудь цвела первой молодостью, ее округлые ягодички отличались пышностью, и талия ее была стройна. Волосы ее, темные, как грозовая туча, были мягки, умящены и волнисты. Золотые украшения, что покачивались в ее ушах, соперничали со сладостными качелями бога любви. Лицо ее было прекрасно, как только что распустившийся нежный цветок лотоса, и, подобно сну, она овладевала глазами людей.

И, увидев эту несравненную красоту, ткач, пораженный в самое сердце пятью стрелами Манасиджи *, все же сохранил присутствие духа и, скрыв свое состояние, кое-как добрался до дому. Всю дорогу он видел перед собой образ царской дочери. С тяжкими и горячими вздохами он упал на непокрытую постель и, вспоминая царевну такой, какой она явилась ему, с мыслями о ней прочел стихи:

«Где красота — там добродетель», — это,
Увы, неправда! Красота любимой,
Похитив душу, с ней исчезла где-то,
А плоть горит в тоске неутолимой!..

И также:

Одно — испепелилось в прах. Второе — держишь ты в руках.
Лишь третье — трезво. Сосчитай: как много у меня сердец?

И также:

От добрых качеств горя нет, и в них — отрада, а не вред, —
За что же красотой меня газелеглазая сожгла?

Как пламя бимбы * — губы! Златые кубки — груди,
Торчащие упорно,
Красивый пуп глубокий, и выющиеся кудри,
И стан, в изгибе хрупкий, —

Сердца грустящих губят, несут влюбленным муки!
Но я-то в чем виновен?
Сверканье щек прекрасных мне кровь испепелило...
Где в мире справедливость?

Отраднo-влажнo от шафранa
Желаннoй груди,—
Буграм подобнo невысоким
На лбу слонoвьем! *
И как приятно отдохнуть
В ее объятьях
И позабыться сладким сном
Одно мгновенье!

О сердце зоркое! Ты видишь вдалеке
Любимую в разлуке...
Так научи мои бессильные глаза
Своей волшебной власти!
Ты в одиночестве давно устало ждать,
А встречи — не утеха...
Лишь благодетелю на свете — благодать,
А себялюб — несчастен.

Неправду Будда * утверждал, что состоянье каждое
Мгновенно! Вот она стоит передо мной неизбежно.

Так, возбужденный, не переставал он вздыхать, пока наконец не настала ночь. На следующий день в условленное время тележник нарядился и пришел в дом ткача. И он увидел, что ткач лежит распростертый на непостланной постели, глубоко и тяжело вздыхая, и, весь бледный, проливает слезы. Застав его в таком виде, тележник сказал:

— Эй, друг! Что с тобой сегодня?

И когда тот от стыда ничего не ответил на его вопросы, опечаленный тележник прочел стихотворение:

Сомненьями не оскорбляй друзей,—
Речь не о первом встречном, речь о друге! —
Прямее будь и помогай смелей.
Ты верь ему, как матери своей!

А тележник умел разбираться в признаках болезней; он приложил руку к сердцу ткача и сказал:

— Приятель, как мне кажется, это твое состояние вызвано не лихорадкой, а любовью.

И вот когда тележник сам сказал, что происходит с ткачом, тот сел и прочел стихотворение:

Чтобы вернуть былое счастье,
Ты четверым печаль свою поведай:
Жене своей, молитвы возносящей,
Любимому слуге, царю и другу!

И, сказав так, ткач поведал ему все о себе, начиная с того часа, когда он увидел царскую дочь. Тогда тележник, подумав, сказал:

— Ведь царь этот — кшатрий. А ты не боишься совершить нечестивый поступок? Ты ведь — вайшья*.

Но ткач ответил:

— По закону кшатрий может иметь жен из трех каст. Наверно, она — дочь вайшийки. Потому меня и влечет к ней. Сказано ведь:

Я верю,— для кшатрия хороша она,
Знаю,— моя ведь она поистине:
Душам людей, благородно мыслящих,
Голос вещает порой таинственный!

Услышав мнение ткача, тележник сказал:

— Приятель, что же теперь делать?

Ткач ответил:

— Почему я знаю? Я рассказал тебе все, как другу.

Сказав это, он умолк. Тогда тележник посоветовал ему:

— Встань, умойся, поешь и перестань горевать. Я придумаю, как сделать так, чтобы ты мог непрерывно вкушать с ней радость любовного наслаждения.

Тогда ткач, возрожденный обещанием друга, встал и принялся за свои обычные дела. А тележник выточил из дерева изображение Гаруды, раскрашенное разными красками и поднимавшееся вверх при помощи клина, и на следующий день принес его ткачу и сказал:

— Приятель, сядь на этого Гаруду, вставь клин и сможешь полететь куда захочешь. Когда же ты вытащишь клин, то опустишься на землю. Возьми его себе. Сегодня ночью, когда люди уснут, прими облик Нараяны *, укрась свое тело, сядь на Гаруду, созданного силой моего знания, опустишь на крышу дворца и поступи с царской дочерью как пожелаешь. Ведь царица, конечно, спит на крыше дворца одна.

Сказав это, тележник ушел, а ткач провел остаток дня, обуруемый сотней желаний. Когда же наступила ночь, он, благоухая ароматной водой, курениями, пудрой, притираниями, бетелем, благовониями для рта, цветами и другими средствами, облачившись в лучшие ткани, надев венки, блистая диадемой и всякими украшениями, поступил так, как ему посоветовал друг. И, когда царская дочь, чье сердце лишь слегка затронул Мадана *, лежала одна в своей постели на крыше дворца, залитой лунным сиянием, и с улыбкой глядела на месяц, она внезапно увидела ткача в облике Нараяны, сидевшего на Вайнатей *. Увидев его, она в волнении поднялась с постели, почтительно приветствовала его и спросила:

— Божественный! Почему почтил ты меня своим приходом? Укажи, что мне делать.

Когда царица сказала так, ткач медленно ответил ей глубоким нежным голосом:

— Дорогая, ради тебя явился я сюда.

Царица возразила:

— Я ведь дочь человека.

Он ответил:

— Ты — моя прежняя супруга, изгнанная с неба из-за проклятия. Долгое время охранял я тебя от мужчин и поэтому теперь женюсь на тебе по обряду гандхарвов *.

Тогда, подумав: «Это ведь такое недосягаемое желание», — она согласилась, и он взял ее в жены по обряду гандхарвов.

Так проводили они время, с каждым днем все больше любя друг друга и вкушая радости любовного наслаждения. В конце каждой ночи ткач садился на деревянного Гаруду, говорил на прощание: «Я отправляюсь на небо Вайкунтха» *, — и, никем не замеченный, возвращался в свой дом.

И однажды стражники женских покоев заметили на теле царевны следы наслаждений с мужчиной. Боясь, как бы им не лишиться жизни, они в страхе обратились к своему повелителю:

— Божественный! Будь милостив и обещай пощадить нас. Мы должны сообщить тебе кое-что.

Царь обещал, и хранители женских покоев рассказали:

— О божественный! Женские покои усердно охраняются — в них нет доступа мужчинам, и все же у царевны Сударшаны * такой вид, словно кто-то наслаждается ею. Мы ничего не можем поделать. Пускай решают божественный.

Получив такое известие, царь с тревогой в сердце подумал:

«Родится дочь — грядущее во мраке...
Растет — сомненья одолеют вскоре:
Как выдать замуж? Хорошо ли в браке
Придется ей? Всегда с девчонкой горе!

А также:

Появилась дочь —
Исчез рассудок матери.

Подрастает дочь —
И подрастает горе.
К мужу сгонишь прочь —
Станет там распутницей!
Сразу уж пророчь:
С ней ты век в позоре!

А также:

Тому, кто взял ее, понравится иль нет?
Чиста ли от греха?
Не так ли беспокоится поэт,
Ища своей поэме жениха?»

И вот, размышляя и так и этак, он пришел к царице и сказал:

— Божественная! Узнай, о чем говорят слуги. На кого это гневается Кританта *, что послал такое зло?

И когда слуги рассказали, что происходит, обеспокоенная царица поспешно отправилась в покои девушки и увидела, что губы ее дочери искусаны, а тело исцарапано ногтями. Тогда она сказала:

— Ах негодница, позорящая свой род! Зачем ты забыла добродетель? Кто этот человек, отмеченный Критантой, что приходит к тебе? Скажи правду.

И та, опустив лицо, охваченная стыдом, рассказала ей все про ткача в облике Вишну.

Выслушав рассказ дочери, царица просияла, все волоски поднялись на ее теле *, и, поспешив к царю, она сказала:

— Радуйся, божественный! Ведь сам блаженный Нараяна каждую полночь приходит к девушке. Она стала его женой по обряду гандхарвов. Этой ночью мы с тобой подойдем к окну и в полночь увидим его. Ведь он не разговаривает с людьми.

Услышав это, царь возрадовался сердцем и с нетерпением стал ждать, когда окончится этот день, показавшийся ему столетием. И вот, когда ночью царь с женой,

спрятавшись у окна, подняли глаза к небу, они увидели, как некто, отмеченный подобающими знаками, сидя на Гаруде и держа в руках раковину, диск и палицу *, спускается на землю из воздушного пространства. Тогда царь, словно погруженный в нектар, сказал царице:

— Нет в мире никого счастливее нас. Ведь нашу дочь посещает и услаждает сам блаженный Нараяна. Исполнились все желания наших сердец. Теперь я с помощью своего могущественного зятя покорю всю землю.

Между тем прибыли к нему за ежегодной данью послы живущего на юге славного Викрамасены (что означает «обладающий могучим войском»), под властью которого находилось девять миллионов девятьсот тысяч деревень. А царь, гордясь своим зятем Нараяной, не оказал им почтения, как бывало прежде. Тогда они с гневом сказали:

— О царь! Дни, назначенные для приношения, ведь уже миновали. Почему же ты не послал нам должных свидетельств уважения? Или ты вдруг обрел необычайную силу, что осмелился разгневать великого и славного Викрамасену, подобного огню, ветру, ядовитой змее и Кританте?

Когда они сказали так, царь показал им «дорогу богов». Вернувшись в свою землю, послы рассказали о происшедшем, преувеличив все в сто тысяч раз, и ярость овладела их господином. Тогда, окруженный могущественной свитой и войском из четырех частей *, Викрамасена двинулся на царя Пундхравардханы, гневно произнеся при этом:

Пусть низкий прячется хотя бы в море,
Пусть Шакра вытащит его на Меру *,—
Даю обет презренного достать
И погубить его, предав позору!

И затем, двигаясь без остановок, Викрамасена достиг той страны и опустошил ее. Тогда спасшиеся от смерти жители пришли к дворцу царя Пундхравардханы и подняли крик. Но он хоть и слышал их, даже ничуть не опечалился.

И на следующий день, когда подошли войска Викрамасены и осадили город Пундхравардхану, министры, домашний жрец и знатные люди доложили царю:

— Божественный! Сильный враг приблизился и осадил город. Почему же божественный не беспокоится?

Тогда царь сказал:

— Будьте и вы спокойны. Я придумал способ уничтожить этого врага. Завтра утром вы увидите, что я сделаю с его войском.

Сказав так, он приказал хорошо охранять стены и ворота. Затем он позвал Сударшану и почтительно сказал ей ласковым голосом:

— Дитя, я начал войну с врагом, положившись на мощь твоего супруга. Так попроси блаженного Нараяну, когда он придет сегодня ночью, чтобы наутро он уничтожил нашего врага.

И ночью Сударшана слово в слово передала супругу речь отца. Выслушав все это, ткач с улыбкой сказал:

— Дорогая! Что значит эта война между людьми? Ведь в былые времена я играючи убил Хираньякашипу, Кансу, Мадху, Кайтабху * и тысячи других великих демонов, наделенных волшебной силой. Пойди же и скажи царю: «Не тревожься. Утром Нараяна уничтожит своим диском войско врагов».

И, придя к царю, Сударшана с гордостью все ему рассказала. Тогда царь возрадовался великой радостью и приказал стражнику объявить по городу с барабанным боем: «Тот, кто в утренней битве захватит драгоценности, хлеб, золото, слонов, коней, оружие и другую добычу

из лагеря убитого Викрамасены, получит их в свое владение». И, выслушав под барабанный бой это объявление, обрадованные горожане стали советоваться друг с другом, говоря:

— Сколь бесстрашен наш господин, который не тревожится, даже когда вражеские силы подошли к самому городу. Нет сомнения, что утром он погубит противника.

Между тем ткач, полный беспокойства, прервал любовные наслаждения и подумал про себя: «Что мне теперь делать? Если я сяду на своего деревянного Гаруду и улечу в другое место, то не встречу больше с этой женщиной-сокровищем! Ведь Викрамасена убьет моего тестя и похитит ее из женских покоев. Если же я вступаю в битву, то смерть положит конец всем моим желаньям. Но ведь и без любимой мне смерть. К чему много слов? И так и этак — гибель. Значит, надо мужественно бороться. К тому же враги, увидев, как я вступаю в бой верхом на Гаруде, быть может, примут меня за Васу-деву * и обратятся в бегство? Сказано ведь:

Достойный человек пусть будет стоек,
В себе самом он обретет награды.
Ни в бедствии, ни в горе он не стонет —
Трудом преодолет все преграды».

И когда ткач решил вступить в битву, Вайнатейя сообщил Вишну, пребывающему на небе Вайкунтха:

— Божественный! На земле, в городе Пундхравардхане, ткач, принявший облик божественного, наслаждается царевной. И вот могучий царь южной страны пришел истребить царя и повелителя Пундхравардханы. Ткач решил помочь тестю. Знай же, что если ткач погибнет в битве, то в мире смертных пойдет молва, будто царь южной страны погубил блаженного Нараяну.

А тогда перестанут совершать жертвоприношения и другие обряды, неверующие разрушат храмы, а поклоняющиеся блаженному аскеты с тремя палками * откажутся от отшельничества. Пусть божественный решит, что теперь делать.

Тогда блаженный Васудева, тщательно обдумав услышанное, ответил ему:

— Ты прав, царь птиц! В этом ткаче — частица божества, и он должен убить того царя. И вот каким образом: раз мы с тобой должны помочь ему, то я вселюсь в его тело, ты вселишься в его Гаруду, и мой диск вселится в его диск.

— Да будет так! — согласился Гаруда.

Между тем ткач, воодушевленный Нараяной, сказал Сударшане:

— Дорогая, когда я вступлю в бой, пусть совершат обряд возжигания огня и все, что должно принести мне благословение.

Сказав так, он совершил надлежащий обряд возжигания огня, украсился воинскими доспехами и принял почетные приношения. И вот взошло великое светило — друг лотосного водоема, украшение на девичьем лице восточного небосклона, наделенное тысячью лучей. Забили в барабаны, предвещающие победу. Царь выступил из города на поле боя, оба войска выстроились в боевом порядке на своих местах, и пехота начала сражение. Тогда ткач сел на Гаруду, раздавая народу золото, драгоценности и другие богатые дары; на глазах у любопытных горожан, почтительно приветствовавших его, он поднялся с верхнего этажа дворца в воздух и, очутившись за городом над своим войском, затрубил в громкозвучную раковину Панчаджаны *.

Услышав звук раковины, слоны, кони, возницы и пешие бросились бежать. Одни обмочились от страха, дру-

гие издавали ужасные крики, третьи, разбитые немощью, катались по земле, а некоторые в испуге застыли на месте, неподвижно устремив взоры к небу.

Между тем все боги собрались из любопытства посмотреть на битву, и Девараджа * сказал Брахме:

— Брахма! Неужели здесь должен быть убит какой-либо полубог или демон, раз сам блаженный Нараяна, сев на Нагари *, вступил в битву?

И тогда Брахма подумал:

«Свой гордый диск, омытый кровью демонов,—
Едва ли Хари * обратит к ничтожествам:
Не станет лев бить комара-убожество,
Когда слонам хребты перешибает он!» **

И в то время, как боги с любопытством раздумывали обо всем этом, ткач метнул диск в Викрамасену. Разрубив этого царя надвое, диск снова вернулся в руки ткача. Узрев это, все цари спустились со своих колесниц, склонились в почтительном приветствии и обратились к принявшему облик Вишну:

— Божественный! Погибло войско без вождя. Подумай об этом и пощади наши жизни. Укажи, что нам следует делать?

Когда вся толпа царей воскликнула так, ткач, принявший облик Вишну, ответил:

— Отныне вы в безопасности. Исполняйте без промедления все, что прикажет вам Супративарман (что значит «хорошо защищенный»).

И цари подчинились этому приказанию, ответив:

— Как угодно господину.

А ткач передал Супративарману людей, слонов, колесницы, коней, драгоценности и всю прочую вражескую добычу и, прославленный победой, зажил с царевной, наслаждаясь полным счастьем.

Поэтому я и говорю: «Спешит на помощь божество...»

Услышав это, Каратака сказал:

— Если и ты полон решимости — иди к желанной цели. Счастливого пути!

И Даманака отправился к льву. Когда он поклонился и сел, лев спросил:

— Почему тебя так давно не было видно?

Даманака ответил:

— Божественный! Сегодня у меня есть к господину важное дело. Хоть оно и неприятно, я все-таки пришел рассказать о нем ради твоего же блага. Даже против желания должны подданные говорить о подобных вещах, чтобы не потерять время в неотложном деле. Сказано ведь:

Коль держит честно речь слуга уволенный — прислушайся:
Пример любви и верности, когда совет по совести!

А также:

Сладкоречивых ты найдешь! Обласкивай, но бдительно.
Таких отыскивай, чья речь горька, зато целительна!

В ответ на эту речь Пингалака почтительно спросил его:

— Что ты хочешь этим сказать?

И тот ответил:

— Божественный! Сандживака, который вкрался к тебе в доверие, замышляет зло против тебя. Оставшись наедине со мной, он, улучив момент, доверчиво сказал мне: «Хоть твой господин и трижды силен, я узнал его сильные и слабые стороны. Поэтому я убью его и легко захвачу царскую власть». Сегодня Сандживака хочет исполнить свое намерение. Вот я и пришел сообщить об этом тебе, господину моего отца.

И, услышав эту тягостную речь, подобную удару грома, ошеломленный Пингалака чрезвычайно встревожился сердцем и ничего не ответил. А Даманака, понимая его состояние, сказал:

— Ведь этого чаще всего и следует ждать от министра. Хорошо ведь говорится:

Где слишком вознесутся царь с министром,
Богиня счастья, что успех приносит,—
Неблагодарна к возвышенным быстрым
И к тяжести двойной,— кого-то сбросит!

И поэтому:

Дурной советчик, зуб гнилой или заноза — все под стать!
О них запомни лишь одно: скорее с корнем вырывать!

А также:

Порою властелин министра одного
Дарит высокой дружбой,
Но тот, по глупости иль славой опьянен,
Пренебрегает службой.
Он забывает долг, и в сердце у него —
Лишь опьянение властью,—
Тогда, стремясь свалить владыку своего,
Он всех ведет к несчастью!

А ведь этот Сандживака беспрепятственно проникает всюду, куда захочет. Поэтому подходят сюда следующие слова:

Хотя б и верный подданный проматывал добро свое,
Швыряя людям золото,— царю опасен этакий!

А также:

Дары от любящих порой вражду
Нежданно пробуждают,
А злость врага, вредящая другим,
И радует и лечит!..
В сердцах царей — кипенье всех страстей
В борьбе противоречий,—
Служить царям не в силах и аскет,
Беду предупреждая!

Услышав это, Пингалака воскликнул:

— Но ведь это мой слуга! Как мог он так перемениться?

Даманака ответил:

— Слуга он тебе или не слуга — здесь нет ничего удивительного. Сказано ведь:

Лишь до поры до времени усердно служит подданный:
Достаточно усилившись, бросает повелителя!

Лев возразил:

— Дорогой! Все равно в сердце у меня нет к нему злобы. Ведь:

Порочное, убогое свое нам тело дорого...
И пусть любимый мучит нас,— любить он не отучит нас!

А также:

Пусть обижает, злобствуя, пусть говорит нам дерзости,—
Любимый сердце радует. Ну, что же тут поделаешь?

Даманака сказал:

— Это и есть опасная сторона успеха. Оставив всех других зверей, господин обратил свое внимание на Сандживаку, а тот сам теперь устремился к господству. Сказано ведь:

Кто избран царской милостью — безродный, родовитый ли,
Тот Лакшми * сердца хитрого остался победителем!

И даже если он любим тобой, надо покинуть его, словно нелюбимого, ибо он порочен. Право же, хорошо говорится:

Порочного покинь, хотя б вы были с ним
Товарищи иль братья,
Пусть сын тебе родной! — Порочного покинь,
Без толку слов не тратя...

Не зря пословицу все жены на земле
Твердят одну и ту же:
Что толку в золотых серьгах? — Но ради них
Прокалывают уши!

Если же ты думаешь, что будет польза от его огромного тела, то и это неверно. Ведь:

Когда могущественный слон ленив иль страстью опьянен,
Слабей, чем слабый человек, трудящийся усердно, — он!

Несомненно, стопы божественного жалеют его! Но и это не годится. Ведь:

Кто в мутном неразумии отвергнет слово разума —
Того постигнут бедствия среди унынья праздного!..

Кто увещаньям дружеским не следует, не верит им —
Без помощи останется, враги его завертят им!

И еще:

Цветет благополучие там, где советы дельные —
Пусть порой обидные — выслушивают сильные!

А также:

Царя уж лучше слугам не обманывать:
Ловушки ставятся, шпионы бдительны.
А что до слов суровых или благостных, —
Совет хороший слишком редко нравится! **

Тогда лев сказал:

— Дорогой! Все же не говори так. Ведь когда он просил у меня защиты, я сам даровал ему безопасность. Как же может он оказаться неблагодарным?

Но Даманака сказал:

Мы знаем,— злой живет во зле, будя вражду,
А добрый человек живет для добрых дел;
Такого нет, кто б не сумел их различить,
Как белый сахар или мед — и нимбы * плод!

И еще:

Хоть чем угодно умащай собачий хвост! Не выпрямишь!
Лечи злодея, угощай — зло из него не вытравишь!

И далее:

Достоинства достойных
Малейшие — сияют взорам нашим,—
Они подобны месяца лучам,
На снежные вершины гор упавшим!

И еще:

Прекраснейшие качества
Увянут у людей, в пороки впавших,
Как тьмою поглощенный лунный свет,
На черный гребень Анджаны упавший! *

Сто лучших дел у нерадивых гибнут,
И сто речей в ушах у глупых сгинут,
Советов сотня — у глухих к советам,—
И сто голов у них пусты при этом!

Дары ломает злобный,
Из пользы — только вред невежда извлечет.
Добро неблагодарный жжет,
А грубиян — убийца дружбы кровной!

А еще:

Вести беседу с дураком —
Что вопиять в пустыне праздно,
Возиться век с солончаком,
Водой поить его напрасно!

Что трупы маслом умащать,
Глухим нашептывать задачи,
Лицо слепого украшать
И выпрямлять хвосты собачьи!

И еще:

Желаньям дурака,
Ничтожества, служить с душой открытой —
Ведь то же, что быка
Доить пытаться, будто он корова!
Пьянея, обнимать
Скопца, как деву, в похоти несытой,
За яхонт принимать
Стекла осколок, в мусоре добытый!

Посему господин пусть непременно обратит внимание
на мои полезные слова. К тому же послушай внима-
тельно:

Мне обезьяна, тигр и змей совет давали — я не внял!
Я заподозрил зло... Но злей перехитрил меня злодей.

Лев спросил:

— Как это?

И Даманака рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Жил в одном селении брахман Яджнядатта (что означает «данный жертвой»). Его жена, подавленная бедностью, каждый день повторяла ему:

— Эх, беспомощный и жестокосердный брахман! Разве не видишь ты, как дети мучаются от голода? А тебе и горя мало! Отправляйся в путешествие, подумай, как добыть пищи, сколько сможешь, и скорее возвращайся обратно.

И, устав от этих жалоб, брахман отправился в далекое путешествие. Через несколько дней он достиг большого леса. Блуждая по лесу, исхудавший от голода, он пустился на поиски воды. И вот в одном месте нашел он большой колодец, зарос-

ший травой. Когда брахман заглянул вглубь, он увидел внизу тигра, обезьяну, змея и человека, и те также увидели его. Тигр подумал: «Это человек»,— и обратился к нему:

— Послушай, великодушный! Спасти живое существо — великая заслуга. Подумай об этом и вытащи меня, дабы я мог встретиться с любимыми друзьями, с женой, детьми и родственниками.

Брахман ответил:

— Одно лишь имя твое внушает страх всем живым существам. Поэтому и я боюсь тебя.

А тигр возразил:

Всем искупить свой грех дано: убийце, пьянице, лжецу,
Клятвопреступнику, скопцу... Неблагодарному — никак! **

И он продолжал:

— Клянусь тройной клятвой, что я не причиню тебе зла. Так пожалей и вытащи меня.

Тогда дваждырожденный подумал про себя: «Если и случится со мной несчастье из-за того, что я спасу живое существо,— все же мой поступок принесет пользу». И, подумав так, он вытащил тигра. Тогда и обезьяна сказала:

— О добрый человек! Вытащи и меня тоже.

Дваждырожденный сделал это. Тогда змей сказал:

— О дваждырожденный! Вытащи и меня!

Но брахман заколебался:

— Ведь люди трепещут при одном упоминании твоего имени. Как же мне прикоснуться к тебе?

Змей сказал ему:

— Мы никому не причиняем зла по собственной воле. Мы кусаемся только тогда, когда нас к этому вынуждают! Клянусь тройной клятвой, что ты от меня не пострадаешь.

Поверив змею, брахман вытащил и его. Тогда звери сказали:

— Люди — вместилище всех пороков. Подумай об этом и не вытаскивай человека, что сидит в колодце, не доверяйся ему!

И тигр продолжал:

— Вон виднеется гора с множеством вершин. На северном ее склоне, среди пещер и непроходимых урочищ,— мое логово. Ты хотя бы один раз должен прийти туда из милости ко мне. Тогда я могу отблагодарить тебя и, свободный от бремени неисполненного долга, перейду в будущее существование.

Сказав так, он отправился в свое логово. Тогда заговорила обезьяна:

— Там, у логова тигра, вблизи водопада, и мое жилище. Приходи ко мне.— И, попрощавшись, она ушла.

А змей сказал:

— Когда будет у тебя неотложное дело, вспомни обо мне,— и направился туда, откуда приполз.

Между тем человек, находившийся в колодце, продолжал кричать:

— Эй, брахман, вытащи и меня!

А дваждырожденный, пожалев его и рассудив: «Он — мой сородич»,— вытащил несчастного. Тогда тот сказал:

— Я — ювелир и живу в Бхригукаччке *. Если тебе понадобится обработать какую-нибудь золотую вещь, приходи ко мне.

Сказав это, он отправился восвояси.

А брахман долго странствовал, но так и не нашел того, что искал. И, вернувшись домой, он вспомнил о приглашении обезьяны. Он пошел к обезьяне. Та радостно поделилась с ним плодами, сладкими, как нектар, и плоды эти оживили его силы. Затем обезьяна сказала:

— Приходи сюда всякий раз, как захочешь плодов.
Дваждырожденный поблагодарил:

— Ты исполнила свой долг! Теперь покажи мне жилище тигра.

Обезьяна повела его к тигру. Узнав брахмана, тигр одарил его искусно сделанным украшением на шею и другими сокровищами и сказал:

— Один царевич, которого унесла лошадь, оказался рядом со мной, и я убил его. Все, что ему принадлежало, я тщательно спрятал и сохранил для тебя. Возьми все это и ступай куда хочешь.

Взяв эти вещи, брахман вспомнил о золотых дел мастере: «Он окажет мне услугу — продаст все это». Подумав так, он отправился к золотых дел мастеру, а тот с уважением принял своего спасителя, усадил его на почетное место, предложил ему воды для омовения ног, еду, питье и другие угощения. И, оказав брахману всевозможные знаки внимания, он сказал:

— Пусть господин только укажет, что мне сделать для него.

Дваждырожденный объяснил:

— Я принес золото и прошу тебя продать его.

— Покажи! — сказал ювелир.

Когда гость показал ему золото, ювелир удивился. «Что такое? Ведь я сам сделал эти золотые вещи для царевича!» Подумав так, он предложил:

— Оставайся здесь, а я покажу кое-кому твои украшения.

Сказав так, он пошел в царский дворец и показал золотые вещи царю. Царь воскликнул:

— Где ты достал их?

Золотых дел мастер ответил:

— В моем доме находится брахман, который их принес.

Тогда царь подумал: «Нет сомнений, что этот брахман — убийца моего сына! Покажу ему, что за это следует!» — И приказал стражникам: — Свяжите преступника и приведите ко мне, а когда пройдет ночь, посадите его на кол.

И вот связанный брахман вспомнил о змее. И, едва вспомнил, тот явился к нему и спросил:

— Что для тебя сделать?

Дваждырожденный сказал:

— Освободи меня от оков!

Змей сказал:

— Я укушу любимую жену царя, и ни заклинания великого заклинателя, ни целебные противоядия не смогут спасти ее. Лишь прикосновение твоей руки исцелит ее. Тогда тебя освободят.

Дав это обещание, змей укусил царицу. Тут в царском дворце поднялся плач, и весь город пришел в смятение. Были созваны врачевавшие от яда заклинатели, волшебники, маги и лекари из разных стран.

Но, несмотря на все их усердие, ни один не мог вылечить царицу. Тогда под барабанный бой стали искать того, кто смог бы помочь беде. И тут дваждырожденный сказал:

— Я исцелю ее от отравления.

Его немедленно освободили от оков, доставили во дворец и привели к царю.

Царь приказал:

— Исцели ее!

И, подойдя к царице, брахман исцелил ее одним прикосновением руки.

Видя, что царица ожила, царь отнесся к нему с уважением и почтительно спросил его:

— Расскажи правду! Откуда получил ты это золото?

Тогда дваждырожденный рассказал обо всем, что

с ним случилось. И, выслушав, царь наказал ювелира, подарил брахману тысячу деревень и назначил его своим министром. А брахман, приведя свою семью, окружил себя друзьями и родными и стал вкушать всевозможные наслаждения. Он мудро правил страной, простирая свою заботливость на все царство, и счастливо проводил дни.

Поэтому я и говорю: «Мне обезьяна, тигр и змей...»

И снова Даманака сказал:

— О божественный! Твой друг ведь изменник...

И все же:

Достойный человек — неопытных друзей
Удержит вдалеке от гибельных страстей.
Поддержит праведный любого, кто слабей.
На путь неправильный — толкает лишь злодей!

А общение с Сандживаккой принесет стопам божественного несчастье и лишит его трех благ*. Обученный многим вещам, божественный живет теперь, как ему хочется, и не обращает внимания на мои слова. Что ж — пусть не обвиняет он слугу, когда придет несчастье. Сказано недаром:

Собою не владеет царь
Порывом страсти увлеченный!
Покорен прихотям, он всех,
Как пьяный слон, приносит в жертву.
Когда же он в пучину бед
Срывается, умом не защищенный,—
Тогда он верных слуг винит,
Забыв о том, что от посева — жатва!

Но лев спросил:

— Дорогой, если так, то не надо ли предупредить его?

Даманака ответил:

— Разве надо его предупреждать? Кто же так делает? Ведь:

Угрозами предупрежденный,
Из страха враг тебе стремится повредить.
Боец, годами умудренный,
Врага делами должен упредить!

Пингалака сказал:

— Он ведь ест траву, а я — мясо. Как же сможет он мне повредить?

Даманака ответил:

— Правильно, он питается травой, а божественный — мясом. Сам он — пища, а божественный — пожиратель. И все же, если сам он не причинит зла, то заставит другого сделать это. Сказано ведь:

Когда не хватит у злодея силы —
Другого подошлет, как палача:
Сам ничего не режет камня —
Точилом служит для меча!

Лев спросил:

— Как же?

Тот ответил:

— Ведь сражения с многочисленными слонами, пьяными от страсти, гайялами, буйволами, кабанами, тиграми и пантерами оставили на твоём теле следы клыков и когтей. А Сандживака, постоянно живущий рядом с тобой, оставляет всякие нечистоты. Со временем в них заведутся черви. И черви эти проникнут сквозь твои раны глубоко внутрь тела. Тогда ты и погибнешь. Сказано ведь:

Ты не впускай к себе того, о ком не знаешь ничего!
Хоть вошь была и не глупа, а все ж погибла от клопа!

Тот спросил:

— Как это?

Даманака рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— В покоях одного царя стояло несравненное ложе, наделенное всеми достоинствами. И там, в покрывале, жила вошь по имени Мандависарпини (что означает «медленно ползущая»). Окруженная многочисленным потомством и наследниками — сыновьями, дочерьми и внуками от сыновей и дочерей,— она все время питалась кровью спящего царя. И от крови его она стала упитанной и приметной. Так жила она там... И вот однажды упал на это ложе занесенный ветром клоп по имени Дундука (что означает «крошечный»). Попав на необычайно мягкое и благоуханное ложе с превосходным тончайшим покрывалом и

двумя подушками, ложе, подобное широкому песчаному берегу Джахнави *, клоп пришел в полный восторг. Прикосновение к этому ложу похитило его разум, и вот как-то, бродя взад и вперед, он по воле судьбы повстречался с Мандависарпини.

Она сказала:

— Как попал ты в это жилище, предназначенное для царя? Скорей уходи отсюда.

Но тот ответил:

— Почтенная! Не говори мне так. И вот почему:

Рожденный дважды — пламя чтит.

А женщина — супруга чтит.

Брахмана — люди низших каст.

Пришельца — каждый человек!

А я — твой гость. Разного рода кровью наслаждался я: кровью брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Она у них соленая, слизистая, и ею нельзя насытиться. А у того, кто спит на этом ложе, кровь, несомненно, услаждает сердце и подобна нектару. Он ведь не страдает от болезней, ибо постоянно с усердием принимает лекарства и всякие целебные зелья, предписанные врачами. Ему придают силу приятные жидкие, искусно приготовленные кушанья, крепкие от примеси сахара, граната, имбиря и перца и состоящие из превосходного мяса обитателей земли, воды и воздуха! Впитавшая все это кровь кажется мне подобной жизненному элексиру. Потому и я хочу отведать ее по твоей милости: ведь она приносит радость и насыщение, она благоуханна, сладка.

Вошь возразила:

— Невозможно это для тех, кто, как ты, обладает огненным ртом и живет лишь потому, что умеет кусать.

Сказано ведь:

Кто места, времени, людей,
Себя и дел своих не знает —
Тот жизнь в печали покидает,
Не увидав счастливых дней.

Но клоп, упав к ее ногам, снова принялся умолять ее. И по великой своей милости она согласилась, сказав:

— Да будет так. Но ты не должен питаться кровью царя в неподходящем месте и в неподходящее время.

Он спросил:

— Каковы же подходящие место и время? Я только что пришел и не знаю этого.

Она ответила:

— Когда телом царя овладеют опьянение, усталость или сон, ты можешь осторожно кусать его ноги. Вот — единственное место и время.

И клоп согласился с этим. Но вот как-то вечером, забыв о подходящем времени и мучимый голодом, он укусил едва задремавшего царя в спину. А тот, словно обожженный раскаленным камнем, словно ужаленный скорпионом, словно тронутый головней, — тут же вскочил, схватился за спину и сказал:

— Ой! Кто-то укусил меня! Во что бы то ни стало отыщите в постели это насекомое!

Услышав слова царя, испуганный Дундука убежал и заполз в одну из щелей кровати. Тут пришли исполнители царских приказаний и, взяв светильник, усердно принялись за поиски. Волею судьбы, они настигли Мандависарпини, спрятавшуюся в шерстяной одежде, и убили ее вместе со всеми ее родственниками.

Поэтому я и говорю: «Ты не впускай к себе того...»
И, кроме того, не подобает божественному покидать своих наследственных слуг. Ведь:

Кто, родичами брезгуя,
Среди чужих вращается —
Тот, как дурак Чандáрава*,
Пойдет тропюю гибели! **

Пингалака спросил:
— Как это?
И тот рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

— Жил некогда в пещере в окрестностях города шакал по имени Чандарава, шея которого исхудала от голода. Однажды, блуждая в поисках пищи, он, дождав-шись ночи, вошел в город. Городские собаки искусали его своими острыми зубами, а он, трепеща от их страшного лая, спотыкаясь пустился наутек и вбежал в дом какого-то ремесленника. Там он упал в большой котел, наполненный индиго, и собаки убежали назад. А шакал с большим трудом выбрался из котла с индиго и ушел в лес. Когда же все жившие поблизости стаи зверей увидели его тело, выкрашенное индиго, они спросили:

— Что это за существо незнакомого цвета?

И, зажмурив глаза от страха, убежали, рассказывая остальным:

— Горе нам! Откуда-то явилось незнакомое существо. Неизвестно, каковы его повадки и какова его сила! Поэтому давайте уйдем подальше. Сказано ведь:

Возможно ли довериться рукам того или этого,
Не зная рода-племени, и сил его, и дум его?

А Чандарава, видя, что страх привел их в смятение, сказал им:

— Слушайте, дикие звери! Почему вы дрожите и убегаете, увидев меня? Ведь, узнав о том, что у диких зверей нет господина, Акханда * помазал меня на царство, а имя мое — Чандарава. Живите же счастливо, огражденные моими лапами, подобными громовым стрелам.

Услышав эту речь, стаи львов, тигров, пантер, обезьян, зайцев, газелей, шакалов и других зверей склонились перед ним со словами:

— Господин! Укажи, что нам делать?

Тогда он назначил льва министром, тигру поручил охрану ложа, леопарду доверил шкатулку с бетедем, слона сделал привратником, обезьяне же повелел держать над ним зонт. А всех своих сородичей-шакалов, находившихся там, он выгнал в шею. Так наслаждался Чандарава радостью царствования, в то время как львы и другие звери приносили добычу и складывали к его стопам. А он раздавал ее, по-царски деля между всеми.

Так проходило время, и вот однажды, придя в царское собрание, он услышал, как воеет неподалеку стая шакалов. Тут волоски поднялись на его теле, глаза наполнились слезами радости, он встал и завыл пронзительным голосом. Услышав вой шакала, львы и другие

звери подумали: «Да ведь он — шакал!» — и, на мгновение склонив свои головы от стыда, сказали:

— Ох! Ведь шакал этот властвовал над нами... Убьем же его!

А он, услышав их, попытался бежать, но погиб, растерзанный тигром.

Поэтому я и говорю: «Кто, родичами брезгуя...»

Но Пингалака спросил:

— Как же я узнаю, что он замышляет зло? И каким способом он сражается?

Даманака ответил:

— Обычно он приближается к стопам божественного, расслабив тело. Если же сегодня он станет боязливо подкрадываться, готовясь нанести удар остриями рогов, — пусть знает божественный, что враг замыслил зло.

Сказав это, Даманака поднялся и пошел к Сандживаке. И, медленно подойдя к нему, он сделал вид, что охвачен нерешительностью. Тогда тот спросил:

— Дорогой, хорошо ли тебе?

Он ответил:

— Как может быть хорошо подчиненному? С какой стати?

Тревожна служба у царя, и мало в ней веселого...

В чем можно быть уверенным? А вдруг не сносишь голову!

А также:

Вот зло первоначальное — рожденным быть, второе — жить, А третье — жизнь поддерживать и бедствуя, за хлеб служить.

Глупец, изгнанник и слуга, больной, бедняк — о пятерых Великий Вьяса говорит: «Они при жизни — мертвецы!»

Кто службу у царя сравнил с собачьей жизнью? — Люди лгут! Слоняется, где хочет пес, — слуге указано: вот тут.

И во всяком случае:

Где время? Да и место где?
Где дружба? Вред и польза где?
И сам я — кто? Где силы взять?..
Всегда так надо размышлять.

Услышав речь Даманаки, утаившего свои замыслы, Сандживака сказал:

— Дорогой, поведай, что хочется тебе сказать.

Тот ответил:

— Ты ведь мой друг, и мне необходимо сообщить нечто для тебя полезное. Наш господин Пингалака гневается на тебя. Сегодня он сказал: «Если я убью Сандживаку, то смогу насытить всех плотоядных». Эти слова глубоко опечалили меня. Поэтому делай теперь то, что нужно.

И, услышав эту речь, подобную удару грома, Сандживака глубоко опечалился. Привыкнув доверять Даманаке, он ощутил тревогу в сердце и с великим страхом сказал:

— Хорошо ведь говорится:

Негодники — наперсники царя!
Лишь негодьям женщины доступны.
Текут богатства к жадным и преступным,
Как льется дождь на горы и моря... **

Увы! Горе мне, горе! Что же со мной случилось?

Когда владыка, на вершине счастья,
Добром исполнен — нам понятно это.
Но не понятно странное пристрастье,—
За что слугу сживает он со света?

И к тому же:

Кто не впадает без причины в гнев,
Того легко умлостивить можно...
Но если мрачен царь, осwirепев
Без повода,— живется всем тревожно.

Коль без причины злобится злодей —
Мы в ужасе дрожим не без причины!
И где укрыться от его речей,
Текущих липко, будто яд зменный?

Тоскуя, гусь летит в глубокой мгле
К расцветшему лотосу,
И в зеркалах воды мерцанье звезд
Хватает, обманутый,—
Ему при свете дня во всех цветах
Лишь звезды мерещатся...
Так добрый человек и тот страшит
Обманутых некогда!..

Увы! Что плохого сделал я господину моему Пин-
галаке?

Даманака сказал:

— Приятель, цари любят вредить без причины и
искать в других недостатки.

Сандживака согласился:

— Это так. Хорошо ведь говорится:

В сандаловых лесах гнездятся змеи,
В пруду среди лотосов убийца-крокодил.
Достойным смерть несут злодеи,—
И счастья нет без горя и могил.

Да, все-таки я сам виноват, что стал служить пло-
хому другу. Сказано ведь:

Неосторожность в действиях непутных,
В опасной дружбе и дурном соседстве.
Средь лотосов стрела убила птицу,—
А та спала, не ожидая бедствий.

Даманака спросил:

— Как это?

Сандживака рассказал:

А также:

Чуть раковину Хари взял — от скверны кость очистилась!
Общаясь с благородными — облагоураживаемся **.

Услышав это, гусь согласился с ней и сказал:

— Да будет так, верный друг! Живи, как тебе нравится, вместе со мной у этого большого пруда, в лесу, где так приятно гулять.

Так стали они проводить время, наслаждаясь дружкой. И однажды сова сказала:

— Я отправлюсь в свое жилище, которое называется «Заросли лотоса». Когда я смогу быть полезной тебе или ты почувствуешь, что твоя любовь ко мне усилилась, — обязательно приходи в гости.

И она отправилась в свое жилище.

И вот однажды гусь подумал: «Я уже состарился, безвыходно сидя в этом жилье, и ничего не знаю о других местах. Схожу-ка я в гости к любимому другу — сове. Там будут у меня совсем новые места для развлечений и разнообразная пища».

Подумав так, гусь отправился к сове. Он не нашел ее в «Зарослях лотоса». Но после усердных поисков застал в каком-то дупле: слепую при дневном свете. Тогда он сказал:

— Выходи, дорогая, выходи! Это пришел я, гусь, твой любимый друг!

Но, услышав это, сова сказала:

— Я не летаю днем. Мы встретимся, когда зайдет солнце.

Гусь дождался ночи и наконец встретился с совой. Он рассказал ей о своем житье и о других вещах и заснул, утомленный дорогой.

Между тем у пруда остановился большой торговый караван. Когда настало утро, начальник каравана под-

нялся и протрубил в раковину — это был сигнал к выступлению. Тогда сова, издав громкий и неприятный крик, залезла в яму около реки. А гусь так и не сдвинулся с места. Начальник каравана принял крик совы за дурное предзнаменование: сердце его встревожилось, и он послал лучника, который мог попасть в любую невидимую цель, если только она издавала звуки. Тот поднял свой крепкий лук, натянул тетиву до уха и убил гуся, оставшегося в гнезде.

Поэтому я и говорю: «Неосторожность в действиях непутных...»

И Сандживака продолжал:

— Раньше наш господин Пингалака говорил речи сладкие, как мед, а теперь сердце его уподобилось яду. И я знаю, как это бывает:

Он с влагой слезною в очах
Тебя в объятия заключает
И мед в приветливых речах
Неутомимо расточает.
Но мед снаружи — яд внутри!
Он дружбу ядом пропитает.
Таков злодей. Ты посмотри:
Актер великий пропадает!

А также:

Привстав, склонился он,
Стремится вслед,
В хранители просится!
Он преданно глядит,
Он весь любовь —
В объятиях душно вам!

О, сладостны, как мед,
Его слова,—
Всегда превозносит вас,
Но никогда для вас
Не сотворит
Действительно нужного!

Горе! О, горе! Как мог я, питающийся травой, сблизиться с этим львом, пожирающим мясо? Хорошо ведь говорится:

Когда светило дня
Сияет над вершиной гордой Асты *,
Пчела, жужжа, звеня,
Все к лотосу летит за взяткой частой..
Нет у нее забот,
Что к сумеркам в цветке она застрянет:
Беды не чувствует тот,
Кого настойчиво к заветной цели тянет!

Забыв жасмина дух
И бросив мед,
Сладчайший, пленительный,
И лотоса цветы,—
Пчела спешит
К слоновьему мускусу,—
Прильнет к виску слона *
И влагу пьет,
Как нектар целительный!..
Не так ли человек,
Забыв свой путь
Тоскует по лучшему?

Как много пчел
У потных щек слонов
Сосут живую влагу!
О, мед живой! —
Что знаем мы о нем?
А сонным пчелам — сладость!..

Едва, едва
Махнет ушами слон —
Посыплются на землю..
И там, внизу,
Им вспомнится тогда
Забытый ими лотос!..

И, несомненно, все это из-за моих достоинств:

Под тяжестью плодов
Сгибаться вниз
Приходится дереву..
От тяжести павлин,
Таща свой хвост,
Застрял не на месте ли?
Коня хотят вести
На поводу! —
Под стать не корове ли?
За доблести свои
Достойный муж
Не терпит ли бедствия?

Темно-лазурных змей, окраскою своей
Глазной подобных мази,
Мы не ловили бы в Калинди, чья вода —
Сапфир иссиня-черный,—
Но звездами камней, сверкающих во тьме,
Их капюшоны полны!
То, что достойному должно почет нести,—
Ему приносит гибель **.

Достойного карать —
Вот царственный поистине обычай!
Привычка богача —
К развратным и бездарным тяготенье.
«Награда по делам»,—
Какая ложь в старинном изреченье!
Все так извращено,
Что стала справедливость неприличной!

Львом в клетке — пленником, тоскующим без сна
В отчаянье глубоком,

Слоном, чья голова исколота бодцом,
Змеей — рабыней мага,
И заплутавшимся в ошибках мудрецом,
И раненым героем,—
Слепой ли, зрячий ли — смеясь, играет рок:
Мы все — забава рока!..

Как бы то ни было, я попал к низкому, и мне теперь
не жить. Ведь:

Ты знал коварных мудрецов? Они на хитрости ловки.
Невинной жертвой пал верблюды, вороны и ее друзей.

Даманака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

— Жил в одном городе купец Сагарадатта (что означает «данный морем»). Нагрузив сотню верблюдов ценными одеждами, он отправился в другую страну. И вот верблюд его по имени Виката (что означает «безобразный»), изнуренный непомерным грузом, обесилел, упал и уже не мог подняться. Тогда купец разделил нагруженные на него одежды между другими верблюдами и, подумав: «Опасна эта лесная местность, нельзя здесь оставаться», — отправился дальше, покинув Викату. Когда же начальник каравана ушел, Виката, еле-еле передвигаясь, принялся щипать траву.

И вот спустя несколько дней к нему вернулись силы.

А в том лесу жил лев по имени Мадотката (что означает «полный ярости»), которому служили леопард, ворон и шакал. И, бродя по лесу, они увидели верблюда, отставшего от каравана. Заметив незнакомое существо, очень смешное на вид, лев обратился к своим слугам:

— Спросите у этого невиданного в нашем лесу существа, кто он?

Тогда ворон, знавший, кто это, ответил:

— Это — верблюд, всем известное животное.

Лев спросил у верблюда:

— Слушай, откуда ты?

И Виката рассказал, как он отстал от каравана. Тогда лев, желая помочь верблюду, даровал ему безопасность.

Вскоре после этого случилось так, что льву, израненному клыками слона, пришлось отлеживаться в своей пещере. Прошло пять или шесть дней, и раненый лев с его слугами совсем изголодались—ведь некому было добывать пищу. И лев, видя, что слуги его ослабели, сказал:

— Я тяжело ранен и потому не могу, как прежде, добывать вам пищу. Так постарайтесь сами для себя.

Тогда они ответили:

— Что нам пользы насыщаться, если стопы божественного находятся в таком состоянии?

Лев сказал:

— Так! Вы ведете себя, как хорошие подданные, и преданны мне. Поэтому приносите мне пищу, пока сам я немощен.

Но они ничего не ответили, и он добавил:

— Ну, довольно мешкать! Не робейте! Выследите какое-нибудь животное, и, хоть я ранен, а добуду пищу и вам и себе.

И вот четверо слуг пустились на поиски, но добычи не нашли. Тогда ворон с шакалом стали советоваться, и шакал сказал:

— Слушай, ворон! К чему нам долго бродить? Виката доверяет нашему господину. Давай убьем его и так добудем еду, чтобы поддержать себе жизнь.

Ворон отозвался:

— Ты верно говоришь. Но ведь господин даровал ему безопасность, а значит, не может убить его.

Шакал сказал:

— Это правда, но все же я поговорю с владыкой и сделаю так, что он захочет убить Викату. Поэтому оставайтесь здесь, а я тем временем пойду домой и принесу вам оттуда слово господина.

Сказав так, шакал быстро отправился к своему властителю. И, придя ко льву, он сказал:

— Господин! Мы уже обошли весь лес и теперь, терзаемые голодом, не в силах даже шевельнуть лапой. А божественному нужна подходящая пища. Поэтому, если будет на то воля божественного, употребим для очередной трапезы мясо Викаты.

Но, услышав эту жестокую речь, лев разгневался:

— Тьфу, тьфу, низкий негодяй! Если ты еще раз повторишь это, я убью тебя немедленно. Как я могу убить его, если даровал ему безопасность? Сказано ведь:

Ни дар земель, ни дар коровой тучной,
Ни пищей дар не будет наивысшим:
Мудрец считает самым высшим даром
Любой, несущий людям безопасность! **

Услышав это, шакал ответил:

— Господин! Ты даровал ему безопасность, и если убьешь его, то будешь виноват. Если же он сам из преданности повергнет свою жизнь к стопам божественного,

то не будет на тебе вины. Поэтому, если он сам согласится, чтобы его убили, мы его убьем. Иначе придется съесть одного из нас. Ведь господин нуждается в подходящей пище и, если не утолит голода, перейдет в иной мир. Какая польза будет тогда от наших жизней, раз они не смогут принести пользу господину? Если со стопами божественного случится что-нибудь дурное, мы должны следовать за ними в огонь. Сказано ведь:

Из племени способнейший и лучший
Всех бдительнее должен охраняться:
От гибели он охраняет племя.—
Суть колеса в его оси — не в спицах!

Мадотката согласился:

— Если так, делай как знаешь.

Услышав это, шакал быстро пошел к товарищам и сказал:

— Увы! Господин близок к гибели. Его жизнь стоит у кончика носа. Если его не станет, кто защитит нас в этом лесу? Пойдемте же и сами отдадим ему свои тела, раз голод грозит отправить его на тот свет. Так мы оплатим господину за его милости. Сказано ведь:

Ждет преисподняя слугу, взирающего без забот
На господина своего, застигнутого бедствием!

И вот глаза их наполнились слезами, все они подошли к Мадоткате, поклонились и сели. И, глядя на них, Мадотката сказал:

— Ну! Поймали вы или хоть видели какое-нибудь животное?

Ворон ответил:

— Господин! Мы обошли весь лес, но никого не поймали и не видали. Поэтому пусть господин сегодня съест

меня и тем поддержит свою жизнь. Тогда божественный насытится, а я достигну неба. Сказано ведь:

Кто щедро жертвует собой, спасая повелителя,—
Тот победит и смерть и страх и сам спасется в небесах.

Услышав это, шакал сказал:

— Тело у тебя небольшое, даже если господин съест тебя, это его не спасет. Кроме того, он совершит проступок. Сказано ведь:

В объедках силы не найдешь, без пользы мясо воронья...
По мне уж лучше голодать, чем падаль мерзкую глотать.

Ты уже доказал свою преданность господину и приобрел почет в обоих мирах *. Отойди же, дай мне поговорить с господином.

Вслед за тем шакал почтительно поклонился и сказал:

— Господин! Поддержи сегодня свою жизнь моим телом, чтобы я достиг обоих миров. Сказано ведь:

Слуг покупают, продают,— торгует ими господин:
Он жизнью их и смертью их распоряжается один.

Услышав это, леопард сказал:

— Да, хороша твоя речь. Однако и у тебя тело маленькое. К тому же владыке нельзя тебя съесть, потому что ты принадлежишь к той же породе, что и он, и, подобно ему, сражаешься когтями. Ты уже показал свою преданность. Отойди же в сторону, чтобы и я мог умиловить господина.

Вслед за тем леопард поклонился и сказал:

— Господин! Воспользуйся сегодня моей жизнью, чтобы поддержать свою. Доставь мне вечное обиталище на небе и великую славу на земле. Нечего здесь сомневаться.

Услышав это, бедный Виката подумал: «Все они произнесли прекрасные речи, и ни один не был убит господином. Обращусь-ка и я к нему, раз подошло время, чтобы эти трое возразили мне». Решив так, он сказал:

— Да, хороши твои слова. Но ведь и ты сражаешься когтями. Как же может господин съесть тебя? Сказано ведь:

Кто хочет родича убить
Хотя бы в помыслах пустых,
Тот обратится в червяка:
Он — оба мира потерял!

Отойди же в сторону, чтобы я поговорил с господином.

Вслед за тем Виката выступил вперед, поклонился и сказал:

— Господин! Ведь ты не можешь съесть их. Пусть поэтому моя жизнь поддержит твою, чтобы я достиг обоих миров. Справедливо сказано:

Всех подвигов отшельников и жертвоприносителей —
Самопожертвованье слуг приятней небожителям!

Тут леопард и шакал с позволения льва распоролы ему живот, а ворон выклевал у него глаза. Так бедный Виката лишился жизни. А они, терзаемые жестоким голодом, съели его.

Поэтому я и говорю: «Ты знал коварных мудрецов?..»
И, закончив рассказ, Сандживака снова обратился к Даманаке:

— Дорогой, этот царь окружен низкими существами, а потому не дает счастья подданным. Пусть лучше царствует коршун, окруженный гусями, чем гусь, окруженный коршунами. Ведь у того, кто окружен коршунами, множество пороков, ведущих к гибели. Вот почему лучше, чтобы из этих двух царствовал первый. Царь, обманутый дурными речами, не способен к размышлению. И говорят ведь:

С шакалом ты являешься и с остроклювым вороном...
Спасусь-ка я на дереве от общества подобного!

Каратака спросил:

— Как это?

Сандживака рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

— Жил в одном городе тележник Девагупта (что означает «хранимый богом»). Обычно, захватив еду, он шел с женой в лес рубить большие стволы анджаны. А в этом лесу жил лев по имени Вимала (что означает «безупречный»), которому служили двое плотоядных — шакал и ворон. И как-то раз, бродя один в лесу, он увидел Девагупту. А тележник, завидев этого необычайного страшного льва, то ли отчаялся в своем спасении, то ли, наоборот, сохранил присутствие духа, но, так или иначе, решил, что лучше всего смело приблизиться к нему. И вот он подошел ко льву, поклонился и сказал:

— Подойди, подойди, друг! Сегодня ты должен отве-
дать пищи, которую принесла жена твоего брата.

Лев отозвался:

— Я ведь питаюсь мясом и не поддерживаю своей
жизни вареной пищей. Однако из дружбы к тебе я все
же попробую, что это за неведомая еда.

Когда лев сказал так, тележник досыта накормил
его ладдукой, ашокаварти, кхадьякой * и другими раз-
нообразными превосходными яствами, приправленными
сахаром, маслом, виноградным соком и четырьмя веще-
ствами *. А благодарный лев обещал ему безопасность
и разрешил беспрепятственно бродить по лесу. Тогда
тележник сказал:

— Приятель, приходи сюда каждый день, но только
один. Не приводи ко мне никого другого.

Так в дружбе проходило у них время. Каждый день
лев получал разнообразную пищу и, насыщаясь ею, пер-
естал даже развлекаться охотой. Тогда живущие чужой
добычей шакал и ворон обратились к нему, тер-
заемые голодом:

— Господин, что это за место, куда ты ходишь каж-
дый день и откуда возвращаешься в радостном состоя-
нии духа? Расскажи нам.

Лев ответил:

— Я никуда не жожу.

Но те с великой почтительностью продолжали рас-
спрашивать его, и наконец он сказал:

— В этот лес каждый день приходит мой друг. Жена
его готовит множество превосходных кушаний, и я на-
слаждаюсь ими по праву друга.

Тут они решили:

— Пойдем туда и убьем тележника. Тогда мы долго
сможем насыщаться его кровью и мясом.

Услышав это, лев сказал:

— Нет! Я обещал ему безопасность. Как можно даже в мыслях готовить ему такую злую участь? Лучше я и вам достану у него разнообразную превосходную пищу.

Те согласились, и вот все они отправились к тележнику. Но, увидев издали льва с его злыми спутниками, тележник подумал: «Меня не ждет ничего хорошего», — и быстро влез с женой на дерево. А лев подошел поближе и сказал:

— Дорогой, почему ты при виде меня влез на дерево? Ведь это я, твой друг, лев Вимала. Не бойся.

Тогда тележник, не двигаясь с места, сказал:

— С шакалом ты являешься...

Поэтому я и говорю: «Царь, окруженный низкими существами, не доставляет счастья подданным».

И, закончив рассказ, Сандживака снова сказал:

— Кто-то восстановил Пингалаку против меня. Ведь:

Нежною водою выточен, обкатан,—
Сгладится и самый твердый камень...
Непреметно сердце сплетням поддается,
Пущенным по свету злыми языками.

Как же следует поступать в таких обстоятельствах? Что остается, кроме борьбы? Сказано ведь:

Кто долго жил в трудах, в посте, в молитве,—
Достиг блаженства, истомясь жестоко,
И только тот, кто жизнь утратил в битве,—
Его достиг в одно мгновенье ока!

А также:

Герой в обоих случаях пребудет осчастливленным:
Убив — он в победителях, убитый — в небожителях!

Услышав эти слова Сандживаки, Даманака подумал:
«У него острые рога, и он очень велик. Вдруг он по воле
судьбы убьет господина? Это не годится. Сказано ведь:

В бою — для сильного и то сомнителен благой конец...
Надеясь битвы избежать, три способа найдет мудрец*.

Поэтому я придумаю средство и заставлю его отка-
заться от битвы».

И он сказал:

— Дорогой, борьба — это неверный способ. Потому
что:

Враждебных не разведав сил, вражду не вздумай затевать:
Припомни, как унижен был пичужкой жалкой океан!

Сандживака спросил:

— Как это?

Даманака рассказал:

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

— На берегу большого моря, где в изобилии водились джхашы, макары*, черепахи, крокодилы, дельфины, жемчужницы, улитки и множество других животных, жила пара титтибх*. Самца звали Уттанапада (что означает «широконогий»), а жену его—Пативрата (то есть «преданная супругу»). И как-то раз в надлежащее время она понесла, и пришла ей пора класть яйца. Тогда она сказала своему супругу:

— Поищи какое-нибудь место, где я могла бы положить яйца.

А тот ответил:

— Ведь это место приобретено нашими предками и приносит счастье. Здесь и клади яйца.

Пативрата сказала:

— Нет, это место опасно. Уйдем отсюда. Здесь вблизи море, и волны его, что вздымаются вдали, могут унести моих птенцов.

Муж возразил:

— Дорогая, это великое море знает меня, Уттанападу, и никогда не будет так враждовать со мною. Разве ты не слыхала:

В змеином капюшоне лал
Схватить рукою кто бы мог посметь?
Того, чей взгляд приносит смерть,
Кто б раздражать ненужным словом стал?

И также:

Когда из тучи град и снег
Летят в ненастную погоду —
Какой разумный человек,
Чтобы согреться, лезет в воду?

Где можно смельчака сыскать,
Что скажет богу смерти самому:
А ты попробуй жизнь мою отнять,
Когда тебе по силам, по уму!

В огонь, что рвется к небесам
И языками жалит больно,—
Какой безумец лезет сам?
Кто рвется к смерти добровольно?

Услышав эти слова, жена, знавшая, насколько силен ее супруг, засмеялась и сказала:

— Хорош этот стих и подходит ко многим:

Ты хочешь стать посмешищем?
Ишь царь нашелся, хвастунишка!
Слоновью кучу может ли
Ничтожный наложить зайчишка?

Как же ты сам не знаешь своих сильных и слабых сторон? Сказано ведь:

Потребует немало сил
Подсчет, на что хватило б сил.
Уменьем этим овладев,
Избегнуть можешь многих бед!

И хорошо говорится:

Совета преданных друзей не слушая, погибнешь ты.
Как черепаха, что гусей предупрежденья не учла!

Титтибха спросил:

— Как это?

Она рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

— Жила в одном пруду черепаха по имени Камбугрива (что означает «имеющая шею, подобную раковине»). Были у нее двое друзей, гуси Санката и Виката (что означает «маленький» и «безобразный»). И вот однажды настала двенадцатилетняя засуха. Тогда оба гуся подумали: «Иссякла вода в этом пруду. Пойдем к другому водоему. Но сначала простимся с нашим дорогим другом Камбугривой, которого мы давно знаем».

Когда же они пришли к черепахе, она сказала:

— Почему вы прощаетесь со мной? Я ведь водяной житель. Лишенная воды и опечаленная разлукой с вами, я здесь скоро

погибну. Поэтому, если вы хоть сколько-нибудь любите меня, то должны вырвать меня из пасти смерти. В этом мелководном пруду вам ведь недостает только пищи, а меня ждет быстрая смерть. Так подумайте, чего тяжелей лишиться: пищи или жизни.

Тогда они сказали:

— Как нам взять тебя, если ты живешь в воде и лишена крыльев?

Черепаха ответила:

— Можно! Принесите деревянную палку.

Когда палку принесли, черепаха схватила ее зубами в середине и сказала:

— Возьмите в клювы концы палки, поднимитесь вверх и летите рядом по воздушной дороге, пока не достигнете другого, лучшего водоема.

Но они возразили:

— Это опасно. Стоит тебе хоть слово вымолвить, как ты выпустишь изо рта палку, упадешь с большой высоты и разобьешься вдребезги.

Черепаха сказала:

— Я даю обет молчать все время, пока мы будем в воздухе.

Гуси послушались, вытащили черепаху из пруда и с трудом понесли ее. И вот, когда они летели над соседним городом, их увидели люди и подняли тревожный крик:

— Что это похожее на повозку несут по воздуху две птицы?

И, услышав это, черепаха, близкая к гибели, неосторожно проговорила:

— О чем болтают эти люди?

И тут, глупая, выпустила изо рта палку и упала на землю. А люди, жаждавшие мяса, тут же разрезали ее на куски острыми ножами.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПЯТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «Совета преданных друзей...»
И она продолжала:

Предусмотрительный, затем — бесстрашный: только им двоим
Досталось счастье! А судьбе покорствовавший — смерть нашел.

Титтибха спросил:

— Как это?

Жена рассказала:

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

— В одном большом пруду жили три большие рыбы: Анагатавидхатар (что означает «заботящийся о будущем»), Пратьютпаннамати («сохраняющий присутствие духа») и Ядбхавишья («говорящий «будь что будет»»). И как-то раз Анагатавидхатар подслушал слова рыбаков, проходивших по берегу:

— Много рыбы в этом пруду. Завтра мы придем ловить ее.

Услышав это, Анагатавидхатар подумал: «Дело плохо! Несомненно, они придут сюда завтра или послезавтра. Поэтому надо взять с собой Пратьютпаннамати и Ядбхавишью и

укрыться в другом пруду, воды которого безопасны». И, позвав друзей, он спросил их, что они думают обо всем этом. Пратьютпаннаматти сказал:

— Давно живем мы в этом пруду, и нельзя нам так сразу покидать его. Если сюда придут рыбаки, я придумаю, как спасти себя.

А Ядбхавишья, уже близкий к гибели, сказал:

— Есть ведь другие, еще более просторные пруды. Кто знает, придут сюда рыбаки или нет? Зачем же всего лишь из-за каких-то слухов покидать пруд, где мы родились? Сказано ведь:

Пороками иных людей живет змея, живет злодей.

Их планам сбыться не дано,— не то бы рухнул мир давно!

Поэтому я не уйду. Таково мое решение.

И, видя, что другие двое стоят на своем, Анагата-видхатар отправился в другой водоем. А на другой же день рыбаки вместе со своими помощниками запрудили воду и, закинув сети, поймали всех рыб без остатка. В это время Пратьютпаннаматти, тоже попавший в сети, притворился мертвым. Тут рыбаки подумали: «Это мертвая рыба»,— вытащили его из сетей и положили на берегу. И тогда он снова ускользнул в водоем. А Ядбхавишья застрял в ячейках сети и стал биться, пытаясь высвободиться. Тогда они бросились на него с дубинками, и он отошел в небытие.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПЯТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «Предусмотрительный...»

Титтибха воскликнул:

— Дорогая, зачем же ты думаешь, будто я похож на Ядбхавишью?

Слонов, растенья, лошадей, металлы, камни, жидкости,
Мужей и жен и крой одежд — необходимо различать!

Не бойся. Кто сможет повредить тебе, если тебя охраняю я?

Тогда самка положила яйца, а море, слушавшее их разговор, подумало: «Да! Хорошо ведь говорится:

Ничтожные созданыица и то гордыней давятся!
Титтибха лапки поднял вверх: боится — небо свалится!

Что же, я узнаю, какова его сила.

И на следующий день, когда титтибхи отправились за пищей, оно из любопытства далеко протянуло свои руки-волны и унесло яйца. Возвратившись, самка увидела гнездо пустым и сказала супругу:

— Погляди, что случилось со мной, несчастной. Сегодня море унесло яйца. Не раз говорила я тебе, чтобы мы ушли в другое место, но ты, неразумный, как Ядбхавишья, не соглашался. Теперь я так горюю по своим погибшим детям, что хочу броситься в огонь.

Титтибха сказал:

— Дорогая, когда я досуха вычерпаю это море, ты увидишь мою силу.

Но самка возразила:

— Сын благородного! Как сможешь ты бороться с морем? Сказано ведь:

Кто сил не подсчитал в войне — и собственных и вражеских, —
Погибнет мотыльком в огне, едва на бой отважится!

Титтибха же ответил:

— Милая, не говори мне этого.

Издревле солнце молодо!
Лучи на горы падают,
Для лучезарных отроду —
Не существует возраста!

Вот и я вычерпаю всю воду своим клювом и превращу море в сухую землю.

Самка сказала:

— О дорогой! Ведь сюда непрерывно вливаются воды Джанави и Синдху*, принявшие в себя девяносто девять рек. Как же ты вычерпаешь море клювом, вмещающим каплю? Зачем говорить о невозможном?

Титтибха же ответил:

Когда металла крепче клюв,
Победа — только в стойкости,
А ночи длинны, долги дни...
Негрудно море высушить!

Но самка возразила:

— Если уж ты во что бы то ни стало хочешь сражаться с морем, то сначала созови других птиц. Сказано ведь:

В борьбе объединенные,
Врагов отбросят слабые.
Из трав канаты скручены —
Слонов могучих связывать!

А также:

Призвал на помощь воробей
Лягушку, дятла, комара,
И хоть они слона слабей,
А взять им верх пришла пора!

Тут самец спросил:

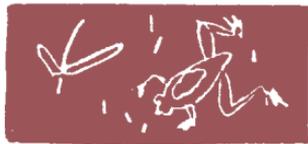
— Как это?

Она рассказала:

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

— В чаще одного леса жила пара воробьев, свивших гнездо на ветке тамалы *. Когда пришло время, воробьи-ха снесла яйца. И вот как-то раз один дикий и пьяный от страсти слон, мучимый жарой и стремясь укрыться в тени, приютился под этой тамалой. Ослепленный страстью, он потянул концом хобота ветку, на которой жили воробьи, и сломал ее. И когда ветка сломалась, разбились воробьиные яйца. А чета воробьев, которой суждено было остаться в живых, с трудом избежала смерти. Тогда воробьи-ха, горя по своим погибшим детям, стала горько сетовать. И тут, услышав сетования, к ней пришел ее луч-

ший друг дятел и, опечаленный ее несчастьем, сказал:

— Дорогая, зачем напрасно горевать? Сказано ведь:

О прелести минувшего, о мертвом и утраченном
Горюют разве мудрые? — То глупым предназначено!

А также:

О смертных горевать ли нам? Глупцы о смертных сетуют.
Найдем лишь горе новое, не исцелясь от этого!

Но воробья ответила:

— Ты прав, но что из этого? Яростный слон в опьянении уничтожил мое потомство. Поэтому, если ты мне друг, придумай какое-нибудь средство погубить этого большого слона. Тогда я перестану оплакивать гибель своего потомства. Сказано ведь:

Того, кто в бедах оставался другом,
Того, кто издевался над тобой,—
Всех наградила ты по заслугам!
И, значит,— жизни ты достиг второй.

Дятел проговорил:

— Хорошо ты сказала. Говорится ведь:

Лишь друг в несчастье — это друг, хотя бы низкой касты был!
Когда ты счастлив — нет заслуг у тех, с кем радость разделил.

А также:

Кто друг в беде — вот верный друг!

Кто кормит — вот родной отец.

Кто близок — тот войдет в твой круг;

Кто сердцем преданна — жена! **

Узнай же силу моего разума! Есть у меня друг — комар по имени Винарава (что означает «жужжащий, словно лютня»). Я позову его, и тогда он погубит этого негодного злого слона.

Затем дятел прилетел вместе с воробьишкой к комару и сказал:

— Дорогой, это — мой друг, воробьяха. Злой слон разбил ее яйца и причинил ей горе. Поэтому помоги мне погубить его.

Комар ответил:

— Дорогой, что можно сказать в подобном случае? Есть у меня лучший друг — лягушка по имени Мегхадута (что означает «вестник облака»). Мы позовем ее и сделаем все, что следует. Сказано ведь:

Ученые, достойные, и мудрые, и добрые,
Когда замыслят что-нибудь — поверь, что все исполнится!

Затем все они пошли к Мегхадуте и рассказали ей о том, что произошло. Тогда она сказала:

— Не устоять бедному слону перед целой разгневанной толпой! Ты, комар, лети к этому опьяненному и жужжи ему в ухо, — он услышит твой голос и зажмурится от удовольствия. Тогда дятел клювом выколет ему глаза. Когда же слона начнет мучить жажда, он услышит мое кваканье, а я в это время буду на краю ямы. Подумав, что там водоем, он пойдет на мое кваканье, достигнет ямы, провалится в нее и отойдет в небытие.

Так и было сделано. Слон зажмурился от сладкого жужжания комара, и дятел выколол ему глаза; а потом, бродя в полночь, слон, мучимый жаждой, пошел на голос лягушки, достиг большой ямы, упал в нее и погиб.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПЯТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «Призвал на помощь воробей...»

Титтибха сказал:

— Пусть будет так. Я объединюсь с друзьями и высушу море.

Решив так, он созвал всех птиц и рассказал им о своем горе — о том, как у него похитили потомство. А они в отместку за причиненное ему зло стали бить море крыльями. Но одна птица сказала:

— Не исполнятся наши желания. Давайте лучше засыплем море песком и комьями земли.

И вот все птицы стали засыпать море, хватая клювами комья земли и песок. Тогда другая птица сказала:

— Нет, мы не в силах бороться с великим морем. Я посоветую, как надо поступить: есть один старый гусь, что живет под баньяновым деревом. Он даст нам хороший и дельный совет. Пойдем же и спросим его. Сказано ведь:

У старцев столько опыта, что вопрошать их следует:
Гусей, что сеть запутала, спас мудрый гусь, не сетуя!..

Птицы спросили:

— Как это?

Она рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

— Росла в лесу смоковница с развесистыми ветвями, и жила на ней стая гусей. И вот под этой смоковницей выросла лиана кошамби*. Тогда тот старый гусь сказал:

— Эта лиана, что обвивает наше дерево, очень опасна для нас. Если кто-нибудь заберется по ней сюда, он погубит нас. Надо уничтожить ее, пока она слаба и легко ломается.

Но гуси не послушались и не сломали лиану. И вот со временем лиана обвила все дерево. Как-то раз гуси отправились на охоту за едой, и один охотник поднялся по лиане на

смоковницу, прикрепил сети к гусиным гнездам, а сам вернулся домой. Когда же гуси после еды и развлечений вернулись ночью в свои гнезда, все они попались в сети. Тогда старый гусь сказал:

— Теперь мы связаны сетями. Это несчастье случилось оттого, что вы меня не слушались. Поэтому все мы теперь погибли.

Гуси откликнулись:

— Благородный! Раз уж так случилось, что теперь надо делать?

Он сказал:

— Если хотите послушаться меня, притворитесь мертвыми, когда придет охотник. Охотник подумает: «Они издохли»,— и сбросит всех вас на землю. А вы, как только упадете, тотчас взлетайте, пока он будет спускаться.

И вот, когда наступило утро и охотник, подойдя к дереву, поглядел на гусей, все они показались ему мертвыми. Тогда, поверив этому, он высвободил их из сетей и всех одного за другим сбросил на землю. А гуси, увидев, что он собрался спуститься на землю, и вспомнив совет старого гуся, все как один сразу улетели.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПЯТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «У старцев столько опыта...»

И когда рассказ был окончен, все птицы пришли к старому гусю и рассказали ему о несчастье,— о том, как было похищено потомство титтибхи. Тогда старый гусь сказал:

— Над всеми нами, птицами, царит Гаруда. Вот что надо делать: все вы должны напугать Гаруду своими горестными криками. Тогда он развеет вашу печаль.

Решив так, они пошли к Гаруде. А в то время блаженный Нараяна позвал Гаруду на битву богов с асурами *. И птицы рассказали своему господину, царю птиц, о горестной утрате титтибхи, у которого море похитило потомство.

— Божественный! В блеске твоего могущества мы живем лишь тем, что можем унести в своем клюве. И вот море, презирая нас за скудость нашей пищи, похитило наших детей. Говорят ведь:

Уединясь для еды, поверь, слабейший будет прав!
Убил барана лев, узнав: он слаб, он — поедатель трав!

Гаруда спросил:

— Как это?

Старая птица рассказала:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

— Жил в лесу баран, отставший от своего стада. Покрытый густой шерстью, свисавшей с его шеи, наделенный рогами, подобными решетке, и могучим телом, бродил он по лесу. И как-то раз лев, окруженный всеми зверями, увидел его в лесу. Глядя на это невиданное дотоле существо, шерсть на котором так топорщилась во все стороны, что нельзя было даже рассмотреть его тела, лев ощутил тревогу в сердце и со страхом подумал: «Несомненно, он гораздо сильнее меня, если так беззаботно бродит здесь!» Подумав так, лев потихоньку удалился. А на следующий день, увидев в лесу, как баран щип-

лет траву, лев подумал: «Э, да он питается травой! Значит, сила у него под стать такой пище». Подумав так, он мгновенно бросился на барана и убил его.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ПЯТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «Уединяясь для еды...»

Пока они разговаривали, снова пришел вестник Вишну и сказал:

— Эй, Гарутман! Владыка Нараяна приказал тебе быстро явиться к нему и отправиться в Амаравати*.

Услышав это, Гаруда гордо ответил:

— Эй, вестник! На что господину такой плохой слуга, как я?

Вестник ответил:

— О Гаруда! Разве блаженный когда-нибудь говорил тебе неподобающие слова? Почему же ты высокомерно ведешь себя с блаженным?

Гаруда сказал:

— Море, служащее обиталищем блаженного, похитило яйца у моего слуги, титтибхи. Поэтому скажи владыке, что если я не накажу море, то не буду слугой блаженного.

Узнав из уст вестника, что Гарутман прогневался, Вишну подумал: «Да! Сильно разгневан Вайнатейя. Поэтому я сам пойду, обращусь к нему, оказав ему уважение, и приведу его сюда. Сказано ведь:

Лицо достойное — слуга. Его, как сына, береги:
Получишь многие блага от благородного слуги.

А также:

Хоть всем доволен господин — слуге лишь благосклонный взгляд.
А тот за милостивый взгляд готов в огонь и в самый ад!»

Поразмыслив так, он поспешно отправился к Гаруде. А тот, увидев своего повелителя, пришедшего к нему в дом, и опустив голову от стыда, поклонился, а потом сказал:

— Погляди, блаженный! Твое обиталище — море возгордилось и оскорбило меня, похитив яйца у моего слуги. Мне было стыдно перед блаженным, и потому я медлил, а не то сегодня же превратил бы море в сушу.

И блаженный ответил:

— О Вайнатейя! Ты сказал правду. Ведь:

Дрянного, злобного слугу коль не прогонит господин —
Все преступления слуги пускай искупит он один!

Иди же, а мы возьмем у моря яйца и, порадовав титтибху, отправимся в Амаравати исполнять божественные дела.

Когда тот согласился, блаженный положил на лук огненную стрелу и, грозя морю, сказал:

— Эй, негодное! Верни яйца титтибхе, иначе я превращу тебя в сухую землю.

Услышав это, море испугалось и, дрожа от края до края, принесло на волне яйца и на глазах блаженного вернуло их титтибхе.

Поэтому я и говорю: «Враждебных не разведав сил...»

И, поняв, в чем суть дела, Сандживака спросил:

— Приятель, расскажи, каким образом сражается Пингалака?

Тот ответил:

— Обычно он лежит на каменистой почве, расслабив свои члены. Если же сегодня он сразу подождет хвост, сложит вместе все четыре лапы, наострит уши и уже издали будет глядеть прямо на тебя, то знай, что он замышляет против тебя недоброе.

Сказав это, Даманака пошел к Каратаке. Тот спросил:

— Что ты сделал?

Он ответил:

— Я разлучил Пингалаку с Сандживакой.

Каратака спросил:

— Правда?

Даманака ответил:

— Ты узнаешь это по последствиям.

Каратака отозвался:

— Что же тут удивительного? Сказано ведь:

Продуманный, разумный план —
Союз противников рассечь:
Так между скалами поток
Прорубит путь себе, как меч!

Даманака сказал:

— Так или иначе, вызвав раздор, следует позаботиться о собственной выгоде. Сказано:

Тот, кто в науки глубоко проник,
Но не извлек ни пользы, ни отрады,—
Свой ум напрасно утомит,
Ему и знать бы их не надо!

Но Каратака ответил:

— И все же,— где здесь польза? Как говорится:

Что наше тело? Грязный прах, кипенье мерзких нечистот.
Зачем такое утучнять мученьями невинных жертв?

Даманака сказал:

— Ты не знаешь извилистых путей государственной мудрости, а пути эти служат источником наград для министров. Мудрость гласит:

Душа — незыблемый гранит, а речи — сахарный тростник!
Таким хочу я, чтобы ты пред оскорбителем возник!

И, кроме того, Сандживака принесет нам пользу, когда его убьют. Ведь:

Добиться цели для себя, другому горе причинив,—
Всегда закон для хитреца. Так поступал Чатурака!

Каратака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

— Жил в одном лесу лев Ваджраданштра (что означает «с зубами, твердыми, как алмаз»). Его сопровождали министры — волк, шакал и верблюд, которых звали Кравьямукха, Чатурака и Шанкукарна (что означает «любящий мясо», «ловкий» и «остроухий»). В одной битве опьяненный яростью слон изранил льва своими острыми бивнями, и тому пришлось уединиться. И вот, измученный семидневным постом, исхудав от голода, лев сказал своим советникам, которых так же терзал голод:

— Найдите в лесу какое-нибудь животное, и я хоть ранен, а смогу насытить вас.

Едва он это приказал, как они отправились бродить по лесу, но никакого животного не нашли. Тогда Чатурака подумал: «Если убьют Шанкукарну, все мы несколько дней подряд будем есть досыта. Правда, господин дружит с ним и не захочет его убивать. И все же с помощью своего разума я сделаю так, что господин убьет верблюда. Сказано ведь:

Все дело в силе разума,— ей нет противодействия:
По-всякому, по-разному добьюсь любого гибели!»

Подумав так, он сказал Шанкукарне:

— О Шанкукарна! У господина нашего нет подходящей пищи, и он мучается от голода. Если же не станет господина, то, несомненно, погибнем и мы. Поэтому послушай, что я скажу для твоей пользы и для пользы господина.

Шанкукарна отозвался:

— О дорогой, скорей говори, а я не колеблюсь поступлю так, как ты скажешь. Ведь когда творится добро господину — творится сотня добрых дел.

Чатурака сказал:

— О дорогой! Доставь себе двойную прибыль — сделай так, чтобы тело твое удвоилось, а господин смог поддержать свою жизнь.

Услышав это, Шанкукарна сказал:

— Дорогой! Если можно последовать твоему совету, то ведь к этому я и стремлюсь. Скажи обо всем господину. Пусть так и будет. Однако в этом случае надо призвать в поручители Дхармараджу*.

Порешив на этом, все они пошли к царю. Тогда Чатурака сказал:

— Божественный! Сегодня мы никого не нашли, а блаженное солнце уже клонится к закату.

Услышав это, лев сильно опечалился.

Тогда Чатурака сказал:

— Божественный! Вот что говорит Шанкукарна: «Если господин обещает вернуть мне мое тело увеличенным вдвое, представив поручителем Дхармараджу, я отдам ему себя на съедение».

Лев сказал:

— Дорогой, это прекрасно. Пусть так и будет.

И когда решили так поступить, лев свалил Шанкукарну лапой, а волк с шакалом разорвали его на части, и он отошел в небытие.

После этого Чатурака подумал: «Как бы мне одному съесть верблюда?» Раздумывая так, он увидел, что лев запачкан кровью, и сказал:

— Пусть господин пойдет к реке, чтобы омыться и почтить божество. А я останусь с Кравьямукхой стеречь пищу.

Услышав это, лев отправился к реке. Когда же лев ушел, Чатурака сказал Кравьямукхе:

— О Кравьямукха! Ты голоден. Поешь мяса этого верблюда, пока не вернулся господин. Я сделаю так, что господин ни в чем тебя не обвинит.

Когда же волк, послушавшись его, съел немного мяса, Чатурака сказал:

— Эй, Кравьямукха, отойди подальше. Господин возвращается.

А лев вернулся и, увидев, что у верблюда вынуто сердце, в гневе сказал:

— Эй! Кто превратил этого верблюда в объедки? Я и его убью.

Тут Кравьямукха взглянул на Чатураку, словно говоря: «Скажи же что-нибудь, чтобы лев успокоился». А Чатурака засмеялся и сказал:

— Эй, что ты глядишь на меня? Ведь это ты съел сердце верблюда!

Услышав это, Кравьямукха в страхе за свою жизнь пустился бежать. А лев погнался за ним, но, немного пробежав, подумал: «Не следует мне убивать того, кто сражается когтями»,— и вернулся назад.

Между тем по воле судьбы той дорогой двигался большой караван нагруженных верблюдов, и слышался звон больших колокольчиков, подвешенных к их шеям. Услышав издали громкий звон колокольчиков, лев сказал шакалу:

— Дорогой, узнай, что это за страшный шум.

Тогда Чатурака немного углубился в лес и, поспешно вернувшись, с беспокойством сказал:

— Уходи, уходи, господин, если можешь уйти!

Тот ответил:

— Дорогой, зачем ты так пугаешь меня? Скажи, в чем дело.

Чатурака сказал:

— Господин, это идет разгневанный на тебя Дхармараджа. Он увидел, что ты призвал его в свидетели и убил в неподходящее время принадлежащего ему верблюда, и вот решил вернуть себе верблюда в тысячекратном размере. Очень разгневанный, он хочет искать здесь даже отца и предков убитого. Он находится невдалеке и скоро будет здесь.

Услышав это, лев в страхе за свою жизнь бросил мертвого верблюда и убежал. А Чатурака долгое время понемногу питался мясом верблюда.

Поэтому я и говорю: «Добиться цели для себя...»
Между тем, когда Даманака ушел, Сандживака подумал: «Что мне делать? Ведь если я уйду отсюда, меня убьет какое-нибудь другое жестокое существо,

потому что лес этот пустынен! Увы, у подданных нет выхода, когда гnevаются их властители. Сказано ведь:

Пусть беглецу и кажется, что опасаться нечего,—
Хитрец руками долгими уже настиг беспечного!..

Так лучше уж я приближусь ко льву. Может быть, он вспомнит, что я искал у него убежища и пощадит меня?» Решив так про себя, он с встревоженным сердцем медленно-медленно отправился в путь и, увидев льва таким, каким описал его Даманака,—присел невдалеке и подумал: «Увы! Каково непостоянство владык! Сказано ведь:

Как входят в дом, что змеями кишит, и в темный лес,
Где рыщут змей в чащах,
Или в прохладный пруд, где лотосов полно,
А крокодилы злобны,
Так проникает в замыслы царя, во тьму пещер,
Злодеями кишачих,
Трепещущий слуга — и видит дно
В последний час недобрый!»

А Пингалака, видя, что бык таков, каким описал его Даманака, тотчас напал на него. Острия его когтей, подобных громовым стрелам, разодрали тело Сандживаки, а тот, вонзив ему в живот острия своих рогов и с трудом отступив назад, снова приготовился к битве, намереваясь убить его рогами.

И вот, глядя, как они оба, подобные цветущим деревьям палаша, стремятся убить друг друга, Каратака с упреком сказал Даманаке:

— О глупец! Нехорошо ты сделал, что посеял между ними раздор. Ведь ты привел в смятение весь этот

лес. Не знаешь ты сущности разумного поведения! Сказано ведь:

Кто трудные дела, всегда
Ведущие путем тернистым,
Уладить может без труда —
Способен сделаться министром.
Но кто в простых делах права
Насильем грубым нарушает —
И чья не варит голова,—
Тот судьбам царства угрожает!

Эх, глупец! Ты стремишься стать министром, а сам незнаком даже с дружеским обхождением. Напрасно твое стремление, потому что ты способен лишь на насилие. Сказано ведь:

Пусть женскому подобен ум, не сопряженный с мужеством,
Но яростность безумная — грозит скотоподобием!

Если же, подумав: «Я — сын министра», — ты чересчур возгордился, то в этом — твоя гибель. Известно ведь, что мудрые книги преподают нам наставление, состоящее из пяти частей: как начинать дела, как находить нужных людей и нужные вещи, как использовать место и время, как предотвратить несчастье и как достичь цели. Большая опасность грозит теперь господину. Поэтому, если есть у тебя сила, подумай, как бороться с этим несчастьем. Ведь разум министров испытывается, когда надо примирить враждующих. Ты же, глупец, не способен это сделать, потому что наделен извращенным умом. Как сказано:

Такой куда не сунется — глядишь,
Испортит все, во что усилья вложит!
Подгрызть способна шелковицу мышь
И повалить. Но посадить не сможет!

Да и не тебя надо винить, а господина, который
внял словам такого скудоумного, как ты! Сказано ведь:

Ученость учит скромности,
С собою лжеуч нянчится.
Мы все от света — зрячие,
Сова от света прячется!

Познанья глупому вредят,—
Он вскоре возгордится бестолково!
Чем вылечить того больного,
Которому лекарство — сущий яд?

И, видя, что господин в опасности, Каратака глубоко
опечалился:

— Горе, горе случилось с господином из-за нера-
зумного совета. Хорошо ведь говорится:

Когда владыки низменным внимают,
А мудрых отстранять ввели в обычай —
Немедля в сети бедствий попадают
И хитрецов становятся добычей!

О глупец! Ведь служить идут к тому господину,
которого окружают достойные. Как же сможет господин
радоваться достойным спутникам, когда у него такой
дурной советник, как ты, подобный скотине и способ-
ный лишь сеять раздор? Сказано ведь:

Подальше от царя, когда при нем в почете всякий плут!
В пруду — прекрасная вода, но полон крокодилов пруд!

А ты, видно, ради собственной корысти желаешь,
чтобы царь был одиночкой? Глупец! Разве ты не знаешь?

В блестящей свите — блеск царя,
Нет в одиночестве красы.
Одним врагам лишь на руку,
Чтоб одиноким он погас!

И нехорошо, что тебя печалит вид чужого счастья и могущества! Не годится поступать так с друзьями, достигшими своего предназначения. Недаром говорится:

Дурак за подлость ждет расплаты дружбой,
Добра достигнуть хочет он обманом,
Насильем — мира, без усилий — знания
И с женщиной ведет себя мужланом!

А тот, кто пользуется милостью господина, тем более должен быть скромным. Ты же полон легкомыслия. Сказано ведь:

Сама судьба согнуть не может стойкого —
Морей не замутят обвалы горные...
А слабый сам колеблется от столького,
Что стал былинкой, ветерку покорною!

И сам господин виноват в том, что, не стремясь к достижению трех благ, он стал советоваться с подобными тебе; ты же — министр лишь на словах и совершенно незнаком с шестью способами ведения государственных дел! * Хорошо ведь говорится:

Лук напряги скорей, слуга,
И времени не трать на лести!
Льстецам потворствующий царь
Невольно радует врага.

Известен же хороший рассказ! Сказано ведь:

Пройдоху Балабхадра сжег,
И правду доказал царю,
Завоевал высокий пост
И дал обманщикам урок.

Даманака спросил:

— Как это?

— Каратака рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

— Есть в стране Кошалов город под названием Айодхья*. Жил там царь по имени Суратха (что значит «обладающий прекрасной колесницей»), чью скамью для ног отполировали венцы многочисленных вассалов, склонявшихся перед ним. И как-то раз хранитель леса доложил ему:

— Господин! Отпали от тебя все цари лесных областей. Во главе их — лесной житель Виндхьяка. Пусть божественный решит, как научить его скромности.

Услышав это, царь призвал советника Балабhadру (что означает «сильный») и послал его наказать мятежников. И когда советник уже отбыл, в конце жаркого времени года в город

вошел обнаженный нищенствующий монах *. Он знал науку разрешения вопросов *, умел составлять гороскопы, гадать по птицам, по точке захода солнца, по третьей, девятой, двенадцатой и тридцатой частям зодиака и мог предсказывать будущее по исчезающим теням, по кулакам, металлам, кореньям, глоткам, бобам и с помощью всевозможных астрологических способов *. И в несколько дней монах этот завладел умами всего населения, словно купил его. Услышав, какая молва идет об этом монахе, любопытный царь призвал его в свое жилище, посадил и спросил:

— Правда ли, что сидящий передо мной учитель знает чужие мысли?

Монах ответил:

— Ты убедишься в этом по последствиям.

И слова эти вызвали в царя сильнейшее любопытство.

И вот однажды монах не явился в назначенное для посещения время, но вошел во дворец после полудня и сказал:

— О царь! Я сообщу тебе нечто очень приятное: сегодня утром в келье я оставил свою плоть, вошел в другое, божественное, тело и, зная, что все бессмертные вспоминают обо мне, поднялся на небо, а затем вернулся назад. Боги поручили мне спросить тебя, о владыка, о твоём благополучии.

Услышав это, ошеломленный царь спросил с величайшим любопытством:

— Учитель, как же ты поднимаешься на небо?

Тот ответил:

— Великий царь, я каждый день поднимаюсь на небо.

И царь, по глупости поверив ему, забросил все свои царские дела, позабыл о гареме и стал думать лишь о монахе.

Между тем Балабhadра освободил лесное царство от врагов и вернулся к стопам царя. Он увидел, что господин его, покинув свою свиту министров, сидит наедине с обнаженным монахом и произносит какие-то заклинания, а лицо его в это время походит на распустившийся лотос. Тогда, узнав, в чем дело, Балабhadра поклонился и сказал:

— Пусть побеждает божественный, любимый богами!

Царь, расспросив министра о его здоровье, спросил:

— Знаешь ли ты этого учителя?

Тот ответил:

— Кто же не знает этого учителя из учителей, подобного Праджapati? Слышал я и о том, как посетил он мир богов. Правда ли это?

Царь ответил:

— Все, что ты слышал,— правда.

Тогда нищий монах сказал:

— Если министру любопытно видеть это, пусть сам посмотрит.

Сказав так, он вошел в келью и закрыл за собой дверь на засов. Спустя мгновение министр спросил:

— Божественный! Когда же он вернется?

Владыка ответил:

— Что ты спешишь? Ведь он оставил в келье свое тело и возвратился с другим, божественным телом.

Министр сказал:

— Если это правда, пусть принесут охапку дров, и я подожду келью.

Царь спросил:

— Для чего?

Советник ответил:

— Божественный! Ведь если сгорит это тело, он будет пребывать рядом с тобой наделенный уже божественным телом! Рассказывают ведь:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

— Жил в городе Раджагриха* брахман Девашарман (что означает «хранимый богом»). Жена его не имела детей и очень горевала, глядя на сыновей своего соседа. И однажды брахман сказал:

— Дорогая! Перестань печалиться. Послушай меня: когда я приносил жертву, прося, чтобы у нас родился сын, я услышал слова какого-то невидимого существа: «Брахман! Будет у тебя сын, который превзойдет всех людей красотой, мужеством и счастьем».

После таких слов сердце брахманки исполнилось высшего блаженства, и она произнесла:

— Да исполнится это предсказание!

Со временем она понесла и, когда настали роды, родила змея. Увидев змея, все окружающие сказали:

— Выбрось его.

Но она не послушалась и, любя своего детеныша, взяла его, вымыла, уложила в большую чистую корзинку и стала кормить молоком, свежим маслом и другой пищей. Через несколько дней детеныш вырос. И вот однажды брахманка увидела, как празднуют свадьбу соседского сына. Тут слезы потекли по ее лицу, и она сказала своему супругу:

— Значит, не уважаешь ты меня, если не хлопчешь о женитьбе моего сына.

Услышав это, брахман возразил:

— Благородная! Неужели мне отправиться в самую преисподнюю и обратиться к Васуки? * Кто же другой, глупая, выдаст свою дочь за этого змея?

Но тут он увидел, что брахманка очень опечалилась, и решил утешить ее. И вот он захватил с собой большой запас пищи на дорогу и отправился в другую страну — и все это из любви к жене. Через несколько месяцев он достиг селения Куткутанагара (что означает «петушинный город»), находившегося в отдаленной местности. Там он провел ночь в доме одного родственника, который хорошо его принял, потому что оба они ценили достоинства друг друга. Хозяин дома почтил брахмана омовением, накормил, окружил услугами, а наутро приветствовал его и, когда брахман собрался в дальнейший путь, спросил:

— Для чего ты пришел сюда? Куда идешь?

На эти слова брахман ответил:

— Я пришел, чтобы найти подходящую жену для своего сына.

Услышав это, родственник сказал:

— Если так, то у меня есть очень красивая дочь.
Ты — мой повелитель. Возьми же ее для своего сына.

Тогда брахман взял дочь родственника вместе с ее служанками и вернулся в свой город. И, видя, что девушка наделена необычайной красотой, одарена высшей прелестью и чудесными достоинствами и что ее широко раскрытые глаза полны любви, люди говорили ее спутникам:

— Как можете вы отдать змею эту девушку-сокровище?

Услышав это, все ее старшие родственники с тревогой в сердцах сказали:

— Надо увести ее от этого юноши, одержимого злым демоном. Но девушка сказала:

— Не насмехайтесь и послушайте меня. Ведь:

Три дела делают единожды:
Владыка пожеланье выскажет,
Мудрец свое решение выдержит
И деву отдадут в замужество.

А также:

Ведь если смерть назначена судьбою,
Не избежишь ее, не испугаешь.
И боги, совещаюсь меж собою,
Не отогнали смерть от попугая!

Тогда родственники спросили:

— Как это?

Девушка рассказала:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Был у Индры попугай по имени Пушпака (что означает «цветочный»). Он был наделен высшей красотой и прекрасными достоинствами, постиг много наук, и разум его не знал соперников. Однажды, сидя на ладони великого Индры и испытывая блаженство от сладостного прикосновения к нему, он произносил разные мудрые изречения. Но вдруг он увидел Яму, который в назначенное время приблизился, чтобы исполнить свою обязанность. Тут Пушпака сразу отлетел в сторону. Тогда все собравшиеся там бессмертные спросили:

— Почему ты отлетел, увидев Яму?

Попугай ответил:

— Он приносит зло всему живому. Как же можно оставаться рядом с ним?

Услышав это, все они, желая развеять его страх, сказали Яме:

— Ты, конечно, послушаешься нас и не убьешь этого попугая.

Но Яма возразил:

— Не знаю. Здесь властвует Судьба.

И тогда боги, взяв попугая, пришли к Судьбе и сказали ей то же, что и Яме. А Судьба ответствовала:

— Это знает Смерть. Обратитесь к ней.

И когда они обратились к Смерти, попугай отошел в небытие, как только увидел ее. Тут все они с тревогой в сердце спросили Яму:

— Как это могло случиться?

Тогда Яма сказал:

— От одного лишь вида Смерти ему было суждено погибнуть.

Услышав это, они вернулись домой.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО)

Поэтому я и говорю: «Уж если роком суждена...» Кроме того, пусть никто не упрекает моего отца за то, что дочь его лжива.

И вот девушка с согласия окружающих вышла замуж за змея. Заботливая, она стала прислуживать ему — давать ему молоко, питье и оказывать всякие услуги. И как-то раз ночью змей, лежавший в просторной корзине, что стояла в спальне, обернулся

человеком и лег на кровать своей жены. А жена сказала:

— Кто это пришел в облике мужчины?

И, подумав, что это чужой мужчина, она встала, дрожа всем телом, открыла дверь и вознамерилась уйти, но змей сказал:

— Останься, дорогая! Я — твой супруг.

И чтобы убедить ее в этом, он проник в змеиное тело, лежавшее в корзине, а потом вышел из него и снова вернулся к жене. А она, видя, что он украшен высокой диадемой, серьгами, запястьями, браслетами и кольцами, упала к его ногам. И затем они вкусили сладость любовного наслаждения. А отец его, брахман, видевший это, встал пораньше, взял из корзины змеиное тело и, подумав: «Пусть не войдет он снова в него», — бросил змеиное тело в огонь. И утром, счастливый, он показал всем людям своего сына, ставшего прекрасным юношей и предававшегося вместе с женой радостям любви.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО)

Приведя царю этот пример, Балабхра сжег келью вместе с обнаженным монахом.

Поэтому я и говорю: «Пройдоху Балабхра сжег...» Глупец! Вот каковы министры, не похожие на тебя; они не только называют себя советниками, но действительно знают пути разумного поведения. А ты своими дурными поступками ясно показал, что с рождения непригоден к должности министра. Должно быть, и отец твой был вроде тебя. Ведь:

Как поступать привык отец,
Сын так же будет поступать!
Миробалана кислый плод
С кетаки разве соберешь? *

И как бы то ни было, нечего наставлять тебя, наихудшего. Сказано ведь:

Не гнется дерево, как трость,
Не проникает в камень нож.
Учить опасно дурака,—
Как Сучимукха, пропадешь!

Даманака спросил:
— Как это?
Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

— В окрестностях одного леса жила стая обезьян. Однажды зимой, совсем обессиленные, они ночью заметили светлячка. Увидев его, обезьяны подумали: «Это — огонь», — осторожно взяли светлячка, покрыли сухой травой и, приблизив к нему свои руки, плечи, животы и груди, стали почесываться, словно и в самом деле наслаждались желанным теплом. И была среди них обезьяна, которой было особенно холодно; она то и дело дула на светлячка и целиком была поглощена этим занятием. Тогда птица по имени Сучимукха (что означает «с клювом, острым, как игла») спустилась, гонимая судьбой, с дерева и на свою погибель сказала ей:

— Дорогая, не трудись. Это не огонь, это светлячок.

Но обезьяна не послушалась и все дула и дула, как ни отговаривала ее птица прекратить это занятие. К чему много слов? Приблизившись к самым ушам обезьяны, Сучимукха так досаждала ей, что та наконец схватила птицу и, ударив о камень, размозжила ей клюв, глаза, голову и шею. Так Сучимукха отошла в небытие.

Поэтому я и говорю: «Не гнется дерево, как трость...» Несомненно одно: ты — неудавшийся сын. Сказано ведь:

Четыре типа сыновей изучены, а не один:

Природный сын. Подобный сын. Достойный сын. Негодный сын.

Природный — вылитая мать. Подобный — вылитый отец.

Достойный — превзойдет отца. Негодный — зол или глупец.

И еще:

Красавец часто встретится, кто раз один понравится,
Но редко встретится такой, чья мудрость всюду славится!

И хорошо ведь говорится:

Злодея с добромыслящим нигде уж я не спутаю!

Перемудрил один сынок,— огнем отца родного сжег!

Даманака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

— Жили в одном городе два друга, сыновья купцов, Дхармабуддхи и Душтабуддхи (что означает «добромыслящий» и «зломыслящий»)*. Они отправились в далекую страну, рассчитывая нажить богатство. И там благодаря своей счастливой звезде Дхармабуддхи нашел оставленный каким-то добрым человеком горшок с тысячей динаров. Он посоветовался с Душтабуддхи, и, решив: «Мы достигли цели,— вернемся на родину»,— они отправились домой. И у входа в город Дхармабуддхи сказал:

— Дорогой! Половина денег принадлежит тебе. Возьми их, а когда мы придем домой, мы с блеском будем встречены людьми перед лицом друзей и врагов.

Тогда Душтабуддхи, чье коварное сердце стремилось к богатству, сказал ему:

— Дорогой! Пока деньги будут у нас общими, до тех пор не прервется наша преданная взаимная любовь. Поэтому возьмем из них каждый по сотне, а остальное зароем в землю и пойдем домой. Пусть богатство это, уменьшаясь или приумножаясь в наших руках, послужит испытанием нашей добродетели.

Тогда Дхармабуддхи, не разгадавший по своему благородству злого умысла, согласился, и оба они, взяв по сотне динаров, зарыли остальные в землю и вошли в город.

И вот Душтабуддхи, бросая деньги на ветер и потакая своим дурным страстям, быстро истратил принадлежавшую ему долю. Тогда друзья взяли по второй сотне динаров. Но в течение года эти деньги исчезли у Душтабуддхи таким же образом. Тогда он подумал: «Вот мы еще раз возьмем по сотне, но если мне и удастся похитить остальные деньги, много ли будет в этом проку? Ведь останется всего четыреста монет! Унесу-ка я лучше все шесть сотен». Подумав так, он один унес все деньги и сровнял землю в том месте, где они были зарыты. И едва прошел месяц, он сам явился к Дхармабуддхи и сказал:

— Дорогой, поделим поровну то, что осталось от клада.

Сказав так, он вместе с Дхармабуддхи пошел к заветному месту, и они начали копать. Когда же, раскопав землю, они не увидели клада, бесстыдный Душтабуддхи принялся колотить себя по голове пустым горшком и сказал первый:

— Куда девались деньги? Ясное дело — это ты, Дхармабуддхи, похитил их. Верни мне половину, а иначе я пойду в царский дворец.

Дхармабуддхи возразил:

— О злодей! Не говори так. Я действительно добромыслящий и не занимаюсь воровскими делами. Сказано ведь:

Кто чист — глядит на всякого, как будто смотрит в зеркало!
Ему жена чужая — мать, добро чужое — глины горсть.

Так, споря, оба они пошли в суд и рассказали о том, что у них похищены деньги. Выслушав их, судьи решили подвергнуть их божественному испытанию*. Тогда Папабуддхи сказал:

— Увы! Неправильно это решение. Ведь сказано:

Где письменных и явных нет улик — ищи свидетелей,
А этих нет? — Всевышнего проси о правосудии!

Но в этом деле у меня есть и свидетель — лесное божество. Оно вам объявит, кто из нас прав и кто неправ.

Тогда судьи ответили:

— Хороши твои слова! Сказано ведь:

Когда нашли свидетеля, хотя бы низкородного, —
Зачем тревожить зря богов, когда и так свидетель — бог!

Любопытно нам выяснить это дело! Завтра утром оба вы должны пойти с нами туда, в лес.

И, взяв со спорящих залог, судьи отпустили их домой.

Придя домой, Душтабуддхи попросил отца:

— Отец! Эти динары — в моих руках. Теперь нужно лишь твое слово. Сегодня ночью я незаметно посажу тебя в дупло дерева шами* неподалеку от того места, где я вырыл клад. А утром ты должен будешь свидетельствовать перед судьями.

Отец сказал:

— Сын! Мы погибнем, ибо это — неверный путь.
Правильно ведь говорится:

Не вдруг у цапли на глазах
Съел ихневмон * ее родню!
Когда ты пользу ищешь, друг,—
Подумай, нет ли в ней вреда?

Душтабуддхи спросил:

— Как это?

И отец рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

— Неподалеку от одного леса росла смоковница, служившая приютом для стаи цапель. И жил там в дупле черный змей, который пожирал птенцов цапель, прежде чем у тех отрастали крылья. И вот одна цапля, не желавшая больше жить, потому что змей пожирал ее птенцов, подошла к берегу пруда и остановилась, опустив голову и проливая горькие слезы. Видя это, один рак спросил ее:

— Тетушка! Чего ты так плачешь сегодня?

Цапля ответила:

— Дорогой! Что мне, несчастной, делать? Змей, что живет в дупле смоковницы, по-

жирает и моих птенцов, и птенцов моих родственников. Вот я и плачу с горя. Поэтому скажи мне, нет ли какого-нибудь средства погубить змея?

Выслушав цаплю, рак подумал: «Цапля — прирожденный враг нашего племени. Поэтому я дам ей совет, одновременно и полезный и вредный, так чтобы погибли и другие цапли. Сказано ведь:

Ты сдобри сладким медом речь,
Но сердцем будь немилосерд.
И жизнь врагу не уберечь,
С потомками он встретит смерть!»

И он сказал:

— Тетушка! Если так, разбросай куски рыбы от входа в нору ихневмона до змеиного дупла, чтобы ихневмон пошел по этой дороге и погубил злого змея.

Цапля послушалась, а ихневмон, идя по дороге, на которой валялись куски рыбы, сначала убил злого змея, а затем постепенно съел и всех цапель, живущих на дереве.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО)

Поэтому я и говорю: «Не вдруг у цапли на глазах...»

А Душтабуддхи, не обратив внимания на речь отца, тайно посадил его ночью в дупло дерева шами. И вот утром Папабуддхи, омывшись и надев чистое платье, подошел вместе с Дхармабуддхи и с судьями к тому дереву и громко произнес:

— Блаженное лесное божество! Скажи, кто из нас вор?

Тогда сидевший в дупле отец Папабуддхи сказал:
— О! Дхармабуддхи похитил клад.

Услышав это, все царские слуги вытаращили глаза от удивления, но пока они размышляли, как согласно закону наказать Дхармабуддхи за кражу денег, тот вложил в дупло дерева шами горючее вещество и поджег его. И когда огонь разгорелся, из дупла, жалобно крича, выскочил отец Папабуддхи,— тело его уже наполовину сгорело, глаза полопались. Тогда все, кто там был, спросили:

— Эй! что это?

А старик ответил:

— Все это — проделки Папабуддхи.

Тогда царские слуги повесили Душтабуддхи на суке дерева шами, а Дхармабуддхи прославили, порадовав его царской милостью и другими дарами.

Поэтому я и говорю: «Злодея с добромыслящим...»

И когда рассказ был окончен, Каратака продолжал:

— Тьфу, глупец! Излишней мудростью ты погубил собственный род. Хорошо ведь говорится:

Семью свою дурной погубит сын,
Морская соль отравит воду рек.
От женских ссор — сердца родных горят,
И тайну губит алчный человек.

И, кроме того, кто доверится человеку, у которого во рту два языка? Сказано ведь:

Уста злодея и змеи —
Вот двуязычные уста:
По каплям точит грубый яд
Их злой, раздвоенный язык!

Даже я боюсь твоего поведения. Потому что:

Нельзя злодею доверять,
Пусть даже любит он тебя:
Как ни обхаживай змею —
Ужалить может и любя!

И еще:

Огонь сжигает и печет,
Хоть был бы топливом сандал!
Злодей почтеннее не стал,
Хоть окружил его почет!

И, во всяком случае, сначала следует испытать ближнего, а затем уж вступать с ним в общение. Сказано ведь:

Спеш к правдивому душою мудрецу;
Кто лжив, хотя и мудр,—
 тому не доверяйся.
Будь добрым к честному глупцу —
Глупцов бесчестных опасайся.

А ты теперь стремишься не только к собственной гибели, но и к гибели своего господина. Уж если ты даже господина своего подверг такой опасности, значит любое другое существо для тебя — не более чем сухая трава. Сказано ведь:

Где мышке малой нипочем
Весы железные сожрать,
Там сладит сокол со слонем,—
Тем более с мальчишкой!

Даманака спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

— Жил в одном городе купец Надука. Истратив свое состояние, он задумал отправиться в другую страну. Ведь:

Кто опозорен, разорен,
Живет все там же, где и жил,
Где был богат и счастлив он,—
Свое несчастье заслужил!

А дома у него были весы, сделанные из тысячи пал * железа и доставшиеся ему в наследство от предков. И вот, отдав их на хранение начальнику купцов Лакшмане (что означает

«счастливый»), он отправился в другую страну. Долго бродил он, где хотел, по чужим странам и, снова вернувшись в свой город, обратился к начальнику купцов:

— О Лакшмана! Верни мне весы, которые я отдал тебе на хранение.

А Лакшмана ответил:

— О Надука, твои весы съедены мышами.

Услышав это, Надука сказал:

— Не виноват ты, Лакшмана, что они съедены мышами. Ведь таков круговорот этой жизни. Ничто на земле не вечно. Что же, пойду-ка я к реке совершить омовение. Пошли со мной своего сына Дханадеву *, и пусть он несет принадлежности для омовения.

А Лакшмана, обеспокоенный своим мошенничеством, сказал сыну:

— Дитя! Надука, брат твоего отца, пойдет к реке омыться. Иди же вместе с ним и захвати принадлежности для омовения.

Да! Хорошо ведь говорится:

Поверь: не только из любви
Все люди доброе творят:
Одних толкает стыд иль страх,
В других соблазны говорят.

А также:

Где беспричинно кто-нибудь тебе выравнивает путь,
Тебя заботой окружив,—о бдительности не забудь!

И вот сын Лакшманы, захватив принадлежности для омовения, с радостью пошел вместе с Надукой к реке. А Надука, омывшись в реке, посадил сына Лакшманы Дханадеву в горную пещеру, загородил вход в нее большим камнем и вернулся в дом Лакшманы.

Лакшмана спросил его:

— О Надука! Скажи, где остался сын мой Дханадева, который ушел с тобой?

Надука ответил:

— О Лакшмана! Сокол унес его с берега реки.

Лакшмана сказал:

— О лживый Надука! Как мог сокол унести Дханадеву? Ведь он уже большой.

Надука возразил:

— О Лакшмана! Неужели мыши могли съесть железные весы? Верни же мне весы, если тебе нужен сын.

Так, споря, оба они подошли к воротам дворца. Тут Лакшмана громким голосом произнес:

— Увы! Какое преступление! Надука похитил у меня сына Дханадеву.

А судьи сказали Надуке:

— Слушай, верни сына Лакшманы.

Надука ответил:

— Что мне делать? На моих глазах сокол унес его с берега реки.

Судьи сказали:

— Нет, Надука! Неправду ты говоришь. Как может сокол похитить пятнадцатилетнего мальчика?

Тогда Надука сказал со смехом:

— Так послушайте мои слова:

Где мышке малой нипочем
Весы железные сожрать,
Там сладит сокол со слонем,—
Тем более с мальчишкою!

Судьи спросили:

— Как же это?

И Надука рассказал про весы. Выслушав его, судьи, смеясь, вернули Надуке весы, а Лакшмане — мальчика.

Поэтому я и говорю: «Где мышке малой нипочем...»

И Каратака снова сказал:

— Глупец! Ты сделал это, будучи не в силах вынести, что Пингалака милостив к Сандживаке. Хорошо ведь говорится:

Незнатный человек всегда
Бранит того, чей знатен род.
Удачливых ругает тот,
Кого не обошла беда!
Бранит красивого урод,
А трус ругает храбреца,
Дурак ругает мудреца...
И этой цепи — нет конца!

Также:

Не любит мудрого глупец, а преуспевшего — бедняк,
Порочный — чистому не друг, застенчивой — развратница!

Также:

Не только люди, звери все — своей породы знак несут,
Своей природою живут! Кто выдумал над ними суд?

Того следует учить, кто с первого раза схватывает сказанное. А ты бессердечен, словно камень, и погряз в косности. Зачем же тебя учить? Да с тобой, глупец, и жить-то вместе не следует. Как бы общение с тобой и мне не принесло несчастья. Сказано ведь:

Не в доме — в городе одном, в стране одной ты с дураком
Пусть не сосед и не знаком, — а все же может быть беда!

В любой реке на дно пойти,
В огонь, в могилу, в ад сойти —
Спокойнее, чем дураку
Попастся на его пути!

Хорошо ведь говорится:

Мы от одних родителей, но разны мы воспитаны:
Мои друзья — отшельники, его друзья — охотники!

Охотников он слушал, я — аскетов,
А прочих — никого... О царь! Ты видишь:
Характер, и повадки, и привычки
У человека — все от воспитанья!

Тот спросил:

— Как это?

Каратака рассказал:

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

— В одном месте на горе самка попугая положила яйца, и из них вылупились два птенца. Как-то раз она полетела за пищей, а в это время охотник унес обоих птенцов. Одному из них, по воле судьбы, кое-как удалось улететь. Другого же посадили в клетку и стали учить говорить. Между тем первого попугая увидел странствующий отшельник. Он взял его, принес в свое жилище и вскормил. И вот однажды некий царь, отставший от своего войска, потому что его понесла лошадь, достиг того места в лесу, где жили охотники. Завидев издали царя, сидящий в клетке попугай тотчас поднял беспокойный крик:

— Эй, эй, господин мой! Приближается какой-то всадник. Свяжи его, свяжи! Убей, убей!

Услышав слова попугая, царь быстро погнал коня в другую сторону. И, достигнув другой отдаленной части леса, он увидел жилище отшельников. А там в клетке тоже сидел попугай, и, едва царь вошел в жилище, попугай произнес:

— Подойди, царь, подойди! Отдохни! Отведай прохладной воды и сладких плодов. Эй, эй, отшельники! Достоинно примите его под этим тенистым деревом и поднесите ему воды, чтобы омыть ноги.

Услышав это, изумленный царь широко раскрыл глаза и подумал: «Что это?» И он сказал попугаю:

— В другой части леса я видел другого попугая, похожего на тебя. Вот что он, жестокий, сказал: «Свяжите его, свяжите! Убейте, убейте!»

И тут попугай рассказал ему обо всем, что произошло с ним и его братом.

Поэтому я и говорю: «...У человека все от воспитания». Итак, не следует даже общаться с тобой. Сказано ведь:

Опасен неразумный друг,— он хуже умного врага...

Царь обезьяной был убит,— вор отдал жизнь за жертв своих **.

Даманака спросил:

— Как это?

Каратака рассказал:

РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

— Был у одного царя сын, друживший с сыном торговца и с сыном ученого. Они радостно проводили свои дни, прогуливаясь по площадям и садам и предаваясь веселью, развлечениям и играм. В то же время царевич пренебрегал стрельбой из лука, не ездил на слонах и конях, не правил колесницей и не охотился. И однажды отец высмеял его:

— Ты отвернулся от занятий, приличных царю.

Тогда царевич рассказал своим друзьям об обиде, нанесенной ему отцом, а они ответили:

— И мы ведь тоже забросили свои занятия и без

конца выслушиваем от своих отцов то же самое! Осчастливленные дружбой с тобой, мы долго не замечали этой обиды. Теперь же, видя твою печаль, и мы очень опечалены.

Тогда царевич сказал:

— Не подобает нам, униженным, оставаться здесь. И раз мы опечалены общей горестью, уйдем вместе отсюда и направимся в какую-нибудь другую страну. Ведь:

Ученостью и верностью,
Отвагой, молодечеством
В чужой стране прославится,
Оставивший отечество!

И вслед за тем они подумали: «Куда же нам идти?»

Тогда сын купца сказал:

— Не имея денег, нигде нельзя достигнуть желанного. Давайте же отправимся к горе Рохана *. Там мы добудем сокровища и насладимся всем, чего желаем.

Друзья согласились с ним и отправились к горе Рохана. И там, по воле судьбы, каждый нашел по бесценному и несравненному камню. Тогда они начали размышлять: «Как нам сохранить эти драгоценные камни, когда будем идти по лесу, полному опасностей?»

Сын ученого сказал:

— Ведь мой отец — советник. Вот я и придумал хороший способ. Понесем эти камни в своих желудках. Таким образом мы не привлечем внимания караванщиков, воров и других людей.

Решив так, они положили драгоценные камни в пищу и проглотили во время еды.

Между тем некий человек, отдохавший у подножья горы и не замеченный ими, увидел их и подумал: «Да! Много дней и я искал драгоценности на горе Рохана, но, лишенный удачи, ничего не нашел. Пойду-ка я вместе

с этими путниками, а когда они в дороге заснут от усталости, вспорю им животы и унесу все три драгоценных камня». Решив так, он спустился с горы и, нагнав друзей, обратился к ним:

— Эй, эй, почтенные люди! Не могу я один пройти этот большой страшный лес и вернуться в свою страну. Поэтому я присоединюсь к вам и пойду вместе с вами.

И они, желая приобрести еще одного друга, согласились и пошли вместе с ним.

А в лесу этом находилась деревушка Бхилла, расположенная возле дороги у подножия непроходимых гор. В доме старейшины этой деревни держали для забавы птиц разных пород, и когда путники проходили мимо, одна старая птица, сидевшая в клетке, вдруг закричала. Тогда старейшина деревни, разбиравшийся в птичьих голосах, поразмыслил над тем, что мог означать этот крик, и, ощутив радость в сердце, сказал своим слугам:

— Вот что, без сомнения, говорит птица: «Путешественники, что идут по дороге, владеют бесценными сокровищами. Возьмите, возьмите же эти сокровища!» Задержите и приведите ко мне путников.

Но когда это было исполнено и старейшина деревни сам усердно обыскал их, он ничего не нашел. Тогда он отпустил всех четверых, и они отправились в путь, прикрытые лишь набедренной повязкой. Тут птица снова закричала так же. Услышав ее, старейшина деревни вернул путников, снова обыскал их очень тщательно и снова отпустил. Но едва они тронулись в путь, птица закричала еще громче, и тогда старейшина деревни сказал путникам:

— Птица эта никогда не лгала, и я всегда верил ей. Она говорит, что у вас есть драгоценные камни. Где же они?

Те ответили:

— Если бы у нас были драгоценные камни, неужели вы не нашли бы их после такого тщательного обыска? Старейшина деревни возразил:

— Если птица снова и снова утверждает одно и то же, значит, драгоценные камни у вас в животе, не иначе. Теперь уже стемнело, но утром я обязательно вспорю вам животы, чтобы найти драгоценности.

Так пригрозив им, он бросил их в тюрьму.

И в тюрьме вор подумал: «Ну, если старейшина деревни утром распорет им животы и обнаружит столь ценные камни, то этот жадный злодей обязательно распорет живот и мне. Тогда мне нет спасения — я, конечно, погибну. Что же мне теперь делать? Сказано ведь:

Кто сам создание бренное, но ближним был опорой —
Тому и смерть вкусить подаст от нектара бессмертия!

Так лучше уж я первый дам распороть себе живот и спасу тех, кого сам же хотел убить. Ведь если злодей, тщательно осмотрев мой распоротый живот, ничего не найдет в нем, он усомнится в том, что у моих спутников есть драгоценные камни, и, как он ни бессердечен, естественно, не станет распарывать им животы. Таким образом я дарю им жизнь и богатства, прославлюсь в этом мире своими благодеяниями и удостоюсь чистого рождения в другом мире. Ведь, если я погибну по собственному побуждению и в надлежащее время, то я умру смертью мудреца».

И вот, когда прошла ночь и настало утро, старейшина деревни собрался распарывать животы путникам. Но грабитель, сложив ладони, обратился к нему:

— Не могу я видеть, как будут распарывать животы моим братьям. Будь же милостив: пусть мне первому распорют живот.

Пожалев его, старейшина согласился и, когда живот несчастного был распорот, не нашел в нем никаких драгоценностей. Тогда он стал сокрушаться:

— Горе! Увы, горе! Какой-то птичий крик возбудил во мне жадность, и я совершил великое зло. Ничего не нашел я у него в животе, ничего не найду и у остальных.

Сказав так, он отпустил путников невредимыми, а они, быстро пройдя через лес, достигли одного города.

Поэтому я и говорю: «Вор отдал жизнь за жертв своих... Пусть лучше будет умный враг».

В этом городе они послали сына купца продать все три драгоценные камня. Он принес много денег и положил их перед царевичем. А тот назначил сына ученого на должность советника, поручил сыну купца должность казначея и придумал, как свергнуть правителя той страны. Платя за все двойную цену, царевич собрал у себя множество превосходных слонов, коней, пехотинцев; затем с помощью своего министра, сведущего в шести способах ведения войны, начал войну, убил в сражение царя и сам стал царем. Взвалив на двоих друзей все бремя забот о царстве, он стал проводить жизнь в веселье, вкушая радость и наслаждения. И однажды, отдыхая в гареме, он забавы ради взял себе в приближенные обезьяну, жившую возле конюшни. Ведь цари любят попугаев, чакор*, горлиц, баранов, обезьян и других животных. Со временем обезьяна эта, получая от царя различные тонкие кушанья, выросла и стала пользоваться почетом у всех царских слуг. И царь, питавший к ней необычайное доверие и любовь, поручил ей носить свой меч.

А около царского дворца находился лес, предназначенный для развлечений и украшенный всевозможными

деревьями. И как-то раз с наступлением весны, видя, что лес этот, в котором изобиловали рои пчел, поющих славу Мадане, благоухает многочисленными цветами и восхищает сердце, царь, полный страсти, вошел в него вместе со своей первой супругой, а вся свита осталась у опушки. Царь долго бродил по этому лесу, предназначенному для развлечений, с любопытством рассматривал его и под конец, устав, сказал обезьяне:

— Я ненадолго усну в этом цветочном покое. Внимательно и усердно стереги, чтобы никто не потревожил меня.

Сказав так, царь заснул. Между тем подлетела пчела, привлеченная ароматом цветов, мускуса и других благоуханий, и села ему на голову. Увидев это, обезьяна с гневом подумала: «Как? На моих глазах это низкое существо жалит царя!» — и стала отгонять ее. Но пчела снова и снова подлетала к царю. Тут обезьяна, ослепленная гневом, вытащила меч и ударила им по пчеле. И от этого удара голова царя раскололась пополам. Тогда спящая рядом царица в ужасе поднялась и, увидев столь неожиданное злодеяние, стала горевать и сказала:

— Ах, глупая обезьяна! Что сделала ты с доверчивым царем?

Тут обезьяна рассказала о том, что произошло. Тогда все собравшиеся выругали ее и прогнали.

Потому и говорится, что не следует заводить глупого друга. «...Царь обезьяной был убит». Поэтому я и говорю:

Опасен неразумный друг,— он хуже умного врага...

Царь обезьяной был убит — вор отдал жизнь за жертв своих! **

Тут Каратака снова сказал:

Где могут быть влиятельны
Разлучники, предатели
И все тебе подобные,—
Там неизбежны бедствия!

А также:

В добре и в горе праведный достойно, гордо держится,—
Никто над ним не тешится насмешками и сплетнями!

И также:

Кто чист, в несчастье сбережет
Свои достоинства от зла.
Пусть пламя раковину жжет,
Она по-прежнему бела.

И еще:

Пусть к горлу подошла душа —
Не потеряй достоинства!
Пусть к горлу подошла душа —
Не сотвори постыдного!

Но когда это было сказано, Даманака, чей извращенный ум счел это мудрое наставление ядом, удалился.

Между тем Пингалака и Сандживака, ослепленные гневом, снова вступили в бой. И Пингалака убил Сандживаку. А убив Сандживаку, Пингалака почувствовал, что гнев его утих. Вспомнив об их прежней дружбе, он пожалел о содеянном и, вытирая обгаренной кровью лапой мокрые от слез глаза, произнес с глубоким раскаянием:

— Увы! Горе мне! Какое тяжкое преступление! Ведь Сандживака был словно моим вторым телом, а убив его, я причинил вред самому себе! Сказано ведь:

Участка плодородного потеря
И смерть слуги — сравнить ли беды эти?
Ты купишь землю. Но слуга любимый,—
Как всяк из нас,—единственный на свете!

А Даманака увидел, что Пингалака проявляет слабость. Тут в своей чрезмерной дерзости он потихоньку приблизился к нему и сказал:

— Господин! Разве мудро проявлять малодушие, когда ты убил соперника? Сказано ведь:

Отец ли твой иль кровный брат, товарищ или сын родной
Стремится погубить тебя — убей, убей, убей его! **

И также:

Смело вдаль идите,
Если счастье позовет.
Даже детям верьте,
Если знают правый путь.
Жизнь свою сгубите,
Если брат спасенья ждет!
Руку отрубите,
Чтобы камень не швырнуть!

И не подобает царю то, что свойственно простым людям! Сказано ведь:

Не мог бы человек простой на троне управлять страной:
Что у простых — порок и стыд, — у царственных звездой блесит!

И еще:

В ней ложь, и правда, и сладкоречье, и крик, и строгость,
Корысть, и щедрость, и сострадание и жестокость! —
Убытки терпит, считает прибыль нетерпеливо:
Она — политика, она — распутница, — простым на диво! **

И тогда Каратака подошел к Даманаке, который все еще не возвращался к нему, и сказал, усевшись около льва:

— Не умеешь ты быть министром! Когда двое наслаждаются взаимной привязанностью, то, чтобы разрушить эту привязанность, надо разлучить их! Если же

министры могут достичь своей цели с помощью ласковых речей, подкупа и разлучения, то не годится подвергать господина опасности и толкать его на борьбу с собственным слугой! Сказано ведь:

Любая распря в мире безрассудна:
Всё по вине глупцов — и кровь и битвы.
Закон любви — вот сила просвещенных,—
Так вечно помните об их законах!

Поэтому никогда министр не должен советовать своему господину вступать в битву! Сказано ведь:

Когда советники на взятки не польстятся,
Разумны, преданны, стране своей верны,—
Владыке незачем тогда врагов бояться:
Он победитель даже без войны!

И поэтому:

Не лсти, а суть выкладывай, хотя бы царь и морщился!
Постыдно лестью низкою куски себе выгадывать.

А помимо всего прочего, господин должен расспрашивать своих министров по очереди. Когда все они уже спрошены, пусть он обдумает сказанное ими сам: кто сказал полезное, кто — бесполезное и чей совет лучше. Ведь наш разум часто затуманивается, и вещи представляются нам иными, чем они есть в действительности. Сказано ведь:

Как в истину, мы верим в ложь! А ложью истину сочтешь...
Как мир устроен — не поймешь... И все полно опасностей!

Итак, господин не должен внимать слуге, лишенному мудрости. Ведь ради собственной корысти коварные слуги с помощью разнообразных речей представляют господину события иными, чем они есть на самом деле.

Вот почему господин должен приниматься за дело после спокойного размышления. Сказано ведь:

**Кто любит рассудительный совет,
Кто, все обдумав, поступает здраво —
Тот мудрый человек, сомнений нет,
И ждут его богатство, мир и слава!**

Пусть же рассудок господина не затмевается чужими речами. При всех обстоятельствах господину следует хорошо поразмыслить о разнице между людьми; подумать о том, что полезно и что бесполезно, — о вопросах и ответах, об изменчивости времени. И пусть, сохраняя здравый рассудок, он сам берется за всевозможные дела.

Здесь кончается первая книга под названием «Разъединение друзей», первый стих которой гласит:

**Все крепла дружба льва с быком в былые времена,
Но жадный клеветник-шакал сгубил ее навек.**

II
ПРИОБРЕТЕНИЕ
ДРУЗЕЙ

Достойно!

Здесь начинается вторая книга под названием «Приобретение друзей». Вот ее первый стих:

Когда умны и сведущи бессильные и бедные —
Достигнут цели все они, как ворон и друзья его **.

Царевичи спросили:

— Как это?

Вишнушарман рассказал:

— Есть в южной стране город Прамадаропья*.
В окрестностях его росло высокое баньяновое дерево
с большим стволом и ветвями, и дерево это давало всем
приют. Сказано:

В его тени газели спят,
В густой листве гнездятся птицы,
И обезьяны приютиться
В ветвях раскидистых спешат...
От всех почет ему равно,
Коль всех ветвями осеняет:
Ведь землю иначе оно
Собою зря обременяет!

И жил там ворон Лагхупатанака (что означает «быстро летающий»). Как-то утром он отправился в город за едой и увидел, что к дереву подошел охотник, который жил в том городе и сейчас вышел на ловлю птиц. Он был страшен на вид,— с исцарапанными руками и ногами, могучими икрами и грубой кожей. Глаза его были налиты кровью, волосы высоко подняты. Его сопровождали собаки, а в руках он держал сеть и дубинку. К чему много слов? Охотник этот был будто второй Кала * с петлей в руке, словно воплощение греха, словно средоточие несправедливости, словно наставник во всех дурных делах, словно друг смерти! И, увидев его, ворон подумал с тревогой в сердце: «Что задумал этот злодей? Мне ли грозит он бедой или замыслил что-то другое?»

И вот, подстрекаемый любопытством, он полетел вслед за охотником. А тот расставил в одном месте сеть, рассыпал на нее зерна и спрятался неподалеку. И тогда все находившиеся поблизости птицы, предупрежденные словами Лагхупатанаки, сочли эти рисовые зерна смертельным ядом и не двинулись с места.

Между тем летавший в поисках пищи царь голубей Читрагрива (что означает «с пестрой шеей»), окруженный сотнями голубей, увидел издали эти рисовые зерна. Не обратив внимания на предостережения Лагхупатанаки, влекомый жадностью, он опустился на большую сеть, чтобы съесть зерна, но едва успел опуститься, как тут же вместе со всеми своими спутниками попал в западню. Так и случается, если судьба неблагоприятствует. Нет за голубем никакой вины. Сказано ведь:

У мудрецов больших и то,—

Когда им гибель суждена,—

Кривым путем плурует ум,

Душа тревогой смущена...

Тогда, радуясь сердцем, охотник побежал к голубям с поднятой дубинкой. А Читрагрива, попавший со своими спутниками в сеть и очень огорченный этим несчастьем, все же сохранил присутствие духа и сказал голубям:

— Эй, не бойтесь! Не бойтесь! Ведь:

Кто, в сети бедствия попав, и дух и разум сохранил,
Тот, выпутавшись из беды, предстанет победителем!..

Давайте же объединимся и взлетим все сразу,— так мы унесем сеть. Если мы не будем действовать заодно, то не унесем эту сеть. А ведь тех, что не единомушны, ждет смерть. Сказано ведь:

Живот — один, а шеи две, и кормятся по-разному,—
От их раздора праздного погибла птица дивная.

Голуби спросили:

— Как это?

Читрагрива рассказал:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Жили здесь на одном озере птицы, называемые бхарунда (что означает «страшный»). У каждой было по одному животу, но по две шеи. И как-то раз бродившая на воле бхарунда вытянула одну свою шею и достала нектар. Но вторая шея птицы сказала:

— Дай мне половину.

Когда же первая не дала нектара, то вторая, найдя где-то яд, во гневе съела его. Так обе шеи постигла смерть, потому что живот у них был один.

Вот я и говорю: «Живот — один, а шеи — две...» Поэтому сила — в единстве.

Услышав это, голуби, же-

лавшие спастись, все сразу подняли сеть, взлетели на высоту полета стрелы,—казалось, что в воздухе висит балдахин,—и смело пустились в путь. А охотник, задржав голову, увидел, как птицы уносят сеть, и, подумав с полным изумления сердцем: «Невиданное дело!» — прочел стих:

Объединив усилия,
Вот сеть уносят голуби!
Я мог бы только выиграть,
Когда б они повздорили...

И, думая об этом, он решил следовать за ними. А Читрагрива, видя, что злодей преследует их, и угадав его намерение, не потерял спокойствия духа и полетел над труднопроходимыми горами и лесами. Тогда Лагхупатанака, который смотрел то вверх, то вниз, дивясь и разуму Читрагривы, и злобной решимости охотника, перестал думать о пище и, полный любопытства, последовал за стаей голубей, спрашивая себя: «Что сделает этот великодушный и что — этот злодей?» И вот охотник, поняв, что голубей от него отделяет непроходимая дорога, потерял надежду поймать их. Повернув назад, он сказал:

Что в жизни суждено — произойдет.
Бессмысленно к иному и стремиться.
С судьбою борющийся осрамится:
Из самых рук его добыча ускользнет!

Придется мне оставить охоту на дичь! Даже сеть эта, что кормила мою семью, пропала.

Между тем Читрагрива, видя, что охотник потерял надежду и повернул назад, сказал голубям:

— Эй, летите спокойно. Злой охотник ушел. Теперь нам лучше всего отправиться в город Прамадаропью. Там в северо-восточной части живет мой любимый

друг — мышь Хиранья (что означает «золотая»). Она немедленно перегрызет сети и спасет нас от несчастья.

И все они, стремясь увидеть мышь Хиранью, достигли ее укрепленной норы и опустились на землю. Ведь:

Здесь в норке с сотней выходов удобно мышь устроилась,
К предвиденью способная,— чутка и осмотрительна...

Между тем шум хлопающих крыльев встревожил сердце Хираньи. Она подумала: «В чем дело?» — отползла в глубь своей укрепленной норы так, чтобы ее не могла достать кошачья лапа, и стала наблюдать. А Читрагрива, став у входа в нору, сказал:

— Дорогая Хиранья! Скорей иди сюда. Погляди, что со мной!

Услышав это, Хиранья откликнулась, не покидая своего убежища:

— Дорогой, кто ты? Зачем пришел? Что у тебя за несчастье? Расскажи.

И Читрагрива ответил:

— Это я — царь голубей Читрагрива, твой друг. Скорей подойди!

Услышав это, она так обрадовалась, что волоски у нее на теле поднялись. И, поспешно выйдя из норы, она сказала:

Друзья, глазам приятные, душе любовь принесшие,
Пришли гостеприимного хозяина порадовать!

Но, увидев, что Читрагрива вместе со своими спутниками попал в сеть, она с печалью спросила:

— Дорогой! Что это? Из-за чего?

Тот ответил:

— Дорогая, зачем ты спрашиваешь, когда сама все знаешь! Сказано ведь:

Как, и когда, и почему
Поступок совершаешь ты,
Хорош поступок или плох —
Все видит рок из темноты.
Так, и тогда, и потому
Созреет неизбежный плод.
И по велению судьбы
За каждый шаг возмездья ждет!

А также:

Павлин тысячеглазый
На жизнь глядит вокруг,
И каждый глаз — как лотос,
Расцветший на пруду,
Но смерть разинет челюсти
И схватит на ходу,
И, как слепорожденный,
Он поникает вдруг!
Добычу птица разглядит
За сотню йоджан * с четвертью,
А рядом не приметить сеть
Ей на роду написано! **

И еще:

Гра́ха * — погибель для солнца и месяца...
Зверю и птице — силки стерегущие...
Все это видеть — для мудрого бедствие.
Шепчут уста: «О, судьба всемогущая!»

И также:

...Ведь даже птиц на этом свете
Упорно стережет беда...
И рыбу не спасет вода —
Рыбак уже закинул сети...
За что же ухватиться нам?
Все — прах!.. И вовсе бесполезно
Бежать от смерти... Всюду — бездна, —
Судьба настигнет по следам!..

И Хиранья тотчас принялась перегрызать сеть Читрагивы, но тот удержал ее, сказав:

— Дорогая! Неправильно это. Перегрызи сначала петли, опутавшие моих спутников.

Рассерженная Хиранья возразила:

— Эй! Неверно ты говоришь. Ведь сначала господин, а потом — слуги.

Тот, в свою очередь, возразил:

— Дорогая! Не говори так. Все они, бедные, служат мне, оставив других хозяев. Как же не оказать им предпочтение? Сказано ведь:

Коль верных слуг их господин привык в почете содержать,
Не будет брошен никогда в падении и в бедности!

А также:

В доверии — залог удач. Так над газелями газель
Удачно властвует, а льва газель царем не признает!

Кроме того, сама посуди: а вдруг у тебя заболят зубы, едва ты перегрызешь мою сеть, или еще, чего доброго, подойдет этот злодей охотник? Тогда я обязательно попаду в ад! Сказано ведь:

Коль, бросив верных слуг в беде, властитель оградил себя —
Он счастья в жизни не найдет, и в ад, отжив свое, пойдет!

Услышав это, Хиранья согласилась:

— О! Я знаю, в чем долг господина, но говорила так лишь для того, чтобы испытать тебя. Теперь я у всех вас перегрызу петли сети. Благодаря этому у тебя будет много приверженцев.

И, сказав так, Хиранья перегрызла всю сеть. Затем она сказала Читрагиве:

— Друг! Теперь лети домой.

И Читрагрива вместе со спутниками отправился к себе домой.

А Лагхупатанака, видевший все,— и как Читрагрива был пойман, и как освобожден,— подумал с изумленным сердцем: «Как разумна Хиранья! Как сильна! Как хорошо ее убежище! Следует и мне заключить с ней дружбу. Пусть у меня непостоянный нрав, пусть я никому не внушаю доверия и сам не поддаюсь обману,— все равно следует завести друга».

Подумав так, он слетел с дерева, приблизился к норе и позвал Хиранью:

— Дорогая Хиранья, выйди сюда!

Услышав его, Хиранья подумала: «Что это? Неужели меня зовет еще какой-нибудь голубь, попавший в сети?» — и сказала:

— Эй! Кто ты?

Ворон ответил:

— Я — ворон Лагхупатанака.

Тогда Хиранья ответила, тщательно укрывшись:

— Дорогой! Уходи отсюда.

Тот возразил:

— Я пришел к тебе по важному делу, и мне надо увидеть тебя.

Хиранья сказала:

— Мне не следует с тобой общаться.

Тот ответил:

— О! Я увидел, как твоими стараниями Читрагрива освободился из сетей, и почувствовал к тебе большое доверие. Ведь если и я когда-нибудь попаду в сети, то смогу освободиться с твоей помощью. Поэтому заключи со мной дружбу.

Хиранья ответила:

— Но ведь ты — пожиратель, а я — пища. Какая же у нас с тобой может быть дружба? Сказано ведь:

Нельзя дружить с неровнею,—
К нему ты не приладишься:
Будь выше он, будь ниже он —
Посмешим представившись!

Уходи же.

Но ворон сказал:

— Нет! Я уже уселся у входа в твоё убежище. Если ты не хочешь дружить со мной, то я перестану поддерживать свою жизнь!

А Хиранья повторила:

— Ну, как я с тобой, врагом, стану дружить? Сказано ведь:

Хотя страдает старый враг —
В союзе не получишь благ:
Хоть стала кипятком вода —
С огнем они враги всегда!

Ворон сказал:

— Что ты! Откуда быть вражде между нами? Мы даже не видели друг друга. Зачем же ты ведешь неподобающие речи?

Но Хиранья возразила:

— Нет! Вражда бывает двух родов: врожденная и случайная. А у нас с тобой — врожденная вражда. Между тем:

Лишь сделай к примиренью шаг,
И другом стал случайный враг.
Одна врожденная вражда
Не остывает никогда.

Ворон сказал:

— Ну, так я хочу услышать, какими бывают и та и другая вражда?

Хиранья объяснила:

— Случайная вражда возникает по определенному поводу. Поэтому, если сделать врагу добро, она прекратится. Естественную же вражду никак нельзя прекратить. Так, вражда между ихневмонами и змеями, травоядными и хищниками, водой и огнем, богами и демонами, собаками и кошками, женами-соперницами, львами и слонами, охотниками и газелями, воронами и совами, умными и глупыми, верными женами и распутницами, добрыми и злыми — это вражда вечная. И если даже никто из них никого другого не убивал,— все равно они стремятся погубить друг друга.

Ворон возразил:

— Это еще ничего не значит. Послушай-ка хорошие слова:

Нет в мире без причин вражды,
А в дружбе — не ищи беды.
Мудрец не любит враждовать:
В одной лишь дружбе — благодать!

Но Хиранья ответила:

— Как могу я общаться с тобой? Послушай лучше о сущности разумного поведения:

Верь, что, коварного любя,
Ты губишь, предаешь себя:
Так самка мула, свой приплод
Неся во чреве, смерти ждет! *

А также:

Творца грамматики мы знаем — как велик!
Львом сожран Пáнини * — отец мудрейших книг...
А Джáймини-мудрец — мимансу * создал он...
Но растоптал его рассвирепевший слон!
Морским чудовищем был Пáнгала * сражен —
Творец просодии, светило всех времен...
Зверь — мудрецов ценить от века не привык:
Глуха его душа, и разум затемнен...

Ворон подтвердил:

— Это — правда! Однако же и ты послушай:

Услуги сводят всех людей,
Сближает случай — птиц, зверей,
Глупцов — страстишки или страх,
А просвещенных — первый взгляд! **

А также:

Легко разъединить злодеев,—
Горшку из глины дружба их подобна.
А дружба славных — чаша золотая,—
Не разобьешь, как ни старайся злобно!

И, во всяком случае, я правдив. Кроме того, я могу принести клятву, чтобы ты не боялась.

Хиранья сказала:

— Не верю я твоим клятвам. Сказано ведь:

Достаточно и щелки, чтоб злодей,
Коварством сильный, натворил беды
И мы погибли от его затей,
Как судно с течью гибнет от воды!

Пускай озолотят тебя —
Не доверяй, страшись злодея
И женщины, что, не любя,
Тебя погубит, не жалея!

А Лагхупатанака, услышав это и ничего не ответив, подумал: «Как рассуждает она о разумном поведении! Вот почему я и хочу дружить с ней». И он сказал:

— Давай сейчас же станем друзьями. Иначе я немедленно расстанусь с жизнью.

Хиранья подумала: «Не видно по его речам, чтобы он был глуп.

Где нет желаний — власти нет!
Где нет любви — зачем наряд?
Где нет ума — нет мудрых слов,
И лживых среди честных — нет! **

Поэтому мне все же следует подружиться с ним». Поразмыслив так, она сказала ворону:

— Дорогой! Ты внушил мне доверие, и я спорила только затем, чтобы испытать твой разум. Теперь я кладу свою голову тебе на грудь.

И она направилась к выходу, но снова остановилась на пороге. Тогда Лагхупатанака сказал:

— Неужели и теперь ты не доверяешь мне, раз не выходишь из убежища?

Она ответила:

— Я узнала твои мысли и не боюсь тебя. Но когда-нибудь я погибну, доверившись твоему новому другу.

Тогда ворон сказал:

Когда твой новый друг жесток,
И губит старого — очнись,
Покинь его! Какой в нем прок? —
Не отдавай за просо рис!

Услышав это, она поспешно вышла из норы, и оба почтительно приветствовали друг друга. Спустя мгновение Лагхупатанака сказал Хиранье:

— Иди в свое жилище, а я поищу еды.

Сказав так, он покинул ее и углубился в чащу леса. Там он увидел убитого тигром дикого буйвола, досыта наелся, взял с собою кусок мяса, подобный цветку киншука *, и, возвратившись к Хиранье, позвал ее:

— Выходи, выходи, дорогая Хиранья! Покушай мяса, которое я принес.

А она, тоже полная заботы, заранее приготовила ему много проса и рису и сказала:

— Дорогой! Покушай риса, который я достала как могла.

И они, хоть и были сыты, стали есть, чтобы доказать свою взаимную дружбу. Ибо в этом — зерно дружбы. Сказано ведь:

Шесть признаков у дружбы есть:
Делиться тайной, вопрошать,
Давать, и брать, и угощать,
И за столом у друга есть **:

К чему много слов:

Как у живых существ нельзя
От мяса когти отделить,—
Такмышь и ворон стали жить;
О, неразлучные друзья!

И сердце мыши так было восхищено услужливостью ворона, что она постоянно забиралась к нему под крылья и оставалась там.

И вот однажды ворон явился к ней с глазами, полными слез, и сказал, запинаясь:

— Дорогая Хиранья! Мне надоела эта страна, и я отправляюсь в другие места.

Хиранья спросила:

— Дорогой, почему же тебе надоело здесь?

Тот ответил:

— Послушай, дорогая: в этой стране сейчас большая засуха, и горожане, мучимые голодом, не могут даже совершать жертвоприношений. Кроме того, у каждого дома расставлены сети для ловли птиц. Мне суждено было остаться в живых, и я не попал в сети. И теперь, уходя на чужбину, я проливаю слезы. Вот почему я отправляюсь в другую страну.

Хиранья сказала:

— В таком случае расскажи, куда ты отправишься?

Тот ответил:

— Есть в южной стране, в чаще леса, большое озеро. Там живет мой лучший друг, даже более близкий, чем ты,— черепаха Мантхарака (что означает «медленная»). Она будет кормить меня рыбой, пригодной для полного насыщения. Наслаждаясь радостью общения с ней и хорошими изречениями, я буду счастливо проводить время. Не могу же я смотреть, как уничтожают птиц! Сказано ведь:

На свете счастлив только тот,
Чей не угас обширный род,
Чью враг не захватил жену,
Чей друг любимый не в плену!

Хиранья сказала:

— Если так, то и я пойду с тобой. Ведь и у меня большое несчастье.

Тот спросил:

— Какое?

Хиранья ответила:

— Об этом долго рассказывать. На том месте я все тебе расскажу.

Ворон сказал:

— Я ведь двигаюсь по воздуху, а ты — по земле. Как же ты пойдешь со мной?

Она ответила:

— Если стоит сохранить мне жизнь, то подними меня на спину и неси потихоньку.

Услышав это, ворон с радостью сказал:

— Если так, то я счастлив, и нет никого счастливее меня. Так и будет сделано! Я ведь знаю восемь способов полета, первый из которых — совместный полет. Поэтому я легко понесу тебя.

Хиранья сказала:

— Я хочу услышать, как называются эти полеты.
Ворон объяснил:

Полет совместный, перелет,
И вдаль, и круговой полет,
Скольжение вниз, и взлет крутой,
Полет косой, полет простой **.

Тогда, услышав это, Хиранья взобралась к нему на спину, и они отправились способом «совместного полета». Так постепенно она добралась с ним до озера. Между тем Мантхарака, которая умела все делать к месту и ко времени, увидела ворона с сидящей на нем мышью. Тогда, подумав: «Кто это?» — она поспешно залезла в воду. А Лагхупатанака опустил Хиранью в дупло дерева, стоящего на берегу, сел на кончик ветки и громко сказал:

— Эй, Мантхарака, подойди! Я — твой друг, ворон, пришел с тоскующим сердцем после долгой разлуки. Подойди же и обними меня. Сказано ведь:

Санда, и камфара, и снег, чаруя нас и радуя,
Частички друга крохотной не стоят, вместе взятые!

Услышав это и окончательно узнав его, Мантхарака, у которой глаза наполнились радостными слезами, поспешно вышла из воды. Сказав: «Прости мне мою вину. Я не узнала тебя», — она обняла спустившегося с дерева Лагхупатанаку. Затем оба они уселись под деревом и рассказали друг другу обо всем, что с ними произошло.

А Хиранья, поклонившись Мантхарাকে, тоже уселась поблизости. И Мантхарака спросила Лагхупатанаку:

— Эй, кто эта мышь, и почему ты поднял ее на спину и принес сюда, хотя она служит тебе пищей?

Услышав это, Лагхупатанака сказал:

— Эта мышь по имени Хиранья — мой друг, и она для меня словно вторая жизнь. К чему много слов?

Подобно каплям дождевым
И звездам в полуночной мгле,
Всем в мире существам живым
И всем пылинкам на земле,

Несчетны добродетели,
Что у Хираньи славной есты!
Но мир ей опостылел весь,—
И вот — она со мною здесь!

Мантхарака спросила:

— Почему же она стала равнодушна к миру?

Ворон сказал:

— Еще на старом месте я спросил ее, но она ответила: «Рассказывать долго. На новом месте я обо всем скажу», — и до сих пор ничего еще не рассказала... Так поведай же нам обоим сейчас, дорогая Хиранья, почему ты стала равнодушна к миру?

Хиранья рассказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Есть в южной стране город Прамадаропья. Некогда неподалеку от него стоял храм Махешвары. Рядом с храмом в келье жил нищенствующий монах Бутакарна (что означает «с обрезанными ушами»). Когда он собирал милостыню, ему наполняли чашу для подаяний превосходными яствами, сдобренными сахарным песком, патокой и соком граната, маслянистыми, текучими и приятными. Возвратившись в келью, он, как и полагается, поддерживал этими яствами свою жизнь, а остаток прятал в сосуд для подаяний, который вешал на колышек в стене для проходящих утром служек. А я жила в этой

келье вместе с моими товарищами. Так проходило время. Несмотря на то что пищу всегда держали в месте, предназначенном для запаса подаяний, я ела ее. Это надоело монаху, и, чтобы мне помешать, он перевесил сосуд на новое, более высокое место. Но все равно я легко добиралась до него и наедалась досыта. И вот однажды пришел в ту келью гость, аскет Брихатспхиг (что означает «толстозадый»). Бутакарна приветствовал его, оказал ему почтительный прием и прогнал его усталость. Когда же настала ночь, оба они улеглись на одно ложе и стали рассказывать друг другу благочестивые истории. Между тем Бутакарна думал лишь о том, как бы ему отогнать мышь; он то и дело постукивал расщепленным тростником по сосуду для подаяний и ответил невпопад Брихатспхигу, который рассказывал ему благочестивую историю. Тут гость его сильно разгневался и сказал:

— О Бутакарна! Теперь я хорошо тебя узнал: угасла твоя дружба ко мне, и ты без радости говоришь со мной. Поэтому, хоть сейчас и ночь на дворе, я покину твою келью и уйду в другое место. Сказано ведь:

Мой дорогой! Ты здесь? Как рад, как счастлив я!
Где пропадал ты долго?
Совсем забыл меня,—
Не отдал сердцу долга!
Кто гостя всякий раз готов прижать к груди
И встретить милой речью—
К тому мы в трудный час стремимся вновь прийти,
Благословляя встречу!

И кроме того:

Того, кто косо поглядит
На гостя, что зашел на миг,—
Кто снова дома навестит?
Никто,— лишь безрассудный бык!

Где не встают навстречу нам,
Где нет приветливых речей —
Не появляйся ты и сам
И не вводи туда друзей! **

Приобретя келью, ты возгордился и перестал любить друга. Разве не ясно, что твоя жизнь в келье — одна лишь видимость, а на самом деле ты заслужил место в аду? Сказано ведь:

Коль разум в ад тебя влечет —
Пробудь жрецом домашним с год
Или над кельей где-нибудь
Три дня начальствуй... Ум забудь!

Глупец! Ты возгордился тем, что следует оплакивать.

При этих словах сердце Бутакарны затрепетало от страха, и он отозвался:

— О блаженный! Не говори так. Нет у меня друга, равного тебе. Послушай же, почему я был невнимателен. Эта негодная мышь одним прыжком добирается до сосуда для подаяний, несмотря на то что он висит так высоко, и съедает остаток милостыни, которую мне подали. И вот служки мои лишаются пропитания и потому не убирают кельи и не выполняют других своих обязанностей. Поэтому я, чтобы испугать мышь, то и дело постукиваю тростью по сосуду для подаяний. Нет другой причины моему невниманию. Любопытно узнать, как может эта злодейка прыгать выше кошек, обезьян и других животных?

Брихатспхиг спросил:

— А ты знаешь, где ее нора?

Бутакарна ответил:

— О блаженный! Не знаю.

Тот сказал:

— Нора ее, очевидно, находится над кладом: ведь от клада исходит жар,— вот почему она и прыгает. Сказано ведь:

К величью богача ведет
От золота идущий жар,—
А все-таки счастливей тот,
Кто людям их приносит в дар!

А также:

Да, совесть Шандили чиста!
Сезам очищенный дала,
Нечищенный себе взяла!
Дела такие — неспроста...

Бутакарна спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Случилось, что в одном городе я попросил приюта у некоего брахмана, ибо хотел провести у него в доме дождливое время года; и брахман приютил меня. Там я жил, занятый служением божеству и другими делами. И однажды, проснувшись рано утром, я услышал разговор брахмана с его женой. Брахман сказал:

— Брахманка! Сегодня утром наступает летнее солнцестояние *, несущее нам столько благ. Поэтому я пойду в деревню принять подношения.

А ты в честь солнца должна угостить какого-нибудь брахмана.

Услышав это, она ответила, понося его бранными словами:

— Откуда ты, бедный брахман, достанешь угощение? Да разве тебе не стыдно так говорить? Ведь подумай:

Добра не вижу и не жду
С тех пор, как я жена твоя,—
Забыла вкусную еду,
Забыла о нарядах я!..

Услышав это, дваждырожденный, дрожа от страха, с трудом выговорил:

— Брахманка! Не следует так говорить. Сказано ведь:

Ну, почему б не поделиться,—
Коль просят — полкуска не дать?
Кто может столь богатым стать,
Чтоб к большему не устремиться?

А также говорят некоторые:

Аскетом вида мрачного не будь, но и не жадничай:
По хохолку на темени узнает каждый алчного!

Брахманка спросила:

— Как это?

Брахман рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Жил в некоторой стране один пулинда *. Отправился он на охоту и встретил по пути кабана, подобного вершине горы Маханджана *. Завидев его, пулинда натянул до уха тетиву и произнес такие стихи:

Не видит он лука, еще он не в ужасе,
Но чует опасность во мгле необычную,
Но я различаю божественный умысел
И вижу, что Яма направил добычу мне!

И он поразил вепря острой стрелой. А вепрь, полный ярости, острием клыка, сиявшего, как молодой месяц, разорвал живот пулинде, и тот бездыханным упал на землю. Но, убив

охотника, вепрь сам отошел в небытие от боли, нанесенной стрелой. Между тем один близкий к смерти шакал, бродя взад и вперед, подошел к тому самому месту. И когда он увидел тела кабана и охотника, отошедших в небытие, то с радостью подумал: «Благосклонна ко мне судьба! Вот и я неожиданно получил пропитание. Хорошо ведь говорится:

По предписанию судьбы,
Минувшей жизни спелый плод
Без затруднений и борьбы
Мы получаем прямо в рот!

А также:

Вчера иль завтра, там иль тут,
К чему ни приложи труды,—
Нам и добро и зло дадут
Свои обильные плоды!

Теперь мне надо будет питаться так, чтобы мне надолго хватило, чем поддерживать жизнь. Поэтому возьму-ка я в лапы эту тетиву и начну понемногу есть ее с конца. Сказано ведь:

Богатство, — неба благодать! —
Не расточай во все концы —
Бальзам по капле скромно трать,
Как истинные мудрецы!»

Подумав так, он засунул себе в пасть конец лука и начал грызть тетиву. Тут жила лопнула, а конец лука вспорол нёбо шакалу, проткнул ему голову и вышел наружу, торча, словно хохолок. А шакал от боли лишился жизни.

(О К О Н Ч А Н И Е Р А С С К А З А Т Р Е Т Ь Е Г О)

Поэтому я и говорю: «Аскетом вида мрачного...»
И брахман снова сказал:

— Брахманка! разве ты не слышала?

Срок жизни, знания, труды,
Имущество и смерти час
Еще в утробе матери,
Увы, предрешены для нас!

Получив такое наставление, женщина ответила:

— Ну, что ж, дома у нас есть немного сезама...
Я смею его и угощу брахмана сезамовой мукой.

Услышав ее слова, брахман отправился в деревню. А она растерла тот сезам в горячей воде и, очистив его, положила на солнцепек. Между тем, пока она занималась домашними делами, какая-то собака помочилась на этот сезам. Увидев это, брахманка подумала: «Ах! Как враждебна ко мне коварная судьба! Даже этот сезам стал несъедобным. Возьму-ка я его, пойду к кому-нибудь и обменяю очищенный сезам на неочищенный. Ведь всякий согласится на такой обмен». И, положив сезам в плетеную корзинку, она стала ходить из дома в дом, говоря:

— Эй! Кто возьмет очищенный сезам за неочищенный?

Так пришла она с сезамом в дом, где я просил милостыню, и повторила эти слова. И хозяйка дома, обрадовавшись, взяла у брахманки очищенный сезам, а ей отдала неочищенный. Вслед за тем пришел ее муж и спросил:

— Дорогая, что это?

Она сказала:

— Я достала дешевый сезам,— очищенный за неочищенный.

Тут он призадумался, потом спросил:

— Чей это сезам?

Сын его Камандаки ответил:

— Матушки Шандили.

А хозяин дома сказал:

— Дорогая! Она очень хитрая и ловкая — хоть кого обманет. Лучше нам выбросить этот сезам. Да, совесть Шандили чиста...

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Итак, нет сомнений, она может прыгать так высоко лишь потому, что от клада исходит жар.

И, сказав это, он снова спросил:

— А знаешь ли ты ее повадки?

Бутакарна сказал:

— Знаю, блаженный. Она приходит не одна, но окруженная стайей других мышей.

Брихатспхиг спросил:

— А нет ли у тебя тут какого-нибудь маленького заступа?

Тот ответил:

— Конечно, есть. Вот железная лопатка.

Гость сказал:

— Надо нам проснуться рано утром и вдвоем пойти по ее следам на земляном полу — ведь земля хранит отпечатки ног.

А я, услышав речь этого злодея, подобную удару грома, подумала: «Увы! Я погибла. Ведь слова его звучат решительно. Раз уж он выведал про клад, значит разузнает, и где мое жилище. Видно, что он твердо намеревается сделать это. Сказано ведь:

Взор мудреца тебя едва коснется —
Мудрец уже успел тебя проверить.
Ведь опытный сумеет, коль придется,
И на ладони точный вес отмерить!»

И вот, трепеща от страха, я свернула с дороги в свое убежище и вместе с моими спутниками направилась по другой дороге. Между тем большая кошка, бежавшая нам навстречу, увидев нас перед собой, прыгнула в середину нашей стаи. Лишь немногие мыши остались в живых и, ругая меня за то, что я пошла по плохой дороге, устремились в убежище, обагрывая землю кровью. Хорошо ведь говорится:

Из сети вырвалась плененная газель,
Ловушки избежала,
И, невредимая, помчалась вдаль, сквозь лес,
Плавающий в пожаре.
От стрел охотников уйдя, уже спаслась!..
Не видела колодца —
Упала на бегу.. Газели нет! С судьбой
Бессмысленно бороться **.

И вот я пошла в другое место одна, остальные же мыши по глупости забрались в убежище. А отшельник, видя, что земля покрыта каплями крови, пошел по этому следу к убежищу и принялся рыть землю заступом. И вот он докопался до клада, над которым я всегда жила и жар которого помогал мне достигать даже труднодостижимых мест. Тогда обрадованный гость сказал:

— О Бутакарна! Теперь спи спокойно. Ведь мышь будила тебя лишь благодаря жару этого клада.

Сказав так и забрав с собой клад, он отправился в келью. А я, когда вернулась к себе, не в силах была даже смотреть на это безрадостное, мрачное место. «Увы! — подумала я, — что мне делать? Куда идти? Как успокоить сердце?» Так размышляя, я провела этот день в большой печали.

И когда зашло лучезарное солнце, я вместе с моими спутниками, опечаленная и обессиленная, проникла в келью. Тут, услышав, как шумят мои спутники, Бута-

карна снова начал постукивать расщепленным тростником по сосуду для подаяний. Тогда его гость сказал:

— Друг! Почему и сегодня ты не можешь спокойно заснуть?

Тот ответил:

— Блаженный! Видно пришла негодная мышь со своими спутниками. Вот я и стучу, чтобы ее отпугнуть.

Но гость с улыбкой возразил:

— Друг! Не бойся. Вместе с богатством она лишилась и способности прыгать. Таков путь всех существ. Сказано ведь:

Гляди, как смертный этот смел!
В угоду всё ему творят.
Бесстрашна речь. Он жив и цел!..
Все оттого, что он богат.

Услышав это, я, полная гнева, изо всех сил прыгнула к сосуду для подаяний, но, не допрыгнув до него, упала на землю. Тогда, увидев меня, мой враг сказал Бутакарне:

— Друг! Гляди, гляди на это удивительное зрелище! Сказано ведь:

Богатых жалует судьба,
И окружает их почет,
А мышь бедна, а мышь слаба,
Как весь ее голодный род!

И хорошо ведь говорится:

Беззубый змей — уже не змей,
А слон без мускуса* — не слон,
И сам собою быть не смей,
Когда богатства ты лишен!**

Услышав это, я подумала: «Увы! Правду сказал мой враг. Нет у меня теперь сил прыгнуть и на длину

пальца. Будь она проклята, жизнь человека, лишённого богатства! Сказано ведь:

Кто не имеет ничего,
Влачит уныло дни свои,—
Похожи все дела его
На пересохшие ручьи...

...Находит мир у бедняка
Пороков уйму без вины —
В лучах богатства одного
Все добродетели видны.

Привыкший к нищете бедняк
Страдает все-таки не так
От бедности и неудач,
Как разорившийся богач!

Едва желанья закипают
У бедняка в душе,— увы! —
Бессильно тут же понижают,
Как груди слабые вдовы...

Пусть ярким солнцем озарен
Наидостойнейший бедняк —
Но не замечен нами он!
Мрак нищеты и в полдень — мрак».

Так, горюя и видя, что клад мой превратили в изголовье, я, обессиленная, пошла утром в свое убежище. Между тем слуги мои сошлись и стали говорить:

— Нет! Не может она насытить нас. Будем ходить за ней по пятам — погибнем от кошек, а то и в другую беду попадем. К чему тогда ее милость?

А я, услышав по дороге их слова, забралась в убежище. Но никто из моих спутников не вошел туда со мной потому, что клада там уже не было. И тут я стала размышлять: «Увы! Будь проклята эта бедность! Хорошо ведь говорится:

Ты беден, так молчи! Ни дети, ни родня
Тебя не станут слушать!..
Как на ущербе лунный лик теряет свет —
Так сломленная гордость.
А горести — одна другой приходят вслед...
Друзей уже не видно.
И если богачи нарушили закон,—
За все бедняк в ответе!

А также:

Без друга пусто на сердце у друга.
Дом без детей печален и немил.
Для глупого страна — пустырь бесплодный.
Для бедняка пустынен целый мир.

Да ведь подумать только!

Все те же чувства, что и были...
Все то же имя,
Все тот же крепкий, чистый разум,
И все приметы,—
Но лишь сойдет с него внезапно
Богатства отблеск,—
Другой пред нами человек...
Как странно это!

К чему же подобным мне существам богатство, раз оно приносит столь горькие плоды? Да раз я лишилась своего добра, лучше уж поселюсь я теперь в лесу! Ведь сказано:

Лишь там живи, где честь видал,
А где почета нет тебе —
Беги,— хотя б ты восседал
На колеснице средь богов! **

Уж лучше бедствовать, храня свое достоинство и честь,
Чем наслаждаться,— если в том хотя бы капля скверны есть!»

И затем снова подумала: «Смерти подобна горестная нищета! Ведь сказано:

Убито дерево огнем, совсем источено червем,
Искавлено, и все-таки — бедняк несчастнее его!

И также:

Потеря разума и бред в притоне бед,
Вертеп хлопот бесплодных,
Где смерть с безумством — заодно: трясины дно,
Погибель мыслей благородных,
Тоски прибежище, ничтожной доли смрад,
Всегда бесславье рядом,—
Вот мудрых нищета! И никаких преград
Нет между ней и адом!

И кроме того:

Отраву лучше взять
И выпить всю
У смерти в убежище,
Или в ладонях сжать
Хвостатый рот змеи,
Ужасный, пылающий,
Или, с горы крутой
Сорвавшись вниз,
Разбить себя вдребезги,—
Чем, воспылав душой,
Богатым стать
Путем преступления!

И еще:

Нет, лучше броситься в огонь,
Лишась последнего гроша,
Чем к благодетелям звать,
И ждать подачек, и дрожать!

Скитаться лучше где-нибудь в горах среди звериных стай,
Чем слово жалобное «дай» тянуть — и руку протянуть!

И как же еще можно жить в подобном положении?
Что пользы воровать? Поступать так и присваивать
чужое — еще хуже! Ведь:

Уж лучше век молчать,
Чем лживые плести, дурные речи,
Уж лучше стать скопцом,—
Но не искать с чужой женою встречи!
Уж лучше смерть принять,

Чем клеветой на ближних утешаться,
И в нищете стонать,
Чем жадно за чужим добром гоняться!

Но, может быть, насыщаться мне чужой едой? Горе мне! О, горе! Этот путь подобен вратам смерти. Сказано ведь:

Бездельничать, изнемогая,
Есть на чужбине хлеб чужой,—
Подобна смерти жизнь такая!
И только смерть вернет покой.

Поэтому я непременно должна вернуть себе клад, который похитил Брихатспхиг. Я уже видела ларец с кладом у самой подушки этих злодеев. Пусть уж лучше я погибну, унося свое добро!»

Поразмыслив так, я направилась в келью, когда монахом овладел сон. Но лишь успела я проделать отверстие в ларце, как отшельник проснулся и ударил меня по голове расщепленной тростью. И я едва избежала гибели, ибо мне суждено было остаться в живых. Ведь:

Получит смертный, что судьба судила,
Мешать ему не в силах даже боги!
Вот и гляжу без горя и тревоги:
Что нам дано, то не отнимут силой.

Ворон и черепаха спросили:

— Как это?

Мышь рассказала:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— Жил в одном городе купец Сагарадатта (что значит «данный морем»). Однажды сын его приобрел книгу, заплатив за нее сто рупий *. И в книге было написано:

«Получит смертный, что судьба судила».

Увидев ее, Сагарадатта спросил сына:

— Мальчик, за сколько ты купил эту книгу?

Тот ответил:

— За сто рупий.

Услышав это, Сагарадатта сказал:

— Тьфу! Дурак ты, что за сто рупий купил книгу, в которой написана лишь одна строка.

Как наживешь ты богатство с таким разумом? Не смей же отныне входить в мой дом.

Так, выругав сына, он прогнал его из дома.

А тот, огорченный, отправился в отдаленную страну и, достигнув какого-то города, остановился в нем. И через несколько дней один из горожан спросил его:

— Откуда ты пришел? Как тебя звать?

Тот ответил:

— Получит смертный, что судьба судила.

Другой человек задал мальчику тот же вопрос, и он ответил то же самое. И стоило кому-нибудь спросить, как его зовут, как он давал один и тот же ответ. Так и стали его звать: «Что судьба судила».

И вот однажды царская дочь Чандрамати (что означает «чтущая луну»), наделенная красотой ранней юности, осматривала город в сопровождении подруги. И, по воле судьбы, ей попался на глаза некий царевич, также одаренный необычайной красотой и прелестью. И, едва завидев его, она, пораженная стрелой Кусумабаны *, сказала подруге:

— Дорогая! Постарайся сегодня же сделать так, чтобы я с ним встретилась.

Подруга быстро подошла к царевичу и сказала:

— Меня послала к тебе Чандрамати. Она передает тебе: «По воле Манобхавы *, лик твой жестоко ранил меня. Поэтому, если ты тотчас же не придешь ко мне, я погибла».

Услышав это, он ответил:

— Если я должен пойти к ней, скажи, как можно проникнуть во дворец.

Тогда подруга сказала:

— Ты должен подняться ночью по крепкому ремню, спускающемуся с крыши дворца.

Он согласился:

— Если вы так решили, я повинуюсь.

И, условившись с ним, подруга вернулась к Чандрамати. Когда же настала ночь, царевич подумал:

С женою друга согрешить, слуги или хозяина
Иль с дочерью учителя,— что у брахмана жизнь отнять **.

Кроме того:

Ни с кем, нигде и никогда не совершай позорного,
От цели уводящего, тебе готовящего ад!

Так, вполне правильно рассудив, он не пошел к царице. Между тем тот, кого прозвали «Что судьба судила», бродя ночью, увидел ремень, свисавший с крыши дворца. Подстрекаемый любопытством, он ухватился за него и поднялся вверх. А царская дочь подумала доверчиво: «Это — он», — почтила его омовением, едой, питьем, одеждами и другими знаками внимания и взошла с ним на ложе. А прикоснувшись к нему, она ощутила такое блаженство, что волоски поднялись у нее на теле, и сказала:

— Я полюбила тебя с первого взгляда и отдаюсь тебе. Даже в мыслях не будет у меня другого супруга. Почему же ты, зная это, не разговариваешь со мной?

А он ответил:

— Получит смертный, что судьба судила.

От этих слов сердце у нее замерло, и она быстро спустила его вниз по ремню. А он пошел и лег спать в разрушенном храме. Между тем начальник стражи назначил там свидание одной распутнице и, придя туда, увидел его, заснувшего на том самом месте, где было назначено свидание. Тогда начальник, желая сохранить свою тайну, спросил:

— Кто ты?

Тот ответил:

— Получит смертный, что судьба судила.

Услышав это, начальник стражи сказал:

— Этот храм пуст. Поэтому иди и спи в моей постели.

Тот послушался, но по ошибке лег на другую кровать. А у начальника стражи была взрослая дочь Винаявати (что означает «скромная»), наделенная красотой молодости. Она была влюблена в одного человека и, назначив ему свидание, заснула на этой кровати. Когда же пришел «Что судьба судила», она, не разглядев его в густом мраке ночи, подумала: «Это он, мой любимый», — поднялась к нему и сочеталась с ним браком по обряду гандхарвов. И, лежа с ним в постели, она — та, чьи глаза и губы были как распутившиеся лотосы, — спросила:

— Почему ты даже теперь не говоришь со мной доверчиво?

Тот ответил:

— Получит смертный, что судьба судила.

В ужасе она подумала: «Вот к чему приводит неосмотрительность». Обеспокоенная такими мыслями, она выбрала и прогнала его.

Он пошел по улице и тут увидел, что навстречу идет под звуки музыки некий уроженец другой страны, Варакирти (что означает «обладающий доброй славой»). Он был женихом и шел на собственную свадьбу. Тогда «Что судьба судила» присоединился к свадебной процессии. Между тем наступило благоприятное сочетание созвездий*. Невеста — дочь купца, наряженная в праздничные одежды, приносящие счастье, стала возле беседки и алтаря, которые были сооружены перед входом в купеческий дом, расположенный на главной улице. И вдруг, пугая народ, примчался опьяненный яростью слон, убивший своего погонщика и убежавший под отчаянные крики людей. Увидев его,

все спутники жениха и сам жених разбежались кто куда. Тут «Что судьба судила» пожалел покинутую всеми девушку, чьи глаза были полны страха, и стал смело ободрять ее, говоря: «Не бойся — я твой защитник». И, взяв ее за руку правой рукой, он принялся дерзко угрожать слону. Когда же, по воле судьбы, слон удалился и Варакирти вместе с друзьями и родственниками вернулся, пропустив благоприятное сочетание созвездий, они увидели, что девушку держит за руку чужой человек. И тогда Варакирти сказал:

— Эй, теть! Неправильно ты поступил — выдал обещанную мне дочь за другого.

Тот возразил:

— Да ведь я сам убежал, испугавшись слона, а теперь вернулся вместе с вами и не знаю, что тут произошло.

Сказав так, он стал спрашивать свою дочь:

— Дитя! Нехорошо ты поступила. Расскажи, что тут произошло?

Та ответила:

— Этот человек спас меня от смертельной опасности. Поэтому, пока я жива, никто, кроме него, не возьмет моей руки.

Так прошла эта ночь удивительных событий.

А утром, когда собралось много народу, царская дочь услышала об этом необычайном происшествии и пришла к дому купца. Пришла туда и дочь начальника стражи, до которой дошла молва о случившемся. Вслед за тем и царь, услышав о большом сборище народа, пришел и спросил самого «Что судьба судила»:

— Расскажи-ка без утайки, что тут произошло.

Тот ответил:

— Получит смертный, что судьба судила.

Тогда царская дочь, вспомнив стихи, сказала:

— Мешать ему не в силах даже боги!
Тут и дочь начальника стражи сказала:
— Вот и гляжу без горя и тревоги.
Услышав все это, дочь купца сказала:
— Что нам дано, то не отнимут силой.

Тогда царь, даровав им всем безопасность, расспросил о происшедшем во всех подробностях. Узнав обо всем, он с большим почетом отдал юноше свою дочь, вместе с тысячей деревень, а затем подумал: «Нет у меня сына»,— и сделал его наследником престола. И тот счастливо зажил со своей семьей, наслаждаясь многими радостями.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю: «Получит смертный, что судьба судила...» И снова Хиранья сказала:

— Подумав так, я перестала жаждать денег. Право же, хорошо говорится:

Не око видит — разум видит.
Ищи не в предках блага, а в себе:
Лишь из борьбы с пороком благо выйдет,
Лишь тот богат, кто рад любой судьбе!

Также:

Богиня жажды * страшная! Владычица опасного!
Владыку Вишну ясного ты обратила в карлика! *

Владычица нечестия! Нет для тебя запретного,—
Ввергаешь и мудрейших ты в пучину сладострастия!

Я речи вел постыдные, переносил несносное,
Я под дверьми чужих стоял... О, только жажда стихла бы!

И еще:

Зловонной мутью жажду
Я утолял, безумный,
Спал на шипах колючих!

Я всех друзей покинул,
И мне пекло утробу,—
Смиренно полз несытый!
Метался по дорогам
И море переплыл я,
Нес черепок разбитый...
О, что мне делать, Жажда?
О, не дави мне душу
В своей руке могучей!

Гнут спины перед богачом,
Хоть низок родом, неуч он,
И помыкают бедняком
Высокородным, как луна!

Промчалась юность, но богач — не стар,
Он остается вечно молодым.
Лишь нищета — по юности удар:
Быть бедным — это значит быть седым!

Покинут бедняка
Жена, и дочь, и друг...
Но лишь разбогатея —
Все возвратятся вдруг!
Вот эдак и поймешь:
Коль поглядеть пошире,
Богатство — лучший друг
В превратном нашем мире!

И когда, поразмыслив так, я отправилась в свое жилище, ко мне в то же мгновение пришел Лагхупатанака и предложил переселиться сюда. Так вместе с ним я пришла к тебе!

Вот я и поведала вам причину своей печали. Хорошо ведь говорится:

У антилоп, слонов и змей,
Людей, асуров и богов —
У всех обычай в трех мирах:
К полудню пищу принимать!

Завоевал ли ты миры иль погрузился в нищету,—
Пришла для трапезы пора — горсть риса поднеси ко рту!

Услышав это, Мантхарака стала успокаивать ее:

— Дорогая! Если ты покинула свою родину, не следует проявлять слабость. Зачем же, несмотря на свой разум, ты заблуждаешься, предаваясь недостойному делу? Ведь:

Глупцу на пользу не пойдет ученье:
Не каждому наука по уму.
Не принесешь больному излечения,
Лекарство лишь назвав ему!

В краю родимом на врагов напасть
Иль на чужбине — все равно герою:
Храбрец везде добудет с бою власть
Своей могучею рукою.
Когда ворвется в джунгли грозный лев,
Он всем живущим страх внушает...
И, лишь убив слона, он забывает гнев
И жажду кровью утоляет!

Поэтому, дорогая, надо всегда быть полным усердия.
Разве уйдут тогда от нас деньги и наслаждения? Ведь:

Лишь рвение к любым делам друзей и деньги привлечет,
Как птицу — полноводный пруд, лягушку — малый водоем!

И еще:

Кто осмотрителен чрезмерно,
Кто стал безвольным, утрачен судьбой —
Богине Лакшми ненавистен,
Как ветхий муж — супруге молодой.

Не будет в званьях толку никакого,
Коль человек решимости лишен.
Ведь бесполезна лампа для слепого,
Хоть на ладонь ее поставит он!

Просителем даятель станет, в убийцу жертва обратится
И в богатея нищий, ежели судьбе пора перемениться!

При этом для мужественных нет никакой разницы между своей страной и чужбиной. Сказано ведь:

В какое место ни придут
Храбрец, мудрец или красавица,—
Везде найдут себе приют
И всюду заново прославятся!

Ведь если ты и лишена богатства, то зато наделена знанием и отвагой и не похожа на обыкновенных существ! Вспомни сказанное:

Коль бедный человек отважен —
Ему сопутствует почет,
А трус, хоть он богат и важен,
Одно презренье обретет.
На жалком псе, что слуг боится,
Смешон ошейник золотой,—
Не может этот блеск пустой
С великолепьем льва сравниться!

И еще:

Не столь уж Меру высока, и бездна ада глубока,
И чаша моря широка для пламенной решимости!

А также:

Мы в нищете не унываем,
А ты богатством не гордись,—
Мы все, как мячики, летаем:
То вверх, то вниз, то вверх, то вниз!..

И как бы то ни было, богатство и юность недолговечны, словно пузыри на воде. Ведь:

Тень облачка, лежеца любовь, и свежесть ранней зелени,
И молодость, и женщины — отнимутся, отнимутся!..

Поэтому, владея столь непрочным богатством, разумный должен с пользой истратить его на подаяния и наслаждения. Сказано ведь:

Хоть не легко добро собрать и год за годом множить счет,
На подаянья все растрать — не то несчастье принесет!

И еще:

Кто ближним денег не дает,
Не тратит их — тот не богат,
И, как в отцовском доме дочь,—
Ждет нового владельца клад.

Но так или иначе все здесь в конце концов решает судьба. Поэтому сказано:

Порой в бою,
Или в огне,
Иль между змей —
Все, что нас ждет,—
Судьбою предназначено заране!
Где кровь и смерть, порой под мирным кровом
В горах или в пещере, в океане
Мы жить должны спокойно и сурово:

Поэтому лучшее твое достояние — это то, что ты здорова и удовлетворена. Сказано ведь:

В царя семи материков * пришлось бы видеть бедняка,
Когда б от жадности дрожал! Ко всем доволен — сам он царь.

А также:

Что драгоценней,
Кто превзойдет
Какой алмаз
Здоровья дар —
Лучше подаянья?
Отринувших желанья?
Превыше чести славен?
Каким богатствам равен?

И не следует тебе думать: «Как стану я существовать, лишившись имущества?» Ведь богатство непрочное, а мужество постоянно. И сказано:

Упасть придется? — Словно мяч, на миг отважный упадет.
А трус, как мокрой глины ком, — смех вызывая, шлепнется!

К чему же много слов? Выслушай суть дела: одни люди наслаждаются деньгами, другие стерегут деньги. А также сказано:

Богатство вдруг приобрета,
Не насладится им глупец.
Как заблудившийся в лесу
Бедняга — ткач Сомилака!

Хиранья спросила:

— Как это?

Мантхарака рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— Жил в одном городе ткач по имени Сомилака. Он изготовлял разнообразные красивые одежды, пригодные для царских слуг, однако заработанных им денег хватало лишь на пищу и одежду. И, видя, что другие ремесленники, ткущие грубые одежды, скопили большие богатства, он сказал жене:

— Дорогая! Посмотри, какие богатства нажили эти ткачи, хотя они выделывают грубые ткани. Не могу я больше выносить жизнь в этом городе и пойду в другое место.

Жена возразила:

— О дорогой! Неправда это, что ушедшим в другое место достаются деньги. Сказано ведь:

Как в стаде тысячном коров
Всегда теленок мать найдет —
Так дело сотворенное
За тем, кто сотворил, идет!

И также:

Нерасторжимо связаны между собой и тень и свет...
От дел своих ты не уйдешь: они погонятся вослед.

Поэтому оставайся здесь и занимайся своим делом.
Он возразил:
— Дорогая! Неправильно ты сказала. Ни одно дело
не приносит плодов, если у человека нет решимости.
Сказано ведь:

Увы! Не может человек одной рукой рукоплескать.
Так, если нет усердия, все бесполезны действия **.

А также:

Наш собственный усердный труд
Нам пропитанье достает,—
И, если руки не возьмут,
Крупинки в рот не попадет!

И также:

Мы действовать, а не мечтать должны, наметив нашу цель:
Лениво дремлющего льва не просит «съешь меня» газель!

И еще:

Кто сил в работе не жалел,
Но цели все же не достиг,—
Не виноват.— Виновен рок,
И слов не надобно пустых.

Поэтому я непременно пойду в другую страну.
Сказав так, он пошел в город Вардхаману. Пробыв
там три года, он заработал триста золотых монет и от-
правился к себе домой.

И вот на половине пути, когда он шел по дремучему

лесу, блаженное солнце закатилось. Боясь за себя, он взобрался на крепкий сук смоковницы и уснул. И в полночь он услышал сквозь сон разговор двух людей. Один из них сказал:

— Эй, Кáртар! * Много раз говорили тебе, что Сомилака не должен иметь никакого имущества, кроме пищи да одежды. Поэтому ты никогда не должен обогащать его. Зачем же ты дал ему триста золотых монет?

Другой сказал:

— О Кáрман! Я непременно должен наделять усердных людей тем, что они заслужили. А исход зависит от тебя. Унеси же его богатство!

Услышав это, ткач совсем проснулся и заглянул в узелок с золотом, но увидел, что он пуст. Тут он подумал: «Увы! с каким трудом приобрел я добро, а потерял его в одно мгновение. Все мои труды напрасны! Как появлюсь я нищим перед женой и друзьями?» Поразмыслив так, он снова пошел в город Вардхаману. И всего за год он добыл там пятьсот золотых монет и снова отправился домой по другой дороге.

И когда зашло солнце, он увидел перед собой ту же самую смоковницу. Тогда он подумал: «Горе! Увы! Горе! Что за дело предпринял я, гонимый судьбой? Снова пришел я к этому ракшасе *, принявшему вид смоковницы!» И с этой мыслью он уже хотел было лечь спать на ее ветви, но услышал беседу тех же двух людей. Один из них сказал:

— Картар! Зачем дал ты Сомилаке пятьсот золотых монет? Разве ты не знаешь, что он не должен иметь ничего, кроме пищи и одежды?

Другой сказал:

— О Карман! Я непременно должен наделять усердных. А исход зависит от тебя. Зачем же ты порицаешь меня?

Услышав это, Сомилака стал рыться в своем узелке, но увидел, что он пуст. Тогда, охваченный великим отворачиванием к миру, он подумал: «Увы! К чему мне жить, если я лишился имущества? Лучше я повешусь на этой смоковнице и расстанусь с жизнью».

Решив так, он сделал веревку из травы, затем надел петлю на шею, влез на ветку и, привязав к ней веревку, собрался броситься вниз, когда в воздухе вдруг показался какой-то человек и сказал:

— Эй, Сомилака! Не поступай опрометчиво. Ведь это я похитил твое добро и не потерплю, чтобы у тебя, кроме пищи и одежды, была хоть одна ракушка *. Иди же домой. Однако не напрасно ты увидел меня. Попроси у меня желанный тобой дар.

Сомилака сказал:

— Если так, даруй мне большое богатство.

Тот возразил:

— Дорогой! Что ты сделаешь с деньгами, если не сможешь тратить их на наслаждения и подаяния? Ведь нет для тебя наслаждений, кроме наслаждения пищей и одеждой.

Сомилака сказал:

— Если даже не дано мне наслаждение, так пусть хоть будут деньги. Сказано ведь:

Ни безобразное лицо, ни касты низость — богачу
Ничто не может помешать к себе почтение внушать!

А также:

Хоть оба свесились совсем, не падают — а между тем
Пятнадцать лет уже слежу! — и крепко держатся, гляжу!

Человек спросил:

— Как это?

Сомилака рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

— Жил в одном городе бык Праламбавришана (что означает «с висящими ядрами»). Томясь избытком семени, он покинул свое стадо и стал бродить в лесу, разрывая рогами землю на берегах реки и вволю питаясь кончиками травы, подобными смарагдам. А в том лесу жил шакал Пралобхика (что означает «жадный»). Как-то раз шакал беззаботно сидел с женой на берегу реки. В это время Праламбавришана спустился к тому берегу за водой. И, видя между задних ног его два свисающих ядра, шакалиха сказала шакалу:

— Посмотри, господин, какие два комка мяса висят у этого быка. Спустя мгновение или че-

рез несколько часов они упадут. Знай это и следуй за ним по пятам.

Шакал сказал:

— Дорогая! Неизвестно, упадут они когда-нибудь или нет. Зачем же ты взваливаешь на меня напрасный труд. Если мы будем сидеть здесь, то сможем есть мышей, приходящих за водой. Ведь тут пролегает их путь. Если ж я пойду за быком, кто-нибудь другой придет сюда и займет наше место. Поэтому не следует так поступать. Сказано ведь:

Кто гонится за призраком,
Забросив настоящее,—
Останется без прибыли,
Упустит много времени!..

Шакалиха возразила:

— Эх ты, трус! Достигнув малого, ты уже успокоился. Неправильно это. Человек всегда должен быть полным усердия. Сказано ведь:

Где храбрость — помощь разуму, с отвагой в соответствии,
Где часа нет в бездействии — там будет цель достигнута!

А также:

О роке вспомнив с горечью,
Не сокращай усердия!
Ведь ради масла мерочки
Мы над сезамом трудимся.

И если ты сомневаешься, упадут они или нет, то это тоже неправильно! Сказано ведь:

Достоин высших почестей,
Кто обладает доблестью,—
Не Индра ли божественный
Чатаке * воду подает.

Кроме того, мне уже надоело мышинное мясо. А эти комки мяса, видно, все-таки скоро упадут. Поэтому ни в коем случае не следует поступать иначе.

И, услышав это, шакал оставил место, где ловил мышей, и пошел следом за Праламбавришаной. Хорошо ведь говорится:

Мы слов своих хозяева
Лишь до поры до времени,—
Ведь в уши нам вонзается
Стрекало — слово женщины!

А также:

Прельщенный речью женскою
Сочтет добром — недоброе,
Доступным — недоступное,
Съедобным — несъедобное! **

Так, следуя вместе с женой по пятам за быком, он провел много времени. А ядра все не падали. И когда пошел пятнадцатый год, шакал, отчаявшись, сказал жене:

Хоть оба свесились совсем, не падают — а между тем
Пятнадцать лет уже слежу! — и крепко держатся, гляжу!

Видно, не упадут они и в будущем. Пойдем-ка туда, на дорогу, где есть мыши.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ШЕСТОГО)

Поэтому я и говорю: «Хоть оба свесились совсем...» Какой богач не вызывает зависти? Дай же мне большое богатство.

Человек сказал:

— Если так, иди назад в Вардхаману. Живут там два купеческих сына: Дханагупта (что означает «прячу-

щий богатство») и Бхуктадхана (что означает «насладившийся богатством»). Узнай, как проводят они время, и выбери себе образ жизни одного из них.

Сказав это, он скрылся из виду. А Сомилака, с сердцем, полным изумления, снова пошел в Вардхаману.

И к вечеру, утомленный, он спросил, где дом Дханагупты, с трудом отыскал его и вошел. Не обращая внимания на брань жены, детей и других домочадцев Дханагупты, он вошел во двор и уселся там. Когда настало время еды, он получил пищу, поданную без любви, и там же уснул. И вот ночью он услышал, как советуются те же два человека, что и в лесу. Один из них сказал:

— Эй, Картар! Почему ты ввел в лишний расход Дханагупту, ведь он дал поесть Сомилаке? Неправильно ты поступил.

Второй ответил:

— О Карман! Не моя это вина. Я должен посылать добычу и вводить в расходы. А исход зависит от тебя.

И когда Сомилака встал, то увидел, что Дханагупта мучается несварением желудка и вынужден весь день поститься.

Тогда, выйдя из этого дома, Сомилака пришел в дом Бхуктадханы. Тот встал с места и оказал ему великий почет, накормил, одарил одеждой и проявил другие знаки внимания. Затем ткач заснул в том доме на удобной постели. И ночью он услышал, как те же двое людей советуются друг с другом. Один из них сказал:

— Эй, Картар! Сегодня этот Бхуктадхана израсходовал слишком много, угостив Сомилаку. Как же он отдаст свой долг? Ведь все это он принес от ростовщика!

Другой возразил:

— О Карман! Поступок этот — мое дело. А исход зависит от тебя.

И наутро явился один из царских слуг с деньгами — знаком царской милости — и передал их Бхуктадхане.

Увидев это, Сомилака подумал: «Хоть и лишен богатства Бхуктадхана, все же он лучше жадного Гуптадханы. Пусть же блаженный Видхатар* сделает так, чтобы я раздавал богатство и наслаждался богатством. Не следует мне прятать богатство».

И вслед за этими словами Видхатар исполнил его желание.

Поэтому я и говорю: «Богатство вдруг приобрета...» Знай же это, дорогая Хиранья, и не печалься из-за богатства. Сказано ведь:

Нежны, как лотоса цветы, сердца достойных — в радости.
Но, как скала, они тверды, когда наступят бедствия! **

И также:

Когда желает рок,
Чтоб мы разбогатели,—
Нас денежки найдут
Хотя бы и в постели.
А ежели судьба
Решила по другому —
Весь труд наш пропадет
И в странствиях и дома!

И еще:

Из недомыслия пустого
Зачем печалиться или пытаться судьбу?
Ее решенья у любого
С рождения написаны на лбу!

А также:

С далеких берегов, из глуби океана,
Из недр земных, с надзвездной высоты
Тебе доставит рок любое, что желанно,
И если суждено — исполнятся мечты!

Приходят неожиданно и горести и радости...
Что загодя печалиться, что наперед заботиться?

И еще:

Гусь выбелен самой судьбой, зеленым
Окрашен попугай!
Павлины от роду пестры... В руках судьбы
И мы с тобой!

И хорошо говорится:

Кляла голодная змея в корзинке жребий свой
И думала: «Пропала!..»
Как вдруг прогрызламышь дыру в корзинке той —
И прямо в рот упала.
Наелась досыта змея и уползла
На волю торопливо...
Везде судьба! Должны мы ждать добра и зла,
Надеясь терпеливо.

А подумав об этом, следует поразмыслить и о высшем благе. Сказано же:

Плоть смирять!
Ежедневно плоть смирять должны мы.
Исполнять
Самый небольшой обет на деле!
Каждый миг
Жизнь и смерть уносят наши жизни,
Каждый миг! —
Как бы мы об этом ни жалели...

Поэтому высшее благо — в удовлетворенности.

Хлопочущий то здесь, то там прислужник алчности своей,
Как может он познать покой людей, свободных от страстей.

И еще:

Предел терпенья — долг поста, а счастье высшее — покой.
Дар дружбы — лучший из даров. А жалость — высшее из свойств!

К чему много слов? Здесь — твоё жилище. Спокойно и без тревог проводи время в дружбе со мной.

И, услышав эту речь Мантхараки, согласную с учением многих книг, Лагхупатанака сказал, сияя от радости:

— Дорогая Мантхарака! Прекрасны твои достоинства, и на тебя можно положиться. Высшая радость наполнила мое сердце оттого, что ты по-дружески приняла Хиранью. Сказано ведь:

Лишь тот вкушает высшее блаженство,
Лишь тот ведет достойный образ жизни,
Кто, радуясь, вокруг счастливых видит,
Любя друзей и сам любя друзей! **

И еще:

Даже владыки беднякам подобны,
Усилия их напрасны, жизнь бесплодна,
Когда с душой, охваченной корыстью,
Они не украшают власти дружбой **.

Теперь, погруженная в море бедствий, Хиранья спасена благодаря твоим полезным наставлениям. Так и должно быть:

Достойных — в тяжких бедствиях
Спасут одни достойные:
Слонов, в грязи завязнувших,
Слоны другие вытаскают **.

И кроме того:

В тех только людях благородство,
Что долг исполнить до конца умеют:
Что от голодных или беззащитных
Не отвращать свои сердца умеют!

И пока они так беседовали, трепетавшая от страха газель по имени Читранга (что означает «пестрая»),

бежавшая от стрел охотника и томимая жаждой, приблизилась к тому месту. Завидев ее, Лагхупатанака взлетел на дерево, Хиранья забралась в тростник, а Мантхарака укрылась в воде. Между тем Читранга, боясь за свою жизнь, остановилась неподалеку от берега. Тогда Лагхупатанака, взлетев вверх, осмотрел местность на йоджану вокруг, снова опустился на дерево и позвал:

— Выходи, выходи, дорогая Мантхарака! Тебе не грозит никакая опасность. Я хорошо осмотрел весь лес. Здесь только эта газель, что пришла к озеру на водопой.

И они снова собрались втроем. Тогда гостеприимная Мантхарака сказала газели:

— Дорогая! Напейся и выкупайся. Вода здесь превосходна и прохладна.

Поразмыслив над этими словами, Читранга подумала: «Ни малейшая опасность не грозит мне с их стороны. Ведь черепаха сильна только в воде, а мышь и ворон питаются мертвечиной. Поэтому я подойду».

Подумав так, она приблизилась к ним. А Мантхарака почтительно приветствовала Читрангу, свидетельствуя ей свое уважение, и спросила ее:

— Хорошо ли тебе? Расскажи нам, как ты забралась в эту лесную чащу?

Та рассказала:

— Надоело мне скитаться против своей воли! Отовсюду теснили меня всадники, псы и охотники, и вот, напуганная, я с великой быстротой оставила всех их позади и пришла сюда по воду. Поэтому мне хочется заключить с вами дружбу.

Услышав это, Мантхарака сказала:

— Мы невелики телом. Не годится тебе дружить с нами. Ведь дружить следует лишь с тем, кто может помочь.

Но Читранга ответила:

О, лучше вместе с мудрыми
Сойду я в преисподнюю,
Чем вместе с малодушными
Мне во дворце Сурендры * жить! **

Зачем же принижаяешь ты себя, говоря, что невелика телом? Впрочем, такие речи ведь и можно услышать только от достойных! Поэтому мне необходимо теперь же заключить с вами дружбу. Говорят ведь:

Бывает — слабые друзья большую пользу принесут:
Мышами были спасены слоны, плененные в лесу!

Мантхарака спросила:

— Как это?

Читранга рассказала:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

— Есть на земле одно место, где и люди, и дома, и храмы были уничтожены. Издавна там жили мыши, которые, вместе с рождавшимися у них сыновьями, дочерьми, внуками от сыновей и дочерей и прочими потомками, поселились в развалинах, устроив себе жилище в домах, когда-то стоявших, выстроившись в ряд. Там они проводили время в праздниках, свадьбах, еде, питье и других удовольствиях и были вполне счастливы.

Между тем владыка слонов, окруженный тысячей подданных, отправился со своим стадом на водопой к озеру, которое он еще ранее заметил. Двигаясь между мышиными жилищами и

встречая на пути мышей, этот владыка слонов давил им лица, глаза, головы и шею. Тогда оставшиеся в живых мыши стали размышлять: «Эти негодные слоны убивают нас на своем пути. Если они придут сюда еще раз, то некому уже будет продолжать наш род. Ведь:

Прикосновеньем слон убьет,
Змея, обнюхав, умертвит,
Царь смехом смерти предает,
Злодей — поклоном до земли!

Поэтому надо теперь же подумать о том, как спастись». И, придумав наконец, несколько мышей отправились к тому озеру и, поклонившись владыке слонов, почтительно взмолились:

— Божественный! Недалеко отсюда находится наше жилище, переходившее в нашем роду от поколения к поколению. Там у нас благополучно рождались дети и внуки, и потому мы достигли процветания. И вот теперь, когда вы пришли сюда за водой, тысячи из нас погибли. Если вы еще раз пройдете этой дорогой, некому будет продолжать наш род. Поэтому, если есть у вас сострадание, идите другой дорогой. Даже подобные нам существа, несомненно, смогут когда-нибудь принести вам пользу.

И владыка стада подумал: «Пусть будет так, как говорят эти мыши, а не иначе», — и согласился с ними.

И вот со временем случилось так, что некий царь приказал своим охотникам поймать слонов. Тогда, запрудив воду, они поймали владыку стада вместе со всем стадом, в течение трех дней вытянули их оттуда крепкими канатами и при помощи других приспособлений, а вытянув, привязали в том лесу к деревьям с крепкими стволами. Когда же охотники на слонов ушли, владыка стада задумался: «Как и с чьей помощью мог бы я освободиться?» И тут он решил: «Некому нас спасти, кроме

знакомых нам мышей». И начальник стада приказал своей служанке, слонихе, избежавшей плена и знавшей, где живут мыши, рассказать им о происшедшем несчастье — о том, как он попал в плен. И мыши, услышав об этом, собрались тысячами и пошли к слоновьему стаду, чтобы помочь ему. Увидев начальника и его стадо связанными, они разгрызли петли, взобрались на стволы деревьев, перегрызли канаты, которыми слоны были привязаны к стволам, и освободили их всех от пут.

Поэтому я и говорю: «Бывает — слабые друзья...»
Услышав это, Мантхарака сказала:

— Дорогая! Пусть будет так. Не бойся. Это — твой дом. Поэтому живи здесь со спокойным сердцем, как тебе хочется.

Так проводили они время во взаимной любви, отправлялись, кто куда хотел, на поиски пищи; сходились в полдень у большого озера в тени густых деревьев и беседовали о законах, о житейской мудрости и различных науках. Хорошо про это сказано:

Наукам и поэзии
Мудрец досуги отдает,
Страстями, ссорами и сном
Глупец обманывает дни **.

А также:

Когда на теле волоски
Встают от сладости бесед —
Тогда блаженствует мудрец,
Не обладая женщиной! **

Но однажды Читранга не пришла в условленное время. Не видя ее, они почувствовали тревогу в сердце; обеспокоенные неблагоприятным предзнаменованием и

предполагая, что с ней произошло несчастье, они не знали, что делать. Тогда Мантхарака и Хиранья сказали Лагхупатанаке:

— Дорогой! Мы двигаемся медленно и не можем разыскать нашего любимого друга. Пойщи же ты и узнай, не съел ли ее лев, не опалил ли лесной пожар, не поймал ли охотник? Поэтому непременно отправляйся в путь, разузнай, что случилось с Читрангой, и скорее возвращайся.

Услышав это, Лагхупатанака полетел вперед и вскоре увидел возле небольшого водоема Читрангу,— она попала в крепкие силки, привязанные к колышку из кхадиры. Тут он с печалью сказал:

— Дорогая! Как с тобой случилось это несчастье?

Читранга воскликнула:

— Друг! Сейчас не время медлить. Послушай мои слова. Как говорят:

Когда друзья встречаются
Хоть на пороге гибели —
Обоим столько радости!
А впору бы отчаяться.

Поэтому прости, если, беседуя с тобой, мне случилось рассердиться на друга и сказать что-нибудь обидное! Передай от меня и Хиранье с Мантхаракой:

Хоть вольно, хоть невольно я словечком вас обидела,—
Прошу я: все простите мне, сердца любвеобильные!

Услышав это, Лагхупатанака сказал:

— Дорогая! Не надо бояться, если имеешь таких друзей, как мы. Я возьму с собой Хиранью и быстро возвращусь, чтобы разорвать твои петли.

Сказав так, он в волнении прилетел к Мантхараке и Хиранье, рассказал, каким образом попала в плен

Читранга, и, осторожно взяв клювом Хиранью, вернулся с ней к Читранге. И Хиранья, увидя ее в столь печальном состоянии, с грустью сказала:

— Дорогая! У тебя ведь пугливое сердце и зоркий глаз. Как же могло случиться это несчастье,— как ты попала в плен?

Читранга ответила:

— Друг! К чему этот вопрос? Ведь судьба могущественна. Сказано же:

Пред судьбою, что подобна
Океану бед,
Отступает, не противясь,
Мудрый человек:
Где судиться с невидимкой,
Выследившей нас,
Наносящей нам удары
Каждый миг, весь век?

Поэтому, достойная, тебе известны прихоти судьбы. Разгрызи же петли побыстрее, пока не пришел сюда жестокий охотник.

Хиранья сказала:

— Не бойся, пока я рядом. К тому же в сердце моем глубокая печаль. Прогони ее, рассказав обо всем, что с тобой случилось.

Читранга ответила:

— Если тебе непременно надо знать— послушай о том, как я еще раньше вкусила горечь плена, а теперь снова попала в сети по воле судьбы.

Хиранья спросила:

— Как же ты в первый раз вкусила горечь плена? Я хочу подробно услышать об этом.

Читранга рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Раньше, когда мне было всего шесть месяцев, я, как дитя, резвилась перед своим стадом и развлекалась, то уходя далеко вперед, то поджидая спутников. А мы можем бегать двумя способами: «высоким» и «прямым». Из них я знала «прямой», а «высокого» не знала. И как-то раз, гуляя, я не увидела рядом стада газелей. Очень обеспокоенная, я подумала: «Куда они ушли?»— и, оглядевшись, увидела их впереди. Все они «высоким» бегом перепрыгнули через сеть и стояли за ней, глядя на меня. И вот, не зная правил «высокого» бега, я попала в охотничью сеть, а когда, пытаясь приблизиться к своему стаду,

потянула ее, то свалилась вниз головой на землю и запуталась в сеть, расставленную охотником. А стадо газелей ушло, отчаявшись спасти меня. Когда же пришел охотник, он пожалел меня и, подумав: «Это дитя пригодно только для забав»,— решил не убивать меня. Он заботливо отвел меня к себе домой, отдал царевичу, чтобы тот играл и развлекался со мной. Царевич очень обрадовался, вознаградил охотника и стал улаживать меня умягчиванием, притираниями, купаньем, едой, благоговениями, мазями, ласками и вкусными, радующими сердце угощениями. Однако полные любопытства газельные женщины и дети то и дело передавали меня из рук в руки, и я очень мучилась, ибо они хватили меня за шею, за глаза, за передние и задние ноги и уши. И однажды во время дождя, лежа под ложем царевича, я услышала гром и увидела отблеск молнии. Тут сердце мое затосковало, я вспомнила свое стадо и произнесла:

Вот мчится стая антилоп, и ветер гонит их вперед...
Когда смогу я наконец за ними мчаться по следам? **

Царевич подумал: «Кто это сказал?»— и с бьющимся от страха сердцем огляделся по сторонам и увидел меня. Тогда он решил: «Это не человек сказал, а газель! Здесь какое-то наваждение. Так или иначе, я погиб». И словно в него вселился демон недуга,— он, спотыкаясь, с трудом вышел из дому. Вообразив, что им овладел злой дух, царевич призвал за большое вознаграждение волшебников и заклинателей и объявил: «Тому, кто изгонит из меня болезнь, я окажу великий почет». И вот люди не долго думая принялись избивать меня поленьями, кирпичами и дубинками. Лишь один добрый человек сказал: «Зачем убивать это живот-

ное?» — и спас меня потому, что мне суждено было остаться в живых. И, узнав, почему я тогда взволновалась, он сказал царевичу:

— Дорогой! Томясь во время дождя, она вспомнила свое стадо и сказала:

Вот мчится стая антилоп, и ветер гонит их вперед...
Когда смогу я наконец за ними мчаться по следам? **

Почему же у тебя беспричинно началась лихорадка?

Услышав это, царевич исцелился от лихорадочного возбуждения и, совсем успокоившись, сказал своим людям:

— Омойте получше голову этой газели и отпустите ее в родной лес.

И они так и сделали.

Вот и случилось так, что, однажды претерпев плен, я снова попала по воле судьбы...

В это время Мантхарака, гонимая сердечной любовью к другу, пришла туда следом за ними, топчя на своем пути тростник, кусты и кушу *. Тогда Хиранья сказала Мантхараке:

— Дорогая! Нехорошо ты сделала, что пришла, оставив свое убежище. Ведь ты не сможешь защититься от охотника, а мы для него недостижимы. Когда я перегрызу сеть, а охотник приблизится, Читранга убежит и скроется из виду, Лагхупатанака взлетит на дерево, а я так мала, что легко смогу проникнуть через небольшое отверстие в пещеру. Что же станешь делать ты, попав ему на глаза?

Но Мантхарака возразила:

— Не говори мне так! Ведь:

Никто перенести не мог бы
Разлуку с близкими и разоренье,
Коль не было б друзей с ним рядом,
Подобных животворному бальзаму **.

А также:

Те дни, что мы с друзьями празднуем
В беседе мирной, мудрой и веселой,
Подобны праздникам прекрасным,
Оазисам в пустыне голой!

Чтобы вернуть бывшее счастье,
Ты четверым печаль свою поведай:
Жене своей, молитвы возносящей,
Любимому слуге, царю и другу!

Между тем подошел охотник с луком в руке. Тогда Хиранья у него на глазах перегрызла сеть и, как сказала раньше, забралась в пещеру, Лагхупатанака поднялся в воздух и улетел, а Читранга быстро убежала. Тут изумленный охотник, увидев, что сеть газели разорвана, сказал:

— Никогда газели не разгрызают сетей! Несомненно, газель эта перегрызла сеть по воле судьбы.

И, увидев черепаху в неподходящем для нее месте, он подумал, как это свойственно людям: «Если и ушла по воле судьбы газель, перегрызая сеть, то зато я нашел эту черепаху! Сказано ведь:

Ты можешь землю обойти,
Взлететь на небо заодно,
Но не найдешь к тому пути,
Что получить не суждено!»

Поразмыслив так, он срезал ножом кушу, свил прочную веревку, крепко привязал черепаху за лапы и затем, повесив веревку на конец лука, направился туда,

откуда пришел. И, видя, как уносят Мантхараку, Хиранья с грустью сказала:

— Горел! Увы, горел!

Еще до края первого несчастья
Не добралась я, как до края моря,—
Беда вторая сердце рвет на части:
Для уязвимых нет предела горю!

На раненого — громы и удары,
Голодному всегда печет утробу,
В несчастьях обязательны раздоры:
Для уязвимых нет предела горю!

Идем легко, размеренно,
Пока не оступились мы,—
Лишь в первый раз оступимся —
Дорога дальше трудная!

А также:

Троих, что нам податливы и нам не изменяли бы,
Найти труднее трудного: супругу, лук, товарища!

Друзей случайных — множество, а вот найдешь ли истинных?
Смотри же,— дорожи таким, судьбой случайной посланным!

Ни брату, ни жене своей,
Ни сыновьям, ни матери
Так люди не веряются,
Как доброму товарищу!

В течение полном, радостном вся дружба не исчерпана
И не иссякнет в горестях,— лишь в смерти затеряется...

За что же судьба непременно преследует меня? Сначала я лишилась богатства, и родные стали презирать меня за бедность. Опечаленная этим, я покинула родину. А теперь судьба разлучает меня с другом.

Сказано ведь:

Не потому печален я, что больно бедность одолела,—
Изменится судьба моя, и не в богатстве только дело.
Но лишь погряз я в нищете, узнал еще похуже горе:
Меня друзья забыли, те, с кем никогда я не был в ссоре!

И кроме того:

В цепь склепаны поступки наши прочно,
Добра и зла неразделимы звенья:
В другом существованье, в час урочный
Для жизни возрождаются вторично!

И хорошо ведь говорится:

На свете всё в опасности, беда спешит за радостью,
Все связи распадаются, и хрупко все прекрасное...

О, горе! Разлука с другом убила меня. Даже от родных моих теперь нет пользы. Справедливо сказано:

О, чаша чистая любви,
От зла защита, от врагов!
Лишь слово «дружба» назови —
Сокровище из двух слогов!..

И еще:

Привязанностям и страстям, удачам, спорам мудрецов,
Всему, что есть, один конец приносит смерть в конце концов.

А также:

Если дряхлости, смерти, рождению не быть,
Если ужасу перед разлукой не быть,
Если в мире всему мимолетным не быть —
То кому же из смертных блаженным не быть? **

И пока Хиранья, полная горя, говорила так, Читранга и Лагхупатанака с жалобными криками подо-

шли к ней и собрались вместе. Тогда Хиранья сказала им:

— Пока Мантхарака не скрылась с наших глаз, есть еще средство спасти ее. Ты, Читранга, иди впереди охотника так, чтобы он не заметил тебя; когда же достигнешь местности, расположенной рядом с водой, упави и притворись мертвой. А ты, Лагхупатанака, расставь ноги между рогами Читранги и притворись, будто выклевываешь у нее глаза. Тогда этот низкий охотник, охваченный жадностью, непременно подумает: «Это — мертвая газель!» — и, чтобы взять ее, побежит туда, бросив черепаху на землю. Только он отойдет, — я мгновенно освобожу Мантхараку от привязи, и она укроется в ближайшем водяном убежище, а я заберусь в тростник. Когда же снова приблизится этот низкий охотник, мы все постараемся убежать!

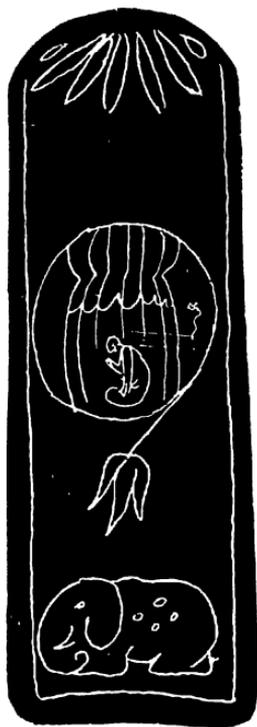
Так они и поступили. Увидев на берегу реки мертвую с виду газель, которую клевал ворон, обрадованный охотник бросил на землю черепаху и побежал к газели, подняв дубинку. Между тем Читранга, узнав по шуму шагов, что охотник близко, помчалась изо всех сил и скрылась в чаще леса, а Лагхупатанака взлетел и сел на дерево. В то же время Хиранья разгрызла веревку, которой была привязана черепаха, и Мантхарака залезла в водяное убежище, а сама Хиранья скрылась в тростнике. Тогда охотник решил, что обманулся и, подумав: «Что это?» — пошел, потеряв надежду, к тому месту, где оставил черепаху. И там он нашел лишь веревку, длиной в палец и разгрызенную на сто частей. Увидев, что черепаха, словно волшебник, скрылась из виду, он начал сомневаться в себе самом и в волнении, оглядываясь по сторонам, как можно быстрее пошел из леса к себе домой. А те четверо, оставшись невредимыми,

снова собрались вместе и, считая себя вновь родившимися, счастливо зажили во взаимной любви. Поэтому:

Между зверьми союз — и тот внушает уважение,
Так что ж о людях говорить, рассудком обладающих? **

И здесь окончена вторая книга под названием «Приобретение друзей», первый стих которой гласит:

Когда умны и сведущи бессильные и бедные,
Достигнут цели все они, как ворон и друзья его **.

III

О ВОРОНАХ
И СОБАХ

Достойно!

Здесь начинается третья книга под названием «О воронах и совах». В ней повествуется о мире, сражении и других делах. Вот ее первый стих:

Вчерашнему врагу — сегодня другу
Не слишком верь: грозит тебе отищенье!
Злодеек-сов огнем сожгли вороны,
Погибли совы в собственной пещере...

Царевичи спросили:

— Как это?

Вишнушарман рассказал:

— Есть в южной стране город Притхвивипратиштхана (что означает «основание земли»). Невдалеке от него в прежние времена стояло большое баньяновое дерево с многочисленными ветвями. Жил на нем царь ворон Мегхаварна (что означает «цвета тучи»), окруженный многочисленными воронами. Там построил он себе жилище и проводил время. И еще жила в своей крепости в горной пещере большая птица — царь сов Аримардана

(что означает «сокрушающий врагов»), окруженный несчетным множеством других сов. Когда Аримардана встречал какую-нибудь ворону, то, помня о своей давней вражде к вороньему племени, он убивал ее и улетал. Так поступал он постоянно, и мало-помалу вся земля вокруг баньянового дерева оказалась усыпанной воронами, убитыми царем сов. И ведь бывает так! Сказано же:

Кто на успех врагов своих
Глядит в ленивой праздности,
Забыв о хвори собственной,—
Тот — в роковой опасности!

Наконец Мегхаварна созвал всех своих советников и сказал:

— Ох! Могуч этот враг, полон рвения и знает, когда надо действовать. Всякий раз с наступлением ночи он приходит и губит наших приверженцев. Как же бороться с ним? Ведь ночью мы ничего не видим, а где его крепость — не знаем и не можем пойти туда днем и сразиться с ним. Что же нам подходит: мир, сражение, поход, остановка, союз или обман?

И вороны ответили:

— Хорошо сказал господин, задав этот вопрос!
Сказано ведь:

Советник пусть всегда царю советует.
Неспрошенный, спешит предостеречь.
Насколько же его ценнее речь,
Коль на вопрос царя ответить следует!

Кто тянет нить медовую холодной лести вежливо,—
Не к пользе дела важного,— врага он хуже злейшего!

Поэтому сейчас следует уединиться и держать совет. Тогда Мегхаварна стал по очереди спрашивать пятых наследственных министров: Удждживина (что

означает «снова живущий»), Сандживина («вместе живущий»). Анудживина («живущий за счет другого»), Прадживина («поддерживающий жизнь») и Чирадживина («долго живущий»). И первым среди них он спросил Удждживина:

— Дорогой! Как думаешь? Что надо делать в подобном положении?

Тот ответил:

— Божественный! Не следует вести войну с сильным. А враг наш силен и наносит удары вовремя. Поэтому надо помириться с ним. Ибо сказано:

Когда в опасности ты сам —
Пусть враг твой низок,— примиришь:
Жизнь сохранишь назло врагам —
И царство целым сохранишь!

А также:

Не трогай равного врага,— войны гадателен исход!
Брихаспати совет дает: «Не надо дел сомнительных!»

А также:

Сильнейший на пути возник?— Держись смиренно, как
тростник,—
Не вздумай жалить, как змея. В смиренье ложном
смерть твоя.

Кто гнется камышинкою,
Достигнет счастья высшего;
Кто скромн по-змеиному —
Не встанет и не выживет!

А также:

Не верю изречению:
«Сражаться надо с сильными»,—
Не облачку весеннему
Навстречу ветру двинуться!

И, услышав это, Мегхаварна сказал Сандживину:
— Дорогой! Хочу я послушать и твое мнение.

Тот промолвил:

— Божественный! Мне кажется иначе: если он жесток, жаден и нечестив,— ты никак не должен вступать с ним в союз. Сказано ведь:

Порочным и обманщикам
Нигде не будь союзником!
Непрочности образчиком
Союз такой окажется!

Поэтому с ним надо бороться. Таково мое мнение.
К тому же сказано:

Врага нетрудно одолеть беспечного, жестокого,
Неумного, нещедрого, несмелого, нестойкого!

Кроме того, он презирает нас. Поэтому, если вы заговорите о мире, он только разгневется и еще с большей жестокостью покажет свою силу. Сказано ведь:

Что мир хвалить перед врагом,
Которому мила война?
Что омыwać хворающих,
Когда испарина нужна?

Сердитого лишь распалишь мягчайшей укоризною,
Как в масло закипевшее водой холодной брызнули!

А если тот советник говорит: «Враг силен»,— то это неосновательно:

Уж если малый, не сробев, большого победит в бою,
Убьет его, как лев слона,— он обеспечит власть свою!

А также:

Где царь немилостив, как смерть,— все недруги у ног его.
А где он слишком милосерд — хотят убить нестроного.

Кто, встретив блеск соперника, теряется и ежится —
Зря юность матери украл! — При жизни уничтожится.

Тогда герои прельщены любовью Лакшми нежною,
Когда тела умащены шафраном крови вражеской!

Тот царь — не царь, не властелин, чьи земли безграничны
Не окропила кровь врагов и слезы женщин вражеских! **

Услышав это, царь спросил Анудживина:

— Дорогой! Скажи и ты свое мнение.

Тот ответил:

— Божественный! Он зол, безмерно силен и ни
в чем не знает границ. Поэтому с ним не следует ни
мириться, ни сражаться. Здесь необходим только по-
ход. Сказано ведь:

Как быть с таким, как смерть, царем необычайной злобности?
Не бой! Не мир! — Поход сберем — тогда с лица земли сотрем.

Что есть поход? — Вот первый род: для обороны. А второй —
Для нападения, — всё вперед, к победе, к славе он ведет!

Два месяца в году даны — вступить в страну противника:
Указывает перст войны на чайтру и на картинку *.

Пусть государь свою страну мужами славы укрепит —
И в царство недруга идет, послав лазутчиков вперед.

А кроме того: отступить надо лишь тогда, когда
знаешь, отчего делаешь это и с какой целью. Таково
разумное поведение. Хорошо сказано:

Сперва попятится баран,
Уже боднуть готовясь,
И выгибает спину лев,
Уже собравшись прыгнуть.
А у кого рассудок есть —
Дабы врага настигнуть,
Тот хитрую готовит месть,
Молчать заставив совесть.

Также:

Порою слабый с сильным в бой безумной брошен гордостью...
И что же? — Сильный только рад, а слабый свой погубит род!

Поэтому когда нападает сильный, то не время мириться или сражаться, а удобнее всего отступить.

И, выслушав эту речь, он обратился к Прадживину:

— Дорогой! Скажи и ты свое мнение.

Тот ответил:

— Божественный! Все эти три способа: мир, сражение и поход — не нравятся мне, и в особенности — поход! Ведь:

Слона и то в жилье свое хитро затащит крокодил,
А вылез бы? — Куда там слон! — И пса бы он не победил.

И затем:

Когда сильнейший нападает — укройся в крепости своей,
Зови соратников, друзей — и победишь, хоть враг сильней!

Кто, видя издали войска врага, идущего войной,
Оставит в страхе город свой, — тот не вернется никогда.

Когда враги твои сильны и превосходны силы их —
Не покидай убежище, — и не сгоришь в огне войны!

Выслушав все это, Мегхаварна сказал Чирадживину:

— Дорогой! Скажи и ты свое мнение.

И тот сказал:

— Божественный! Из шести способов больше всего мне нравится союз. Его-то и следует заключить. Сказано ведь:

Ты можешь ли могуществом без спутников потешиться?
Любой огонь в безветрии недолго ведь продержится!

Поэтому оставайся на своем месте и возьми себе в помощь какого-нибудь сильного союзника, который отомстит врагам. Если же, напротив, ты уйдешь, оставив свое место, то никто не поможет тебе ни единым словом. Сказано ведь:

Лесной пожар приветствовать не ветер ли, как друг, идет?
Лучине гибель он несет. К чему нам слабых пестовать?

Но просить помощи у сильного — это не единственный выход. Даже союз со слабым приносит защиту.

Итак, божественный, без союза никак нельзя отомстить врагу. Таково мое мнение.

И тогда Мегхаварна поклонился старому, дальновидному и сведущему во всех науках разумного поведения советнику своего отца Стхирадживину (что означает «стойко живущий») и сказал:

— Отец! Я спросил их в твоём присутствии лишь для испытания, чтобы ты выслушал все и указал мне, что подходит.

Тот ответил:

— Дитя! Они сказали тебе все, чему учит наука разумного поведения, и речь каждого подходит в свое время. Теперь, однако, время для двуличия. Сказано ведь:

Ни в мире ты, ни на войне, о царь, доверчивым не будь!
Чтобы обманутым не быть,— что остается? — Обмануть!

Таким образом, те, кто сами недоверчивы и действуют с усердием, легко уничтожают доверившегося врага. Сказано ведь:

Того, кто правду говорит жене, распутнице, врагам,
Дурным друзьям,— предупредим: «Постой! Смерть ходит
по пятам».

Аскетам, посвященным в суть, конечно, искренность нужна...
В ловцах удачи и в царях,— в царях особенно! — смешна.

К тому же, если у врага есть какой-либо недостаток, то, разузнав об этом, ты его погубишь.

Мегхаварна возразил:

— Отец, я не знаю, где он живет. Как же узнаю я его недостатки?

Стхирадживин ответил:

— Дитя! Не только жилище, но и недостатки врага обнаружу я с помощью соглядатаев! Ведь:

Брахманы видят ведами, коровы — обонянием,
Могучий царь — доносчиком, простые люди — зрением!

Лагхупатанака спросил:

— Отец! Расскажи мне теперь, отчего между воронами и совами царит смертельная вражда?

Тот ответил:

— Послушай:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Однажды в былые времена гуси, цапли, кокилы, павлины, чатаки, совы, голуби, горлицы, куропатки, голубые сойки, стервятники, жаворонки, карайики, шьямы *, дятлы и другие птицы собрались стаями и стали рассуждать:

— Хоть и есть у нас повелитель Вайнатейя, но, занятый услужением божественному Нараяне, он не заботится о нас. Так что толку в бесполезном господине, который не защищает нас, когда мы попадаем в сети и страдаем от разных несчастий? Сказано ведь:

Как судно, где открылась течь, опасны шестеро людей:
Учитель неученый, жрец, не посвященный в суть вещей,
Цирюльник жадный, и жена сварливая, и тот пастух,
Что тянется в свое село, и царь, не берегущий слуг!

Поэтому надо поискать другого царя птиц.

И вот, увидев сову, внешность которой сулила счастье, все они решили: «Пусть эта сова будет нашим царем. Пусть же принесут главные принадлежности из тех, что нужны для помазания на царство». И вот они принесли воду из священного источника, приготовили смесь из ста восьми корешков чакранкиты, сахадеви * и других растений, установили трон, сделали изображение земного круга, украшенного семью островами, морями и горами, разостлали тигровую шкуру, поставили в золотые кружки пять веток, положили туда цветы и неочищенное зерно, приготовили почетные дары. Затем запели лучшие из певцов; жрецы, сведущие в изречениях четырех вед, произносили священные тексты; толпа молодых девушек пела сладостные песни, предвещавшие благополучие. И вот сова уже приготовилась принять помазание на престол, как вдруг в собрание откуда-то явился ворон, оповещая о своем приходе страшным карканьем. И ворон этот подумал: «Отчего собрались все птицы, что за большой праздник у них?» А птицы сказали друг другу:

— Среди птиц он слывет очень мудрым. Поэтому надо посоветоваться и с ним. Сказано ведь:

Шакал — хитрейший из зверей, ворона же всех птиц хитрей,
Из всех аскетов — «белые» *, а из людшек — брадобрей!

Подумав так, птицы сказали ворону:

— Эй! Нет у нас никакого царя. Поэтому все птицы решили поставить царем над пернатыми эту сову. Дай же и ты свое согласие. Ведь ты пришел вовремя.

Тогда ворон со смехом сказал:

— О! Не годится, что помазывают на царство эту уродину, которая ничего не видит днем. Ведь есть среди вас гуси, павлины, кокилы, чакоры, чакраваки, хариты *, журавли и другие превосходные птицы. Не согласен я с вами. Ведь:

Сова не сердится, и то бежишь от выпученных глаз,—
Так кривоногая дурна! — А какова в недобрый час?

Также:

Как можно счастья ожидать в стране, где властвует сова?
Жестока и собой дурна, противен голос, злы слова!

И кроме того, зачем она нужна вам, если есть господин — Вайнатейя? Пусть она и наделена достоинствами — все равно: когда уже есть один владыка, не следует заводить второго. Даже одно лишь имя царя защищает вас от врагов. Сказано ведь:

Под славной сенью имени
Укроешься — и ждет успех.
«Луна! — зайчишка вымолвил,—
И этим спас себя и всех!»

Птицы спросили:

— Как это?

И ворон рассказал:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Жил в одном лесу царь слонов Чатурданта (что означает «с четырьмя клыками»), окруженный многими слонами. Так проводил он время, охраняя стадо слонов. И вот наступила как-то двенадцатилетняя засуха, из-за которой опустели все водоемы, пруды и озера. Тогда все слоны обратились к начальнику стада:

— Божественный! Одни из наших детенышей погибли, измученные жаждой, другие — близки к смерти. Найди же какое-нибудь средство утолить нашу жажду.

Тогда он послал во все восемь сторон света своих проворных слуг разыскивать воду. И те из них, которые отправи-

лись на восток, заметили по пути, недалеко от обители отшельников, озеро под названием «Лунное». Здесь водились гуси, журавли, морские орлы, утки, чакраваки, балаки* и другие обитатели воды; множество разнообразных деревьев, ветви и побеги которых сгибались под тяжестью цветов, росли поблизости, и оба берега озера были покрыты зеленью. Обильная пена от светлых волн, гонимых ветром и стекающих по прибрежным склонам, украшала его берега; и вода в нем благоухала мускусной влагой, сочащейся со слоновьих висков, от которой тогда лишь отлетают пчелы, когда могучие слоны погружаются в воду. Прибрежные деревья образовали своей густой листвой сотни зонтов и всегда служили убежищем от солнечного зноя. Глухо шумели обильные волны — они ударялись о тела купающихся пулиндских девушек и огибали округлости их пышных бедер, ягодиц и грудей. Озеро это было наполнено чистой водой, и густые заросли распустившегося лотоса украшали его. К чему много слов? Части неба было подобно оно. И, увидев его, слуги вернулись как можно быстрее, чтобы поведать о нем царю слонов.

Узнав об этом, Чатурданта поспешил с ними к Лунному озеру. И, спускаясь со всех сторон к легко доступным водам, слоны раздробили на тысячи кусков головы, шеи, передние и задние лапы зайцев, которые построили себе жилище на том берегу. Напившись и испулавшись, начальник стада повернул назад и пошел вместе со своими спутниками к себе, в лесную чащу. Тогда оставшиеся в живых зайцы стали размышлять: «Что нам делать? Теперь они узнали дорогу и будут приходить каждый день. Надо найти средство удержать их там, где они обитают, прежде чем они вернуться сюда». И зайчик по имени Виджайя (что означает «победи-

тель»), видя, что все сородичи его испуганы, что растоптаны их дети, жены и родные и что всеми овладела печаль, сказал с состраданием:

— Не надо бояться. Я уверен, что слоны сюда больше не придут. Ведь Кармасакшин * милостив ко мне.

И, услышав это, царь зайцев Шилимукха (что означает «с головой, твердой, как камень») сказал Виджайе:

— Дорогой! Нет в этом сомнения потому, что:

Когда продумал все сполна,
Слова изящны и просты,
Речь благородна и ясна,—
Всего добьешься речью ты.

И пусть я буду находиться далеко — все же слоны узнают о моей могучей силе, когда убедятся в мощи твоего разума. Ведь:

Хоть господин и далеко,
Но по слуге иль по письму
И глупость распознать легко,
И должное отдать уму!

Сказано к тому же:

Посол — врагов соединит,
Посол друзей разъединит,
Починит он разбитое,
Противника он подчинит!

Иди же, дорогой!

И, пустившись в путь, заяц увидел владыку слонов, направлявшегося к озеру. Тело его было окрашено в красновато-желтый цвет обильной цветочной пылью

от подстилки, сделанной из бутонов с кончиков ветвей цветущей карникары *. Он был подобен туче, полной влаги и сверкающей молниями, и его страшный, глубокий рев звучал так, словно эти бесчисленные, могучие и стремительные молнии, сверкающие во время дождя, сталкивались одна с другой. Прекрасный, как груда лепестков безупречного голубого лотоса, он, равный величием Айравате *, обладал хоботом, извивавшимся, словно могущественный Бхуджагендра *, и парой превосходных, гладких и больших бивней медвяного цвета. Лик его вызывал восхищение, ибо стаи жужжавших пчел слетались на благоухание мускусной влаги, стекавшей по его вискам; и его окружали тысячи начальников стад, которые усиленно обмахивались своими ушами.

И Виджайя подумал: «Не могут подобные мне общаться с ним! Но как бы то ни было, я покажусь ему с такого места, где он не сможет мне повредить». Подумав так, он взобрался на груду высоких, неровных камней и спросил:

— Повелитель слонов! Хорошо ли тебе?

Владыка слонов внимательно поглядел на него и спросил:

— Кто ты?

Зайчик ответил:

— Я — посланец.

Тот спросил:

— Кем же ты послан?

Посланец сказал:

— Блаженной луной.

Царь слонов спросил снова:

— Расскажи, зачем тебя послали?

Зайчик ответил:

— Тебе известно, что посланцу, передающему поруче-

чение, нельзя причинять вреда. Ибо все цари говорят устами своих посланцев. Сказано ведь:

Пусть родичи в крови лежат,
И пусть клинки мечей стучат,
И выкрики звучат, грозя,—
Посланца убивать нельзя!

Так и я по повелению луны говорю тебе: «Как можешь ты, смертное существо, причинять другому зло, не рассчитав своих и чужих сил? Сказано ведь:

Кто смело по пути войны
Пойдет,— не соразмерив сил,
Своих и вражеских,— падет,
Как жертва собственной вины!

Так и ты нечестиво оскорбил Лунное озеро, носящее наше имя. Ведь ты убил там зайцев, которых мы должны охранять и которые принадлежат к роду царя зайцев,— а он служит нам приметой и любим нами. Не годится это. К тому же, разве не знаешь ты, что в мире меня называют Шашанка? * К чему долго говорить? Если ты не повинешься, мы покараем тебя, причинив тебе большое несчастье. Если же с сегодняшнего дня ты прекратишь эти злые дела, то удостоишься великого отличия: тело твое вдоволь насладится подвластным нам лунным светом, и ты, радуясь вместе со спутниками, будешь вдоволь бродить по этому лесу. А иначе удержим свои лучи, тело твое спалит зной, и ты погибнешь вместе с твоими спутниками».

Услышав это и сильно обеспокоившись в сердце своем, царь слонов ответил после длительного размышления:

— Дорогой! Правда это. Я нанес обиду блаженной луне. Но больше я не буду враждовать с ней. Поэтому

скорей покажи мне дорогу — я пойду и умолю блаженную луну.

Заяц ответил:

— Иди один, тогда я покажу тебе ее.

Сказав так, он пошел к Лунному озеру и показал слону ночную луну, отражавшуюся в воде. Ее великолепная, блистающая окружность лила приятный свет; планеты, созвездие Саптарши* и множество других звезд, сиявших на широком небосводе, окружали ее, и ее шестнадцать частей* образовывали полный диск. При виде луны слон сказал:

— Я очищусь и совершу поклонение божеству,— и опустил в воду хобот, который едва смогли бы обхватить два человека.

Тогда диск луны задвигался взад и вперед, словно на колесе, и в потревоженной воде, казалось, плавали тысячи лун. А Виджайя поспешно отступил назад и сказал царю слонов:

— Божественный! Горе! Горе! Ты вдвойне разгневал луну.

Тот ответил:

— Отчего же снова прогневалась на меня блаженная луна?

Виджайя сказал:

— От прикосновения к этой воде.

И, поверив ему, царь слонов, с поникшими ушами и склоненной к земле головой, умолил блаженную луну поклонами и затем снова сказал Виджайе:

— Дорогой! Исполни мою просьбу и всегда склоняй блаженную луну на милость ко мне, а я больше не приду сюда.

И, сказав так, он отправился туда, откуда пришел.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПЕРВОГО)

Поэтому я и говорю: «Под славной сенью имени...»
И кроме того, эта негодная злодейка низка и не способна охранять подданных. Защита будет столь же далека от вас, сколь близка опасность. Сказано ведь:

Когда и сам судья злодей —
Зверей погубит и людей.
Уж зайца с куропаткой нет...
Хороший у кота обед!

Птицы спросили:
— Как это?
Ворон рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Жил я в прежнее время на одном дереве. А под этим деревом жила другая птица, куропатка. Соседствуя друг с другом, мы заключили нерушимый союз. Ежедневно после еды и всяких занятий, мы вместе проводили вечера, передавая друг другу много хороших изречений из пуран * и других книг, задавая вопросы и загадки и предаваясь различным мудрым развлечениям. И однажды куропатка отправилась с другими птицами за пищей в одно место, богатое свежим рисом, но вовремя не вернулась. Тогда, опечаленный разлукой с ней, я подумал: «Увы! Почему это мой друг куропатка не вернулась сегодня? Неужели она попала в западню или убита?» Так, с обес-

покоенным сердцем, я провел в тоске много дней. И однажды заяц Шигхрага (что означает «быстроходный») залез на заходе солнца в дупло дерева, а я, не надеясь уже на то, что куропатка вернется, не удержал его от этого. Между тем куропатка, очень разжирев от риса и вспомнив о своем убежище, на следующий день вернулась домой. И, видя, что в дупло забрался заяц, она упрекнула его:

— Ах заяц! Нехорошо ты сделал, что проник в мое жилище. Уходи же поскорей.

Тот возразил:

— Глупая! Разве не знаешь ты, что жилищем можно пользоваться лишь до тех пор, пока его занимаешь?

Куропатка предложила:

— Если так, давай спросим об этом соседей. Сказано ведь в книге закона:

Где споры о прудах идут, домах, колодцах, рошицах,
Лугах, полях и прочее,— сосед рассудит спорящих.

Заяц же возразил:

— Глупая! Разве не слыхала ты:

Владенье сроком в десять лет спор пресекает у людей,—
А для зверей и птиц — завет: лишь овладей — и спору нет!

Даже если это — твое жилье, все равно я занял его, когда оно пустовало. Поэтому теперь оно мое.

Но куропатка сказала:

— О, если ты упоминаешь предание, то пойдем со мной. Мы спросим знатоков предания. Пусть они нас и рассудят.

И они отправились разрешать свой спор. А я подумал: «Посмотрю-ка, что будет», — и с любопытством последовал за ними. И вот, пройдя немного, заяц спросил куропатку:

— Дорогая! Кто же разрешит наш спор?

Та ответила:

— Кто ж, как не кот Дадхикарна *, который полон сострадания к живым существам и ревностно исполняет обет поста и воздержания? Он живет на берегу блаженного Ганга, где громко шумят и разбиваются быстрые волны, гонимые сильным ветром.

Но едва заяц увидел кота, он возразил ей, трепеща от страха:

— Оставь этого низкого! Сказано ведь:

В одеждах святости наглец во все встречался времена!
Святых источников вода торговцами осквернена.

А Дадхикарна, скрывавший свою истинную природу, дабы легким способом добывать средства к жизни, услышал их разговор. И вот, желая вызвать в них доверие, он поспешно обратил морду к солнцу, уселся на задние лапы, поднял вверх передние, зажмурил глаза и, желая обмануть их благочестивыми словами, произнес следующее добродетельное наставление:

— Увы! Бесплоден круговорот существования. Мгновенна брeнная жизнь. Сновидению подобно общение с любимыми. Сетям Индры * подобна жизнь с семьей. Нет поэтому другого пути, кроме добродетели. Сказано ведь:

Не жив бездушный человек! —
И только в этом высший суд.
Мертвы кузнечные мехи:
Хотя и дышат — не живут.

А также:

Ученость без любви к добру —
Под стать собачьему хвосту,
Что не прикроет наготу
И не отгонит мошкору!

К чему слова плести вокруг?
В чем добродетель,— прост ответ:
Тот праведен, кто людям друг,
А грешен — приносящий вред.

И, услышав это добродетельное наставление, заяц сказал:

— О куропатка! На берегу реки стоит отшельник, ведущий благочестивые речи. Спросим же его!

Но куропатка ответила:

— Ведь по своей природе он — все ж наш враг. Поэтому, прежде чем спрашивать, отодвинемся подалее.

И оба они стали спрашивать:

— Эй, отшельник, наставник в законе! У нас возник спор. Дай же нам совет, согласный с учением закона. А кто говорит неправду, того ты можешь съесть.

Кот ответил:

— Дорогие! Не говорите так. Я отвернулся от жестоких дел, ведущих в ад. Сказано ведь:

Долг наивысший: «Не убий!» — В нем благо общее одно.
Москитов, вшей, клопов — и то нам век обрезать не дано!

И даже те, которые убивают скот для жертвоприношений, по глупости не понимают высшего смысла священных книг. А если кем-то из наставников сказано: «Следует приносить в жертву коз», — то слово «козы» означает там не что иное, как семилетние зерна риса, не дающие всходов*. Сказано же:

О, если рубящий леса
Или мясник, что весь в крови,
Подымутся на небеса,—
В аду кто будет — назови!

Поэтому я никого не съем. Однако я стар и плохо слышу ваш разговор издали. Как же определю я победу и поражение? Итак, подойдите поближе и расскажите мне о вашей тяжбе. Тогда, зная, в чем суть спора, я скажу свое слово и не наложу на себя оковы наказания в ином мире. Сказано ведь:

Судьбу других решающий неправедно, из жадности,
Иль гордости, иль робости, уходит в ад пылающий!

Поэтому, доверьтесь и отчетливо говорите прямо мне в ухо.

К чему много слов? Этот низкий внушил им такое доверие, что они приблизились к нему. И тогда он одновременно схватил зайца и куропатку лапой и зубами, схожими с пилой. Так оба они лишились жизни и были съедены.

(О К О Н Ч А Н И Е Р А С С К А З А П Е Р В О Г О)

Поэтому я и говорю: «Когда и сам судья злодей...» Так и вы взяли себе в судьи эту злодейку, слепую днем, тогда, как сами слепы ночью. Вот вы и пойдете путем зайца и куропатки. Поэтому подумайте и делайте, что надлежит.

И, выслушав его речь, все птицы согласились:

— Хорошо он говорил! — И, решив: — Мы еще раз сойдемся для избрания царя и снова посоветуемся друг с другом, — они отправились туда, откуда прилетели.

Одна лишь сова осталась там вместе с крикалкой * — она сидела на почетном сидении и, ожидая помазания, спросила:

— Кто здесь есть? Эй! Неужели сейчас не совершат помазания?

Услышав это, крикалика ответила:

— Дорогая! Ведь ворон помешал твоему помазанию, и все птицы разлетелись в разные стороны. Один лишь этот ворон почему-то остался здесь. Поднимись же скорей, чтобы я отвела тебя в твоё жилище.

Услышав это, опечаленная сова сказала ворону:

— Ах ты злодей! Чем я обидела тебя, что ты помешал другим помазать меня на царство? Отныне между нами наступит вражда. Сказано ведь:

Излечишь рану от стрелы — порубленный воскреснет лес...
Но ран от низкой клеветы не вылечит и власть небес!

И когда она вместе с крикалкой ушла к себе домой, ворон подумал: «Увы! Своими речами я вызвал напрасную вражду! Сказано ведь:

Коль речь глупа и беспричинно зла,
И не ко времени, и не по праву,
Увидим: вред великий принесла —
Похожа на смертельную отраву!

А также:

Пусть хорошо могучим слыть,
Все ж наживать врагов не надо:
Кто станет сам себя травить,
Решив, что врач спасет от яда?

Не станет просвещенный говорить
С недоброй, недостойной страстью!
Пожалуй, даже лучше правду скрыть,
Когда она ведет к несчастью...

И также:

Кто любит рассудительный совет,
Кто, все обдумав, поступает здраво,—
Тот — мудрый человек, сомнений нет,
И ждут его богатство, мир и слава!»

И, поразмыслив так, ворон покинул то место.

Вот каким образом, дитя, началась у нас наследственная вражда с совами.

Мегхаварна спросил:

— Отец! Что нам делать?

Тот ответил:

— Как ни трудно наше положение, есть, кроме шести способов, еще одно надежное средство. Применяв его, я сам пойду к врагам, чтобы одержать победу, и, обманув их, сделаю так, что они погибнут. Как сказано:

Хитрец умнее мудрого,
Сильней высокородного!
Так у брахмана хитрецы
Козла обманом выкрали.

Мегхаварна спросил:

— Как это?

И тот рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Жил в одном городе брахман Митрашарман (что означает «хранимый Митрой»*), который занимался тем, что поддерживал жертвенный огонь. Как-то раз в месяце магха*, когда веял приятный ветерок и Парджанья* посылал с облачного неба тихий-тихий дождик, брахман отправился в одну деревню за жертвенным животным и попросил там у какого-то жертвователя:

— Эй, жертвователь! В наступающую ночь новолуния я буду приносить жертву, дай же мне одно животное.

И тот согласно закону дал ему откормленное животное — козла. А брахман, видя, что козел этот резво бегают взад и

вперед и вполне пригоден для жертвы, взвалил его на плечи и отправился в свой город. И когда он шел по дороге, ему повстречались три жулика, чьи шеи уже исхудали от голода. Увидев на плечах у брахмана откормленное животное, они сказали друг другу:

— Эй! Если мы съедем это животное, то сможем легко перенести нынешний снегопад. Возьмем же у него обманом жертвенного козла и спасемся от холода.

И вот один из них, переменяв одежду и пойдя навстречу брахману по боковой дороге, сказал блюстителю священного огня:

— Эй, эй, хранитель огня! Зачем совершаешь ты смешное, запретное у людей дело, неся на плечах нечистую собаку?

И брахман, полный гнева, ответил:

— Не ослеп ли ты, что принимаешь жертвенное животное за собаку?

Но тот сказал:

— Брахман! Не следует тебе гневаться. Иди как хочешь.

А когда брахман прошел немного дальше,—встретил его второй жулик и сказал:

— Увы! Горе, горе! Если и любишь ты, блаженный, этого мертвого теленка, все равно не следует поднимать его на плечи.

Тогда брахман с гневом ответил:

— Да разве ты ослеп, что называешь жертвенное животное теленком?

Тот сказал:

— Не гневайся, блаженный. Я сказал это по неведению. Поэтому иди, как тебе нравится.

Еще немного углубился брахман в лес, и тут третий жулик, переменявший одежду, встретил его словами:

— Эй! Нехорошо сделал ты, что взвалил себе на плечи осла и куда-то несешь его. Оставь же осла, пока никто другой не увидел тебя!

Тогда, решив, что пожертвованный ему козел — это ракшаса в образе жертвенного животного, брахман в страхе бросил его на землю и что было сил побежал к своему жилищу. А трое обманщиков сошлись вместе и, взяв животное, исполнили свое намерение.

Поэтому я и говорю: «Хитрец умнее мудрого...»
Хорошо ведь сказано:

Подобострастье нового слуги,
Распутницы пустые слезы, вздохи,
Любезность гостя и слова пройдохи
Грозят обманом: берегись!

К тому же даже со слабыми не следует враждовать, если их много. Сказано ведь:

Коль многочисленны враги, то нелегко их победить,
Ведь как ни извивался змей, его загрызли муравьи **.

Мегхаварна спросил:

— Как это?

Стхирадживин рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— Жил в одном муравейнике большой черный змей по имени Атидарпа (что означает «чрезмерно гордый»). Однажды, вместо того чтобы следовать по дороге, ведущей из норы, он стал выползать через другое маленькое отверстие. И так как был он очень велик, а отверстие узко, то, пролезая через это отверстие, он, по воле судьбы, поранился. А муравьи, почуяв запах крови, текущей из его ран, окружили его со всех сторон и принялись кусать. Одних он убил, другим нанес увечья, но муравьев было необычайно много, и они искусали все его тело. И вот Атидарпа отошел в небытие, ибо раскрылись все его многочисленные раны.

Поэтому я и говорю: «Коль многочисленны враги...»
Кроме того, божественный, мне надо еще кое-что сказать, и слова мои следует обсудить, обдумать и исполнить.

Тогда Мегхаварна сказал:

— Что ж, отец! Поведай скорей, что лежит у тебя на сердце.

Стхирадживин ответил:

— Дитя! Если так, послушай.

Кроме тех способов, первый из которых — дружба, я придумал еще пятый способ: поступи со мной, как с недругом, чтобы вызвать доверие вражеских соглядатаев, — выругай меня самыми бранными словами, обмажь заранее приготовленной кровью и, бросив под этот баньян, отправляйся на гору Ришьямука *. Там ты должен оставаться вместе со своими спутниками, а я хитростью внушу доверие врагам, исследую крепость, в которой они прячутся, и погублю их, ничего не видящих днем. Поразмыслив, я убедился, что в их крепости нет даже выхода. Сказано ведь:

Ту крепость крепостью зовут, в которой тайный выход есть.
А ежели безвыходна — нет крепости, темница есть!

А ты не должен жалеть меня. Сказано ведь:

Пусть дорог нам слуга, как честь,
Милее сердцу, чем сыны,
Но в час сраженья кто он есть? —
Сухое топливо в печи!

Поэтому не удерживай меня в этом деле. Ведь:

Храни слугу, как жизнь свою,
И дорожи им, как собой, —
В тот день, когда начнется бой,
Используй его в бою!

И, сказав это, он сделал вид, что ссорится с царем. Тогда другие слуги, видя, что Стхирадживин без стеснения дерзит царю, бросились, чтобы убить его, но Мегхаварна сказал им:

— Эй, отойдите! Я сам накажу этого злодея, перешедшего на сторону врагов.

Сказав так, он взобрался на Стхирадживина, нанес ему легкие удары клювом, обмазал приготовленной для этого кровью и, как тот ему советовал, отправился со спутниками на гору Ришьямука.

Между тем вражеский соглядатай крикалика отправилась к царю сов и рассказала ему о несчастье, постигшем советника Мегхаварны. И, услышав это, повелитель сов на заходе солнца приготовился вместе со спутниками в поход, намереваясь перебить ворон, и сказал:

— Эй, торопитесь, торопитесь! Испуганный враг обратился в бегство, и его легко захватить.

И они со всех сторон направились к баньяновому дереву. Когда же там не оказалось ни одной вороны, обрадованный Аримардана поднялся на ветку дерева и, прославляемый певцами, сказал:

— Эй! Известен ли путь их похода? Какой дорогой они бежали? Пока они не достигли крепости, я перебую их, следуя за ними по пятам.

И в это время Стхирадживин подумал: «Если, узнав, что с нами произошло, враги уйдут туда, откуда пришли, то я ничего не смогу сделать. Сказано ведь:

В тот день, когда начнется бой,
Чтоб дел мирских не начинать.
Второй — что начато, кончать
И успокоиться опять.

Лучше не начинать дела, чем бросать начатое. Поэтому я подам голос и покажусь им».

Поразмыслив так, он издал слабый, слабый звук. Тут совы набросились на Стхирадживина, чтобы убить его. Тогда он сказал:

— Слушайте! Я — советник Мегхаварны по имени Стхирадживин. Вот что сделал со мной Мегхаварна. Сообщите об этом вашему господину. Мне надо многое сказать ему.

И когда царю сов передали эти слова, он с удивлением подошел к Стхирадживину, покрытому рубцами от ран, и сказал:

— Расскажи, как пришел ты в такое состояние?

Стхирадживин ответил:

— Послушай, божественный. Вчера, увидев, что вы убили много ворон, злодей Мегхаварна, полный гнева и печали, направился к вашей крепости. Тогда я сказал: «Не следует тебе идти туда. Ведь они сильны, а мы бессильны. Сказано ведь:

Коль хочешь ты себе добра —

И в мыслях с мощными не спорь врагами!

Опасна мотылька с огнем игра,—

Он сам сгорит, но не погасит пламя.

Поэтому следует заключить мир и поднести врагу дары». Услышав это, он решил, что я перешел на твою сторону, и, подстрекаемый дурными подданными, привел меня в такое состояние. Поэтому теперь мое прибежище у твоих ног. К чему много слов? Пока есть у меня силы двигаться, я поведу тебя в жилище Мегхаварны и погублю всех ворон.

Услышав это, Аримардана стал советоваться с министрами, перешедшими к нему по наследству от отца и деда. А было у него пять министров: Рактакша (что означает «с красными глазами»), Круракша («с жестокими глазами»), Диптакша («с пылающими глазами»),

Вакранаса («с кривым носом») и Пракаракарна («с ушами словно стена»). И вот он спросил первым Рактакшу:

— Дорогой! Как следует поступить при таких обстоятельствах?

Тот ответил:

— Божественный! Что тут думать! Убей его не размышляя. Как сказано:

Врага убей, пока он слаб.
Когда оперится — беда!
Силенка совладать могла б,—
Найдем ли силу тогда?

К тому же есть поговорка: «Если счастье само пришло к тебе, то, уходя, оно приносит проклятие». Сказано ведь:

Один лишь раз приходит миг
Для действия,— как благодать...
Не понял? Цели не достиг?
Годами жди его опять!

Потому и говорят:

Гляди: пылающий костер...
На мне разодран капюшон...
В минуту вспыхивает спор,—
За годы мир не возвращен!

Аримардана спросил:

— Как это?

Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— Жил в одном городе некий брахман; он возделывал землю, но не видел пользы от своих трудов. Однажды, в конце жаркого времени года, измученный зноем, он лег спать в тени дерева, что росло посреди его поля. Тут он увидел, как недалеко от него страшный змей протягивает свой большой вздутый капюшон над муравейником, и подумал: «Наверное, я ни разу не почтил это божество поля. Вот и не приносит мне пользы земледелие. Дай-ка я окажу почет змею». Подумав так, он попросил у кого-то молока, налил его в тарелку, подошел к муравейнику и сказал:

— О хранитель поля! Все это время я не знал, что ты здесь живешь, и поэтому не оказывал тебе почестей. Будь же теперь милостив.

Сказав это и предложив змею молока, брахман пошел домой. И когда утром он вернулся на то место, то увидел на тарелке один динар. Так он приходил туда каждый день, давал змею молока и получал по одному динару.

И однажды брахман поручил сыну нести к муравейнику молоко, а сам отправился в деревню. Мальчик принес молоко, куда ему было велено, поставил его там, а сам вернулся домой. Когда же на следующий день он пришел к муравейнику и нашел там динар, он подумал: «Несомненно, этот муравейник наполнен динарами. Поэтому я убью змея и все возьму себе». Решив так, сын брахмана на следующий день принес молоко и ударил змея дубинкой по голове. А змей, по воле судьбы, остался в живых и, разгневавшись, так укусил мальчика своими острыми зубами, что тот сразу отошел в небытие. Тогда родственники убитого сложили груды поленьев недалеко от поля. На второй день вернулся отец мальчика. Узнав от родственников, как погиб его сын, и поразмыслив над этим, он сказал:

Бездомного не приютив,—
Того, кто голоден, устал,—
Утратишь все, чем обладал,
Как гуси в лотосном пруду!

Люди спросили:

— Как это?

Брахман рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

— Жил в одном городе царь Читраратха (что означает «обладающий разукрашенной колесницей»). Был у него пруд под названием «Лотосный», который зорко охраняли воины. Там жило много гусей из золота, и каждый из них раз в шесть месяцев терял по одному перу из хвоста. И как-то раз прилетела к тому пруду большая золотая птица. Тогда гуси сказали:

— Ты не должна жить среди нас,— ведь мы получили этот пруд с условием платить за него каждые шесть месяцев по одному перу из хвоста.

К чему много слов? У гусей началась с ней вражда. Тогда птица прибегла к защите царя и сказала:

— Божественный! Вот как говорят эти птицы: «Что нам царь? Никому не отдадим мы своего жилища». Я же сказала: «Нехорошо вы говорите. Я пойду и передам это царю. Пусть же божественный решит, что теперь делать».

Тут царь сказал слугам:

— Эй! Идите туда, перебейте всех птиц и скорей принесите их.

И, повинуясь приказу царя, слуги отправились к пруду. Тогда, увидев царских слуг с дубинками в руках, одна старая птица сказала:

— О родные! Случилось несчастье. Будем же все единокорны и быстро поднимемся в воздух.

И птицы так и сделали.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ШЕСТОГО)

Поэтому я и говорю: «Бездомного не приютив...» И, сказав это, брахман на рассвете снова взял молоко, пошел к муравейнику и, стремясь вернуть доверие змея, обратился к нему с такими словами:

— Мой сын сам виноват в своей смерти.

Тогда змей ответил:

— Гляди: пылающий костер...

Поэтому, убив его, ты без усилий освободишь свое царство от врагов.

И, выслушав эту речь, царь сов спросил Круракшу:

— Дорогой! Что же думаешь ты?

Тот ответил:

— Божественный! Безжалостно говорит Рактакша, ведь нельзя убивать ищущего убежища. Право же, хорошо рассказано об этом!

Мы память голубя почтим,
Что, встретив недруга, решил
Его, бездомного, принять
И мясом собственным питать!

Аримардана спросил:

— Как это?

Круракша рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

Жил-был жестокий птицелов,
Как темный рок, неумолим.
Он по лесам бродил густым,
Людских не вспоминая слов...

Всех оттолкнувший от себя
Бесчеловечностью своей,
Бродил, живущее губя,
Родных не помня и друзей!

Ведь несомненно:

Кто страшен слабым существам,
Тот ненавистник бытия!
Он — смерти сеятель, змея,
И жертва собственная — сам.

С собой в дорогу прихватив
Дубинку, клетку и силки,
Убийца каждого, кто жив,
Спешил он взыскивать долги...

Однажды день померк в лесу, и вдруг раздался грозный вой,
От страшной бури грозовой, казалось, мир обрушился...

Охвачен страхом и тоской, дрожал жестокий птицелов,—
Искал под деревом приют и трепетал от ужаса.

Когда ж на миг один едва вдруг прояснились небеса,
Вскричал, молитву вознеся: «О боги, где убежище?»

В дупле, на дереве тогда
С подругой голубь обитал...
С утра подругу не видал
И понял, что стряслась беда!

Он горько сетовал, рыдал:
«Бушует буря, ливень льет,—
Любимой нет уже давно,
Опасен был ее полет!..

Без милой видеть не могу
Осиротелого гнезда...
Тогда лишь домом будет дом,
Когда хозяйка в нем живет!»

Так плакал голубь и стонал... Но в этот час, еще жива,
Голубка, в клетке находясь, его слышала слова...

И вдруг ответила ему, страданья смертные терпя:
«Я здесь. Я счастлива и тем, что осчастливила тебя!

О друг любимый, дорогой,
Хочу последний дать совет:
Любой ценою охраняй
Молящего о помощи.

Взгляни! — Безумный птицелов к жилищу нашему пришел,
Замерз. и голоден, и зол, шатающийся, стонущий...

И говорят ведь:

Когда ночной уходит гость без крова и без ужина —
Все заберет, что за добро хозяином заслужено!

Ты птицелова не кляни за то, что погубил меня:
Детей, быть может, в оны дни моим пугали именем!

Потому что:

Все наши беды, и труды, и все земные бедствия —
От древа древности плоды и плод дают впоследствии...

Хотя уходим мы во тьму — свой разум устреми к добру!
Откинь же ненависть к нему — произнеси приветствие!»

Услышав праведную речь,
Уже и голубь наш не стал
Гнездо ненужное стеречь,
А смело вышел и сказал:

«Привет тебе, мой дорогой!
О бедный! О промокший весь!
Дороги не ищи другой:
Убежище твое — вот здесь!»

«Прими меня и обогрей!» —
Птицеубийца отвечал...
И голубь полетел скорей
И где-то огонек достал.

Он поскорей зажег костер,
Сухие листья подложив...
«Присядь! Доверься. Будешь жив.
Не обессудь. А мне — позор!

Ведь пусто у меня в гнезде!
Чем гостя угостить, любя?
Кто может — кормит тысячи,
А я с трудом кормлю себя...

Ах, дом лишь тяготы несет
И может видом укорить
Того, кто гостя одного
Не в состоянии накормить!

Но все ж судьбу благословим,—
И не останусь я в долгу,
Ведь мясом собственным своим
Я гостя накормить могу!»

Так молвил, гостя не браня...
И, просяя, как божество,
Он обошел кругом огня,
И что же? — Ринулся в него!

Но что с охотником, что он
Заплакал, мучась, обо всем?
Куда больнее, чем огнем,
Был состраданьем опален!

«Кто тяжко в жизни согрешил,— тот враг себе же самому.
В аду я буду, ввергнут в тьму, в аду мое становище!

Но добрый вижу я пример и буду следовать тому,
Кто захотел меня спасти, как праведник — чудовище!

Всех радостей лишу себя и тело иссушу свое,—
Хотя и не прошу себя — стремиться буду к святости!»

Он западню свою сломал,
Дубинку, клетку частую,
Все колышки он разметал
И выпустил несчастную!

Голубка видела, что друг
В костер пылающий вошел.
Не вынести ей долгих мук!
Ей слишком искус был тяжел...

Отчаяньем охвачена
И сетуя на все лады,
Как в свет чертога брачного,
Вошла она в костер беды.

Но кто сиял, как божество,
На колеснице, в вышине?
Супруга, друга своего
Увидела она в огне!

Бессмертным телом наделен,
Сказал он весело жене:
«Как хорошо для всех времен,
Что ты последовала мне!

Ведь тридцать миллионов лет,
И пять к ним приложить еще,—
На теле сколько волосков —
Нам столько лет прожить еще!

И вот, полный радости, он поднял ее на небесную колесницу, заключил в объятия и счастливо зажил с ней. А охотник почувствовал высшее отвращение к миру и, стремясь к смерти, углубился в дремучий лес.

Вошел, шатаясь, птицелов
В охваченный пожаром лес,
Грехи свои он сжег в огне
И неба удостоился!

Поэтому я и говорю: «Мы память голубя почитим...»

Услышав это, Аримардана спросил Диптакшу:
— Что же думаешь ты об этом?

Тот ответил:

Будь счастлив, благодетель мой! Берн что хочешь у мня:
Всегда я страх внушал жене, а нынче ластится ко мне! **

А ответ вора таков:

Не вижу, что мне взять сейчас! А если будет что-нибудь,
Приду опять, когда жена тебя не будет обнимать! **

Аримардана спросил:

— Кто та жена, которая не обнимает, и кто этот вор?
Расскажи-ка подробней.

Диптакша рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Жил в одном городе старый купец по имени Каматура (что значит «больной от любви»). После смерти жены он потерял рассудок от любви и женился на дочери бедного купца, дав за нее большой выкуп. А та, охваченная печалью, даже не могла видеть этого старого купца. Ведь сказано по этому поводу:

Спина сутулится, слюняв беззубый рот,

И шаркают подошвы,
Давно мертвы глаза, и свет пришлось
забыть,—

С самим собой расстаться...
Родные слушаться и слушать не хотят,
Жена ворчит безбожно,

И даже сын родной не хочет с ним
побыть...

О, горе, горе старцу!

И как-то раз, когда она, отвернувшись, лежала с ним на одной постели, в их дом забрался вор. И, увидев вора, она так испугалась, что даже обняла своего старого супруга. А у того поднялись на теле волоски, и он подумал в изумлении: «Ну и ну! Что это она вдруг обняла меня?» Когда же он внимательно посмотрел, то увидел в углу вора и подумал: «Несомненно, обнимает она меня оттого, что испугалась». И, поняв это, он сказал вору:

— Будь счастлив, благодетель мой! Бери что хочешь у меня...

А вор ответил:

— Не вижу, что мне взять сейчас...

Поэтому даже о приносящем пользу воре хорошо думают. Что же говорить о том, кто прибегает к защите? Кроме того, он обижен своими сородичами и поэтому сможет принести нам пользу, раскрыв их слабые места. Итак, не следует его убивать.

Услышав это, Аримардана спросил другого советника, Вакранасу:

— Дорогой! Что следует делать теперь при таких обстоятельствах?

Тот сказал:

— Божественный! Не следует его убивать. Ведь:

Когда поссорятся враги, полезны могут быть для нас:
Ведь ракшаса коров сберег, брахмана — вор от смерти спас!

Аримардана спросил:

— Как это?

Вакранаса рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— Жил в одном селении бедный брахман, все имущество которого состояло в одном подаянье. Никогда не знал он изысканных одежд, мазей, благовоний, венков, украшений, бетеля и других предметов роскоши; весь зарос длинными волосами, отращивал бороду и ногти; умерщвлял свою плоть холодом, зноем, дождем и всяческими лишениями. И вот кто-то пожалел его и подарил ему двух телок, еще совсем маленьких, а брахман вырастил их и откормил сливочным и сезамовым маслом, ячменем и другой пищей.

Увидел это один вор и подумал: «Утащу-ка я у этого брахмана его коров». Решив так, он

ночью взял петлю, чтобы связать животных, и отправился в путь. И вот по дороге встретилось ему некое существо с редкими острыми зубами, носом, вытянутым, словно тростник, и неровно посаженными глазами. Множество жил проступало сквозь кожу на его теле, щеки ввалились, а тело и борода были красновато-коричневого цвета, словно огонь хорошей жертвы. Увидев его, вор спросил, дрожа от сильного страха:

— Кто ты?

Тот ответил:

— Я — брахмаракшаса * Сатьявачана (что означает «говорящий правдивую речь»). Назови и ты себя.

Тот сказал:

— Я — вор Круракарман (что означает «исполнитель жестоких дел»), хочу увести двух коров у бедного брахмана.

Тогда ракшаса почувствовал доверие к нему и сказал:

— Как хорошо, дорогой! Я принимаю пищу раз в три дня вечером и сегодня съем этого брахмана. Итак, у нас одна и та же цель.

Тогда оба пошли к брахману и остановились в уединенном месте, поджидая удобного момента. А когда брахман лег спать, ракшаса приблизился к нему, чтобы съесть его. Увидев это, вор сказал:

— Дорогой! Неправильно ты поступаешь. Лучше съешь брахмана после того, как я уведу коров.

Но тот возразил:

— А что, если этот брахман проснется от шума? Не выйдет тогда мое дело.

Вор сказал:

— Но если ты примешься за еду, тебе может что-нибудь помешать, и я тогда не смогу увести коров. Поэтому сначала я уведу коров, а потом ты съешь брахмана.

Так, споря, кому из них начать первому, они поругались, и крики их разбудили брахмана. Тут вор сказал ему:

— Брахман! Этот ракшаса хочет тебя съесть.

А ракшаса сказал:

— Брахман! Этот вор хочет увести твоих коров.

Услышав это, брахман поднялся и, внимательно оглядевшись, спас себя от ракшасы размышлением о божехранителе. А затем, подняв дубинку, он уберег своих коров от вора.

Поэтому я и говорю: «Когда поссорятся враги...»
И еще:

Ведь Шибид *, полный доброты и к чистоте стремившийся,
Собой насытил сокола — и спас от смерти голубя! **

Несправедливо поэтому убивать того, кто прибегает к защите.

И, обдумав эту речь, царь сов спросил Пракаракарну:

— Скажи, что ты сейчас думаешь?

Тот ответил:

— Божественный! Не следует убивать его, — ведь, сохранив ему жизнь, можно будет впоследствии счастливо проводить с ним время во взаимной любви. Сказано ведь:

Погибнет не желающий покрыть грехи сообщника,
Как змей, из брюха вылезший, и змей из муравейника!

Аримардана спросил:

— Как это?

Пракаракарна рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

— Жил в одном городе царь Девашакти (что означает «обладающий божественной силой»). У сына его в животе, словно в муравейнике, жил змей, и от этого тело царевича с каждым днем все больше тощало. И вот, чувствуя отвращение к жизни, царевич этот ушел в другую страну. Поселившись в одном городе, он собирал там подавание, а свободное от этого занятия время проводил в большом храме. А в том городе жил царь по имени Бали. Были у него две молодые дочери. Одна из них каждый день произносила перед стопами отца: «Побеждай, великий царь!» — а другая: «Вкушай то, что суждено, великий царь!»

И вот, услышав это однажды, разгневанный царь сказал:

— Эй, советники! В наказание за дурные речи отдайте эту мою дочь какому-нибудь чужестранцу, и пусть она вкушает «то, что суждено».

И министры согласились, сказав: «Да будет так!» — снабдили ее небольшой свитой и выдали за царевича, жившего в храме.

А она, радуясь сердцем, приняла этого супруга, словно бога, и пошла с ним в другую страну. И вот в окрестностях одного отдаленного города на берегу пруда она поручила царевичу охранять их жилище, а сама вместе со своими спутниками пошла купить сливочного и сезамового масла, соли, риса и другой еды. Когда же она, сделав покупки, вернулась, то увидела, что царевич спит, положив голову на муравейник, а изо рта его высовывается змеиный капюшон, вдыхающий воздух. Между тем из муравейника выполз другой змей и тоже стал вдыхать воздух. Когда змеи увидели друг друга, глаза их покраснели от гнева, и змей в муравейнике сказал:

— Эй, злодей! Зачем ты так мучаешь царевича, прекрасного с ног до головы?

Но тот, что сидел во рту у царевича, ответил:

— А почему, злодей, ты оскорбил две кружки, полные золота?

Так разоблачили они недостатки друг друга. И снова змей, сидевший в муравейнике, сказал:

— Эй, злодей! Неужели никто не знает, что если царевич выпьет горчицы, то ты погибнешь?

Тогда змей, сидевший у царевича в животе, сказал:

— А разве никто не знает, что ты погибнешь от горячей воды?

Царевна, стоя за кустом, слышала этот разговор и последовала их словам. Так она излечила супруга, добыла большое богатство и вернулась на родину. Отец, мать и родственники приняли ее с почетом, и она зажила счастливо, обретя предназначенные ей блага.

Поэтому я и говорю: «Погибнет не желающий...»
Выслушав это, Аримардана на том и порешил. И, видя, что произошло, Рактакша снова сказал, скрывая усмешку:

— Горе, горе! Погубили вы господина своими неразумными речами. Сказано ведь:

Где унижают праведных, где недостойных чествуют,—
Там только голод, страх и смерть живут и благоденствуют!

А также:

Пусть видят зло глаза глупца,— растает он от слов и слез.
Свою жену с любовником на голове тележник нес...

Советники спросили:

— Как это?

Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

— Жил в одной местности тележник. Его распутная жена пользовалась у людей дурной славой. И подумал он: «Как бы мне ее испытать? Сказано ведь:

Огонь, холодным сделайся! Луна, горячей сделайся!
Разбойник, честным сделайся! — Поверю в верность женщины!

А среди людей идет молва, что она изменяет мне». Подумав так, он сказал жене:

— Милая! Утром я пойду в другую деревню и проведу там несколько дней. Приготовь же мне в дорогу какую-нибудь подходящую пищу.

Услышав его слова, она, возбужденная и обрадованная, бросила все дела и приготовила

превосходную еду, изобилующую маслом и сахаром.
Хорошо ведь говорится:

Безлунной ночью, в тишине,
Дождь проливной, глухие переулки,
Муж в дальнем странствии иль на войне —
Раздолье полное распутнице жене!

И вот на заре тележник поднялся и вышел из дому. Увидев, что он ушел, жена принялась с улыбкой украшать свое тело и кое-как провела этот день. А вечером она пошла к своему любовнику и сказала ему:

— Мой негодный муж отправился в другую деревню. Приходи же ко мне, когда все уснут.

А тележник тем временем провел день в лесу, а вечером проник в свой дом через боковую дверь и спрятался под кроватью. Между тем любовник его жены пришел к ней и забрался в постель. Увидев его, тележник подумал, полный гнева: «Не подняться ли мне сейчас и не убить ли его или же одним ударом уничтожить их обоих, когда они заснут? Нет, лучше я сначала погляжу, как она будет себя вести, и послушаю, что она ему скажет». Между тем жена его осторожно закрыла дверь и легла на кровать.

И вот, ложась, она задела ногой голову тележника. Тут она подумала: «Несомненно, негодный тележник решил испытать меня. Что ж, я покажу ему, что знакома с женскими повадками». Пока она так думала, любовнику захотелось коснуться ее. Но она, сложив ладони, сказала:

— О великодушный, не касайся моего тела.

Тот возразил:

— Тогда зачем же ты позвала меня?

Она сказала:

— Ах! Сегодня на заре я пошла в храм Чандики,

чтобы увидеть божество. И там вдруг услышала голос: «Что мне делать, дочь? Хоть ты и преданна мне, все равно по воле судьбы через шесть месяцев станешь вдовой». Тогда я сказала: «Блаженная! Если ты знаешь об этом несчастье, то знаешь и как предотвратить его. Нет ли какого-нибудь средства продлить жизнь моего супруга, так чтобы он прожил сотню лет?» Тогда голос ответил: «Есть такое средство, и ты можешь воспользоваться им». Услышав это, я сказала: «Богиня! Укажи его, и я послушаюсь тебя, хотя бы это стоило мне жизни». Тогда богиня сказала: «Если ты ляжешь с чужим мужчиной на ложе и отдашься ему, то смертельная опасность, грозящая твоему супругу, перейдет на этого мужчину, а супруг твой проживет еще сто лет». Поэтому я и позвала тебя. А теперь делай что хочешь. Ведь слова божества непременно должны исполниться».

И тогда любовник ее, сдерживая смех, поступил, как ему хотелось. А глупый тележник, услышав ее речь, вылез из-под кровати такой радостный, что волосы поднялись у него на теле, и сказал:

— Хорошо, преданная! Хорошо, радующая свой род! Мое сердце было обеспокоено речами дурных людей, и, чтобы испытать тебя, я притворился, будто иду в деревню, а сам спрятался здесь, под кроватью. Подойди же, обними меня!

Сказав это, он обнял ее, посадил себе на плечо и обратился к ее любовнику:

— О великодушный! Это мои заслуги привели тебя сюда. По твоей милости мне суждено прожить сто лет. Поднимись же и ты на мое плечо!

И хотя тот упирался, тележник силой посадил его на плечо и, приплясывая, стал обходить дома всех своих родственников.

Поэтому я и говорю: «Пусть видят зло глаза глупца...» Как бы то ни было, наш род вырван с корнем и уничтожен.

И вот все они, не обратив внимания на эти слова, подхватили Стхирадживина и повели его к своей крепости. Тут Стхирадживин сказал:

— Божественный! Зачем ты забираешь меня с собой, когда я ни на что не способен и нахожусь в таком состоянии? Лучше мне войти в пылающий огонь. Почти же меня даром огня.

Тогда Рактакша, разгадав его тайные замыслы, спросил:

— Почему ты хочешь броситься в огонь?

Тот ответил:

— Ради вас претерпел я от Мегхаварны это наказание. Поэтому я хочу возродиться в облике совы, чтобы отомстить им за вражду.

Услышав это, сведущий в царской мудрости Рактакша сказал:

— Дорогой! Ты искусен в лживых речах. Даже перейдя в племя сов, ты все равно будешь высоко чтить свое воронье племя. Известен ведь такой рассказ:

Большую гору, солнце, ветер и облако отвергла мышь:
Она сородича избрала,— что значит род, как поглядишь!

Тот спросил:

— Как это?

Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

— На берегу Ганга, чьи волны пестрят белой пеной, которую поднимают рыбы, испуганные шумом воды, что бьется о неровные, каменистые берега, стояла обитель. Населявшие ее отшельники усердно исполняли предписания йоги *, читали молитвы, предавались умерщвлению плоти, самоистязанию, изучению вед * и посту. Они утоляли жажду лишь отмеренными порциями чистой воды, истощали тело, питаясь луковцами, корнями, плодами и шайвалой *, и прикрывались лишь мочальной повязкой вокруг бедер. Жил там старейшина рода по имени Яджнявалкья. Однажды, когда он омылся в Джахнави и начал по-

лоскать рот, на ладонь ему упала мышка, которую выронил из клюва сокол. Увидев мышку, он положил ее на баньяновый лист, снова омылся, ополоскал рот, совершил искупление и другие обряды и силой своей святости обратил эту мышку в девочку. Затем он взял ее с собой, вошел в обитель и сказал своей бездетной жене:

— Возьми ее, дорогая. Она досталась тебе как дочь, и ее надо заботливо растить.

И та стала растить и лелеять девочку. Когда же девочке исполнилось двенадцать лет, то приемная мать, видя, что она созрела для брака, сказала:

— О супруг! Неужели не видишь ты, что у нашей дочери проходит время, пригодное для брака?

Тот ответил:

— Ты правильно говоришь, милая. Сказано ведь:

Сперва владеют божества, гандхарвы, Агни с Сомою
Безгрешной, чистой девушкой, предшествуя супружеству.

Ей Сома чистоту дает,
Гандхарвы — речь разумную,
Все темное, нечистое
Снимает Агни огненный.

Поэтому я выдам ее поскорей за равного! Сказано ведь:

Должны друг другу ровней быть имуществом и знатностью,
И в дружбе, и вступая в брак,— не пара богачу бедняк!

Итак в конце концов:

Узнай о женихе, какого нрава,
И род каков, познания, внешность, возраст,
Имущество, кто опекун,— семь качеств,—
И выдай дочь, не думая о прочем! **

Поэтому, если она не против, я призову блаженное солнце и выдам ее за него.

Жена старейшины тогда сказала:

— Где же здесь грех? Так и сделай.

Тогда отшельник призвал Савитара *. И тот, явившись немедленно, сказал:

— Блаженный! Зачем ты позвал меня?

Отшельник ответил:

— Вот стоит моя дочь. Возьми ее в жены.

И, сказав это, он обратился к своей дочери:

— Дитя! Нравится ли тебе это божество, озаряющее три мира?

Дочка ответила:

— Отец! Он от природы слишком жгуч. Не хочу я его. Позови кого-нибудь другого, кто был бы лучше его.

Услышав ее слова, отшельник сказал светилу:

— Божественный! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

Светило сказало:

— Сильнее меня — облако. Когда оно покрывает меня, я исчезаю из виду.

Тогда отшельник призвал облако и сказал девушке:

— Дочка! Я выдам тебя за него.

Та возразила:

— Оно от природы черное и холодное. Выдай меня не за него, а за другого, получше.

Тогда отшельник спросил облако:

— О облако! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

Облако ответило:

— Сильнее меня — ветер.

Тогда, призвав ветер, он сказал:

— Дочка! Я выдам тебя за него.

Та ответила:

— Отец, он слишком непостоянен. Приведи же кого-нибудь другого, посильнее.

Отшельник сказал:

— О ветер! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

Ветер ответил:

— Сильнее меня — утес.

Тогда отшельник призвал утес и сказал девушке:

— Дочка! Я выдам тебя за него.

Та сказала:

— Отец! Он от природы тверд и неподвижен. Выдай меня за другого.

Отшельник спросил утес:

— О царь гор! Есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

Утес ответил:

— Сильнее меня — мыши.

Тут отшельник призвал мышонка, показал его дочери и сказал:

— Дочка! Нравится тебе этот мышонок?

А та, увидев его и подумав: «Он — мой сородич!» — сказала с поднявшимися на теле волосками:

— Отец! Преврати меня в мышку и выдай за него, чтобы я исполняла обязанности хозяйки, установленные для моего рода.

И силой своей святости он превратил ее в мышку и выдал за мышонка.

Поэтому я и говорю: «Большую гору, солнце, ветер...»

И вот, не обратив внимания на слова Рактакши, они, на погибель собственного рода, ввели Стхирадживина в свою крепость. И когда его ввели, Стхирадживин подумал, смеясь про себя:

«Науки поведения знаток из них единственный,
Совет он верный дал: «Убить Стхирадживина следует!»

Поэтому, если бы они послушались его, их не постигло бы ни малейшее несчастье».

Между тем, достигнув входа в крепость, Аримардана сказал:

— Эй, эй! Предоставьте нашему доброжелателю Стхирадживину то место, какое он захочет.

Услышав это, Стхирадживин подумал: «Я ведь должен найти средство погубить их, но, находясь внутри, не смогу достичь этого, потому что они изучат все мои повадки и будут внимательны. Поселившись же у входа в крепость, я исполню задуманное». Решив так, он сказал царю сов:

— Божественный! Хороши слова господина. Однако и я знаком с разумным поведением и желаю тебе добра. Даже тот, кто предан и чист, все равно не должен жить в крепости. Поэтому, оставшись здесь, у ворот, я день за днем буду служить тебе, очищая свое тело прахом от ног твоих, подобных лотосам.

И когда с ним согласились, слуги повелителя сов стали по приказу своего царя каждый день, после собственной трапезы, приносить Стхирадживину превосходную мясную пищу. Так через несколько дней он стал сильным, как павлин. И, увидев откормленного Стхирадживина, Рактакша с изумлением сказал всем министрам и царю:

— Увы! Глупы, как мне кажется, все твои министры и ты сам. Сказано ведь:

Сначала я глупа была! Потом понщик мой сгупил,
Глупцы и царь с советником... Все надурили, кто тут был!

Его спросили:

— Как это?

Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

— В окрестностях одной горы росло большое дерево. Жила там птица, помет которой превращался в золото. Как-то раз пришел туда один охотник. И птица эта выпустила перед ним помет, который, едва упав на землю, превратился в золото. Увидев это, удивленный охотник подумал: «Да! С самого детства занимаюсь я ловлей птиц и за восемьдесят лет ни разу не видел золота в птичьем помете». И он привязал сеть к этому дереву. А глупая птица, ни о чем не подозревая, села на дерево, как всегда, и в то же мгновение попала в сеть. Тогда охотник освободил ее из сети, посадил в клетку и принес к себе до-

мой. Тут он подумал: «Что делать мне с этой птицей, грозящей опасностью? Ведь стоит кому-нибудь узнать о ней и рассказать царю, как жизнь моя подвергнется опасности. Поэтому я сам все расскажу царю о птице». Так охотник и сделал. А царь, чьи глаза при виде этой птицы уподобились распустившимся лотосам, возродился великой радостью и сказал:

— Эй, стражники! Хорошенько охраняйте эту птицу. Давайте ей еду, питье и все, что она пожелает.

Но тут его советник сказал:

— К чему нам эта птица,— ведь мы взяли ее, вняв нескольким словам охотника, который не заслуживает доверия. Разве бывает когда-нибудь золото в птичьем помете? Освободите же птицу из клетки.

И когда, послушавшись министра, царь освободил птицу, она уселась на высокую створку двери и выпустила золотой помет. А затем, прочитав стих: «Сначала я глупа была...» — птица улетела, куда ей хотелось.

Поэтому я и говорю: «Сначала я...»

Но и тогда, гонимые враждебной судьбой, они снова не обратили внимания на полезную речь Рактакши и продолжали давать Стхирадживину много мяса и другой разнообразной пищи.

Тогда Рактакша тайно собрал своих приверженцев и сказал:

— Увы! Конец приходит благополучию нашего владыки, и близка гибель его крепости, несмотря на то что я наставлял царя и выполнил долг наследственного

советника. Давайте же отправимся теперь в другую горную крепость. Сказано ведь:

Кто мыслит о грядущем — успокоится,
Беспечный, беспечальный — опечалится...
Я здесь, в лесу, успел уже состариться,—
А говорящих нор еще не слыхивал!

Те спросили:

— Как это?

Рактакша рассказал:

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

— Жил в окрестностях одного леса лев Кхаранакхара (что означает «с острыми когтями»). Как-то раз, бродя по лесу с исхудавшей от голода шеей, он не нашел никакой добычи. И, достигнув к вечеру большой горной пещеры, он вошел в нее и подумал: «Ночью в эту пещеру непременно кто-нибудь придет. Поэтому я спрячусь и буду здесь сидеть». И вот хозяин пещеры, шакал Дадхимукха (что значит «с мордой, белой, как творог»), начал кричать у входа:

— Эй, нора! Эй, нора! —
Сказав это, он помолчал немно-
го и снова произнес:— Ну, раз-
ве ты забыла, что мы с тобой

заключили договор? Когда я возвращаюсь, то должен у входа окликнуть тебя, а ты должна мне ответить. Раз ты сегодня не отвечаешь, я пойду в другую нору, которая будет говорить со мной.

И, услышав шакала, лев подумал: «Очевидно, нора эта всегда приветствует его, когда он возвращается. Сегодня же она молчит из страха передо мной. Ведь сказано об этом:

Объятый страхом, ужасом трепещет в неподвижности:
Бежал бы он, кричал бы он — немеет цепенеющий!

Поэтому я сам приветствую его. Пусть он, откликаясь на зов, войдет сюда и послужит мне пищей».

Решив так, лев приветствовал шакала. И эхо от львиного рева прокатилось по окрестностям, напугав даже тех обитателей леса, что жили далеко от пещеры. А убегающий шакал прочел стих: «Кто мыслит о грядущем — успокоится...»

Подумайте же об этом и идите со мной.

Решив так, Рактакша в окружении своих приверженцев отправился в другую отдаленную местность.

Когда же Рактакша ушел, Стхирадживин очень обрадовался и подумал: «Да! Счастье, что ушел Рактакша. Он дальновиден, а остальные совы безрассудны. Теперь мне легко будет их уничтожить. Сказано ведь:

«Вот враг пролез в советники!» — Так судят мудрые о том, Кто, бросив дело нужное, спешит дорожкой ложною».

Подумав так, он каждый день стал приносить из леса в свое гнездо по одному куску дерева, чтобы сжечь сов

в пещере. А глупые совы не знали, что он носит куски бревен, чтобы сжечь всех их. И хорошо ведь говорится:

Кто вступит в дружбу с недругом, а с другом враждовать
начнет —

Лишится друга старого, а нового... и не было!

И вот, когда у входа в крепость была собрана целая груда веток, Стхирадживин на восходе солнца, как только совы перестали видеть, быстро прилетел к Мегхаварне и сказал:

— Господин! Я подготовил все для пожара в пещере врагов. Иди же вместе со спутниками, и пусть каждый из вас возьмет из леса по куску дерева, зажжет его и бросит в мое гнездо у входа в пещеру. Тогда все враги погибнут от огня словно в аду Кумбхипака*.

Услышав это, обрадованный Мегхаварна сказал:

— Отец! Расскажи, что с тобой было. Ведь давно я не видел тебя.

Тот отозвался:

— Дитя! Сейчас не время для разговоров. Как бы какой-нибудь вражеский лазутчик не рассказал, что я пришел сюда. Тогда, проведав об этом, слепой удалится в другое место. Поэтому спеши, спеши! Сказано ведь:

На медленность излишнюю, где надо быстро действовать,
Разгневаются вышние и замыслы нам спугают!..

Когда же ты убьешь врагов, я вернусь домой и спокойно расскажу обо всем.

И, выслушав его слова, Мегхаварна и его спутники взяли в клюв по одному пылающему куску дерева и, достигнув входа в пещеру, подожгли гнездо Стхирадживина. И тут все совы, вспоминая слова Рактакши, погибли словно в аду Кумбхипака. А Мегхаварна, искоренив врагов, снова вернулся в свою крепость на баньяновом дереве.

И тогда, сидя на троне в центре собрания, он с радостью в сердце спросил Стхирадживина:

— Отец! Как проводил ты время среди врагов? Ведь:

Отрадней в жарком пламени сгореть благочестивому,
Чем хоть мгновение одно с врагом-злодеем путаться!

Я думаю, что жить вместе с врагом — все равно что исполнять обет «лезвие меча»*.

Тот ответил:

— Это верно. Однако нигде я не встречал такого сборища дураков. Не было среди них ни одного умного, кроме Рактакши, мудрого и никем не превзойденного во многих науках. Лишь он узнал, какие у меня были замыслы. Что же до остальных министров, то все они — великие глупцы. Они являются министрами — лишь на словах, и нет у них истинного знания. Им даже не известны подобные правила:

Не доверяй слуге врага!
К хозяину привязанный,
Все сделать, как приказано,
Злоумышляет тот слуга.

Пока беспечный пьет и ест,
Лежит, гуляет и сидит —
Грозят враги из разных мест
И явные и тайные!

Все люди разума должны, пока злопамятствует враг,
Усердно охранять себя — пристанище трех главных благ!

И хорошо ведь говорится:

Кого излишества не заставят —
Страдать жестоко?
И в чьих ошибках не виновен
Дурной советник?

Кого удача не превозносит
И смерть не губит?
Кого, как щепку, не сжигает
Страстям потворство?

Ленивый — славы своей убийца,
Неверный — дружбы,
Свой род калека уничтожает,
А скряга — совесть.
Корыстный губит благополучье,
Распутник — разум,
А мощь владыки — дурной, неумный
Советник губит!

Поэтому, о царь, общаясь с врагом, я словно исполнил обет «лезвие меча». То, что ты сказал, я испытал на себе. Сказано ведь:

Коль нужно это мудрому — врага он вскинет на плечи,—
Так черный змей — громадина — сгубил лягушек множество!

Мегхаварна спросил:

— Как это?

И Стхирадживин рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

— Жил в одной местности старый черный змей по имени Мандавиша (что означает «со слабым ядом»). Он стал думать, как бы ему без большого труда добывать себе пропитание. И вот подполз он к пруду, где жило много лягушек, и притворился, будто не знает, как ему поступить. Тогда одна лягушка приблизилась к берегу и спросила его:

— Дядя! Почему ты сегодня не бродишь в поисках пищи, как бродил прежде?

Змей ответил:

— Дорогая! Как могу я, гонимый судьбой, сейчас думать о пище? Этой ночью, бродя в поисках вечерней пищи, я нашел

лягушку и бросился ее догонять. Увидев меня, она, в страхе за свою жизнь, скрылась среди брахманов, погруженных в чтение вед, и я не мог ее отыскать. Сын одного из этих брахманов сидел на берегу пруда. Я по ошибке принял его большой палец за лягушку и укусил его. Мальчик тотчас отошел в небытие, и его опечаленный отец проклял меня: «Злодей! Ты укусил моего невинного сына — вози же на себе лягушек и живи тем, что они дадут тебе из милости». Вот я и приполз сюда, чтобы возить вас.

Тогда лягушка передала его слова всем другим лягушкам, а они с радостью в сердце пошли к царю лягушек Джалападе (что означает «с ногами в воде») и рассказали ему обо всем. Тот подумал: «Вот чудеса!» — и, окруженный министрами, поспешно вылез из пруда и забрался на капюшон Мандавиши. Все же остальные лягушки, и стар и млад, влезли к змею на спину. К чему много слов? Те, которым не нашлось места, бежали вслед за ним. А Мандавиша, рассчитывая насытиться, показывал им всевозможные приемы ползанья.

Но вот на следующий день, чтобы обмануть лягушек, Мандавиша стал ползти медленно-медленно. Видя это, Джалапада спросил:

— Дорогой Мандавиша! Почему сегодня ты везешь нас не так быстро, как раньше?

Мандавиша сказал:

— Божественный! Я голоден, и потому сегодня нет у меня сил возить вас.

Тогда тот сказал:

— Дорогой! Поешь маленьких лягушек.

Услышав это и всем телом дрожа от радости, Мандавиша поспешно ответил:

— Ведь на это и осудил меня брахман своим проклятием. Оттого я и радуюсь твоему повелению.

И вот он беспрепятственно стал пожирать лягушат, и через несколько дней силы к нему вернулись. Тогда он сказал радостно, смеясь про себя:

Лягушек малых множество
Мне на съеденье предано,
Я пищею невредною
Снабжен на сколько времени!

А Джалапада, чей рассудок был обманут лживой речью Мандавиши, ничего не замечал. Между тем приполз в те места другой большой черный змей. И, увидев, как Мандавиша возит лягушек, он удивился и сказал:

— Приятель! Те, что служат нам пищей, катаются на тебе. Вот чудеса!

Мандавиша сказал:

Зачем катаю лягушат? Таится хитрый здесь обман,—
И жду я часа своего, как мудрый лицемер-брахман!

Тот спросил:

— Как это?

Мандавиша рассказал:

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

— Жил в одном селении брахман Яджнядатта. Его распутная жена всем сердцем была привязана к другому. Постоянно готовила она для своего любовника пирожки с сахаром и маслом и за спиной супруга относала их ему. Но как-то раз муж заметил это и спросил:

— Дорогая! Что за яства ты готовишь и кому постоянно носишь их? Скажи правду.

А она, не смутившись, ответила супругу лживыми словами:

— Есть здесь неподалеку храм блаженной Девы*. Совершая пост, я подношу ей в жертву изысканные и превосходные кушанья.

И, взяв приготовленную пищу, она на глазах мужа отправилась к храму Девы, подумав: «Благодаря этому рассказу о Деве муж решит: «Моя брахманка постоянно носит блаженной отборную пищу». И, придя к храму Девы, она спустилась к реке совершить омовение. Между тем, пока она совершала омовение, муж ее пришел туда другой дорогой и, никем не замеченный, спрятался за статуей Девы. А брахманка, искупавшись, подошла к храму, совершила омовение, умащивание, воскурения, жертвоприношения и другие обряды и, поклонившись Девы, сказала:

— Блаженная! Как сделать, чтобы муж мой ослеп?

Услышав это, брахман, стоявший за спиной Девы, изменив голос, сказал:

— Если ты постоянно будешь кормить его жирными пирожками и другими яствами, он скоро ослепнет.

Тогда развратница, обманутая лживой речью мужа, стала то и дело угощать его. И вот однажды брахман сказал:

— Дорогая! Я плохо вижу.

Услышав это, она подумала: «Вот она — милость Девы!» Тогда дорогой ее сердцу любовник рассудил так: «Что сделает мне этот слепой брахман?» — и стал безбоязненно приходить к ней. И вот однажды брахман, увидев, что вошел возлюбленный жены и приблизился к ней, схватил его за волосы и до тех пор колотил дубинкой и ногами, пока тот не отошел в небытие. А у своей порочной жены он отрезал нос и выгнал ее из дома.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ШЕСТНАДЦАТОГО)

Поэтому я и говорю: «Зачем катаю лягушат?..»
И затем, смеясь про себя, Мандавиша снова сказал:
— Эти лягушки, и большие и малые, служат мне
пищей.

Услышав эти слова, очень обеспокоенный Джалапада подумал: «Что это он сказал?» И спросил змея:

— Дорогой! Что за враждебные слова ты сказал?
А тот, чтобы скрыть свои замыслы, ответил:

— Ничего.

И так Джалапада, обманутый лживой речью Мандавиши, не заметил его злого замысла. К чему много слов? Столько лягушек истребил этот змей, что некому было даже продолжать их род.

Поэтому я и говорю: «Коль нужно это мудрому...»
Так вот, царь! Как Мандавиша перехитрил и погубил
лягушек, так и я погубил всех врагов. Хорошо ведь го-
ворится:

Не может и пожар лесной,
Деревьев корни повредить,
А бурная река волной
С корнями вырвет дерево!

Мегхаварна сказал:

— Это так. И еще сказано:

Ведь в том-то и величие всех мудрецов прославленных,—
Что в бедствиях дела бросать — у мудрых не в обычае!

Тот сказал:

— Это так, божественный! Счастлив ты, что доводишь до конца все начатое. Ведь не одна отвага при-

водит к цели,— для победы необходимо и знание. Ска-
зано же:

Не до конца ведь побеждает в борьбе оружие,—
Победу полную дарит лишь знание дела:
Оружие может уничтожить всего лишь тело,
А знание — род врага и славу и мощь разрушит **.

Поэтому те, кто наделен знанием и отвагой, без
труда достигают своей цели. Ведь известно:

Тогда удача ждет
И знает муж,
Что с делом освоится,
Когда спокоен ум,
И мысль ясна,
И память проявлена!
Внимателен к речам
Разумный муж,
К суждениям правильным,
И радуется он,
И за дела
Наград удостоится! **

Поэтому тот лишь владыка, кто разумен в поступках,
щедр и отважен.

Мегхаварна сказал:

— Несомненно, наука разумного поведения быстро
приносит плоды. Ведь руководствуясь ею, ты проник
к Аримардане и истребил его вместе с подданными.

Стхирадживин ответил:

Нам в поступках
Необходима твердость.
Но сначала
Следует быть помягче,—
Царь деревьев,
Самый высокий в чаще,
Нами срублен —
После молитв горячих! **

И как бы ни было ничтожно дело, разумный не должен быть беспечным. Ведь:

— К чему усилия? — Не трудно вто!..

— Нужна ли бдительность? — Нам не до этого...

Так рассуждают полные беспечности.

Впоследствии же будут горько сетовать!

Поэтому, победив врагов, мой повелитель сможет уснуть сегодня, как прежде. И верно говорят:

Приятно лечь в постель свою,

Пока не видел в доме змей,

А если увидал змею —

Попробуй-ка заснуть сумей!

А также:

Пока достойный муж, надежд исполненный,

Решительный и стойкий,

Всех дерзких замыслов своих не воплотит

И предвещаний стольких

И не достигнет благ, ему давно желанных —

Почета, силы, власти,—

Как может он найти покой, почить —

И помышлять о счастье?

Итак, теперь я окончил начатое дело, и сердце мое полно радости. Охраняй же своих подданных, владей зонтом и трон^{*} и долго наслаждайся царством, свободным от врагов, и неизбежно переходящим из поколения в поколение, к сыновьям и внукам. И помни:

Не охраняющего слуг

Царя — так бесполезна власть,

Как бесполезен, пуст сосок

На шее у худой козы!

А также:

Царю, склонному к добру, а не к мерзости,

Дружбой с мудрыми озаренному,—

Будет зонт с опахалом царственным

Много лет служить, счастье дарствуя!

И пусть не овладевает твоей душой опьянение сла-
вой при мысли: «Я получил царство!» Ведь непостоян-
но царское могущество. Словно тростник, с трудом под-
нимается счастье царя, а падает в одно мгновение, и
тогда трудно удержать его сотнями усилий. Как хоро-
шо ни охраняй его, оно под конец обманет. Как мысли
обезьяньего племени, переменчиво царское могущество;
держится непрочно, как вода на лепестке лотоса; ме-
няется, как направление ветра; кратковременно, как
союз с неблагородным; с ним трудно обращаться, как с
ядовитой змеей; оно красиво лишь на миг, как очерта-
ния вечерних облаков; недолговечно по природе, как
вереница пузырей на воде; неблагоприятно, как все, наде-
ленное плотью; и мгновенно исчезает, как груда бо-
гатств, явившихся во сне. Итак:

Когда цари венчаются на царство —
Пусть поразмыслят о грядущих бедах.
Ведь льются при помазанье нередко
С водою вместе тяжкие несчастья**.

Итак, достигнув царского счастья, подвижного, как
уши опьяненного слона, вкушай это счастье, преданный
одной только мудрости.

И здесь окончена третья книга под названием «О во-
ронах и совах», повествующая о мире, сражении и дру-
гих способах ведения государственных дел. Первый
стих ее гласит:

Вчерашнему врагу — сегодня другу
Не слишком верь: грозит тебе отищенье!
Злодеек-сов огнем сожгли вороны,
Погибли совы в собственной пещере...

IV
УТРАТА
ПРИБРЕТЕННОГО

Достойно!

Здесь начинается четвертая книга под названием «Утрата приобретенного». Вот ее первый стих:

Кто выпустит добро из рук,
Словам доверившись,— глупец!
Как обезьяною дельфин,
Обманут будет под конец **.

Царевичи спросили:

— Как это?

Вишнушарман рассказал:

— Росло около моря большое дерево джамбу*, всегда покрытое плодами. Жила на нем обезьяна Рактамукха (что означает «с красным лицом»). И однажды дельфин Викараламукха (что означает «с безобразным лицом») выбрался из воды и улегся под этим деревом на краю берега, покрытого мелким песком. Тогда Рактамукха сказала:

— Ты — мой гость, и я угощу тебя плодами джамбу, подобными нектару. Отведай же их. Сказано ведь:

Дурной ли гость, хороший ли
В час жертвы всем богам * пришел,—
Невежда ли, ученый ли —
Дорогой к небу служит он!

Во время жертвы всем богам и шраддхи * — не расспрашивай,
Кто гость твой и откуда он.— Так Ману нам советует **.

А также:

Кто гостя утомленного,
Издали пришедшего,
От сердца встретит ласково —
Узнает счастье высшее! **

И кроме того:

Откуда, плохо встреченный, гость выйдет опечаленным —
Жилье покинут пращурь, укор богов — хозяину!

Сказав это, она дала ему плоды джамбу. А тот, поев их и вдоволь насладившись приятной беседой с обезьяной, снова отправился к себе домой. И так обезьяна с дельфином зажили счастливо, проводя время в тени джамбу и постоянно ведя достойные беседы о разных вещах. А оставшиеся несъеденными плоды джамбу дельфин приносил домой и отдавал жене. И вот как-то раз жена спросила его:

— Где достаем ты такие плоды, подобные нектару?

Дельфин ответил:

— Дорогая! У меня есть лучший друг — обезьяна Рактамукха. Она и дает мне эти плоды как другу.

Тогда его жена сказала:

— Кто постоянно питается такими нектарными плодами, у того и сердце должно быть подобно нектару. Поэтому, если тебе дорога твоя супруга, принеси мне

сердце обезьяны — я съем его и, избавившись от старости и других бед, буду наслаждаться с тобой.

Он сказал:

— Дорогая! Во-первых, эта обезьяна стала нашим братом. Во-вторых, она дает нам плоды. Поэтому нельзя ее убивать. Откажись же от своего неисполнимого желания.

Жена сказала:

— Ты никогда еще мне не перечил. Так, наверное, эта обезьяна — женщина! Из любви к ней ты и проводишь с нею весь день и не хочешь теперь выполнить мое желание. Должно быть, поэтому, соединяясь со мной ночью, ты всегда выпускаешь вздохи, горячие, как пылающий огонь, и ты кажешься вялым, когда сжимаешь меня в объятиях и целуешь. Несомненно, сердце твое занято другой женщиной.

Тогда, очень обеспокоенный, дельфин сказал жене:

Склонился я к ногам твоим и равен стал рабам твоим!
Как жизнь моя, мила ты мне! Что ж ненависть — оплата мне?

А она, услышав его речь, ответила ему, заливаясь слезами:

Другую женщиной ты соблазнен,
Супруг неверный!
И в сердце держишь ты ее одну
С ее соблазном...
И нету места мне в твоей душе
И в сердце страстном!..
Зачем же падаешь мне в ноги,
О лицемерный?

Кроме того, если ты не любишь эту обезьяну, то почему не хочешь убить ее, хотя я так прошу тебя об этом? Если же это — мужчина, то что за дружба у тебя с ним? К чему много слов? Если я не съем сердца

обезьяны, то перестану принимать пищу и погибну по твоей вине.

А он, услышав ее решение и обуреваемый беспокойными мыслями, сказал:

— Увы! Хорошо ведь говорится:

Цемент, жена, рак и дурак, да рыба вонь, да пьяница,
Да индиго,— привяжется — надолго уж останется!

Что же мне делать? Как совершить это убийство?

Так раздумывая, он пришел к обезьяне. А обезьяна, видя, что дельфин пришел поздно и очень обеспокоен, сказала с тревогой:

— О друг! Почему ты пришел сегодня так поздно? Почему не говоришь радостно и не произносишь разных хороших изречений?

Тот ответил:

— Друг, сегодня жена твоего брата сказала мне суровым голосом: «О неблагодарный! Не показывай мне своего лица. Каждый день ты проводишь со своим другом, а сам не даешь ему даже взглянуть на двери своего дома. Поэтому нет тебе искупления. Сказано ведь:

Клятвопреступник, пьяница, убийца брахмана и вор
Сумеют грех свой искупить. Неблагодарный никогда! **

Поэтому в знак благодарности приведи к нам моего деверя. Иначе мы свидимся с тобой на том свете». Выслушав ее, я пришел к тебе. Вот у меня и ушло столько времени, пока я ссорился с нею из-за тебя. Приходи же в мой дом. Жена твоего брата приготовила почетное место для гостя, одела подходящие для этого случая одежды, драгоценности, рубины и другие украшения, увешала двери почетными венками и с нетерпением ждет тебя.

Обезьяна сказала:

— О друг! Хорошо сказала супруга моего брата.
Ведь:

Шесть признаков у дружбы есть:
Делиться тайной, вопрошать,
Давать, и брать, и угощать,
И за столом у друга есть! **

Однако я — лесной житель, а твой дом — в воде. Как же я могу идти туда? Поэтому приведи сюда супругу моего брата, а я поклонюсь ей и выслушаю ее желанную речь.

Дельфин ответил:

— Друг! Дом наш — на краю моря у прекрасного берега. Ты можешь легко взобраться мне на спину и без страха пуститься в путь.

А обезьяна, услышав это, с радостью сказала:

— Дорогой! Если так, то поспеши. К чему медлить? Вот я уже на твоей спине.

И когда они отправились в путь, обезьяна, видя, что дельфин плывет по бездонному морю, сказала с бьющимся от страха сердцем:

— Брат! Плыви медленней. Морские волны омывают мое тело.

Услышав слова обезьяны, дельфин подумал: «Если она перестанет держаться за мою спину, то не проплывет и пяди по глубокому морю. Итак, раз она в моей власти, я открою ей свое намерение, — пусть она вспомнит бога-хранителя». И он сказал:

— Друг! Вызвав в тебе доверие, я понес тебя сюда, чтобы убить по приказанию жены. Вспомни же бога-хранителя.

Обезьяна сказала:

— Брат! Чем я провинилась перед нею или перед тобой, что меня задумали погубить?

Дельфин ответил:

— О! она жаждет съесть твое сердце, ставшее столь сладостным от плодов, полных нектарного сока. Поэтому я и поступил так.

Тогда обезьяна, сохранив присутствие духа, сказала.

— Дорогой! Если так, почему же ты раньше, на берегу, не попросил меня взять с собой мое столь сладкое сердце — ведь оно лежит в дупле дерева джамбу. Напрасно ты принес меня сюда, раз нет со мной сладкого сердца, и вместо него — пустота.

Услышав такие слова, дельфин с радостью сказал:

— Друг! Если так, дай мне это сердце, чтобы моя дурная жена съела его и перестала поститься. А я доставлю тебя к дереву джамбу.

Сказав так, он повернул назад и поплыл к тому дереву. А обезьяна, шепча сотни молитв разным богам, кое-как достигла морского берега, большими-большими прыжками взобралась на дерево джамбу и подумала: «Да! Спасена моя жизнь. Сегодня я словно родилась во второй раз». Тут дельфин сказал:

— О друг! Дай мне свое сердце, чтоб жена твоего брата съела его и перестала поститься.

Тогда, смеясь и браня его, обезьяна сказала:

— Тьфу, дурак! Предатель! Разве у кого-нибудь есть второе сердце? Уходи же в свое жилище и не приходи больше под это дерево джамбу. Сказано ведь:

Знай, что, коварного любя,
Ты губишь, предаешь себя:
Так самка мула, свой приплод
Неся во чреве, смерти ждет!

Услышав это, дельфин со стыдом подумал: «Увы, почему я, дурак, открыл ей свой замысел? Но если она

опять прислушается к моим словам, то я смогу еще раз завоевать ее доверие». Подумав так, он сказал:

— Друг! Ей не надо никакого сердца. Так я сказал в шутку, чтобы узнать, какие у тебя в сердце замыслы. Приходи же как гость в наше жилище. Супруга твоего брата ждет тебя, полная нетерпения.

Обезьяна сказала:

— О злодей! Уходи сейчас же отсюда. Никуда я не пойду. Ведь:

Нет тех грехов, что не свершит голодный!
В нужде забыты жалость и пощада.
Скажи-ка Приядаршане, приятель:
В колодец не вернется Гангадатта! **

Дельфин спросил:

— Как это?

Она рассказала:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Жил в одном колодце царь лягушек Гангадатта (что означает «данный Гангом»). Однажды, когда родичи стали притеснять его, он постепенно выбрался из колодца, поднявшись в ковше водочерпального колеса. Тогда он подумал: «Как бы мне отомстить этим родичам?»

И, думая так, он увидел черного змея Приядаршану (что означает «приятный на вид»), который полз в нору. Увидев его, он снова подумал: «Приведа этого черного змея туда, в колодец, я погублю всех родичей. Сказано ведь:

Одним поранился шипом —
другим его ты извлеки!
Когда ты устрaшен врагом —
скорей страви его с другим!»

Поразмыслив так, он подошел к входу в нору и крикнул:

— Иди сюда, Приядаршана, иди!

Услышав его, змей подумал: «Тот, кто зовет меня,— не из моего рода. Это не змеиный голос. А в мире смертных я ни с кем другим не общаюсь. Поэтому я останусь здесь и узнаю, кто он такой. Сказано ведь:

Нам завета́л Брихаспати
Подальше от такого быть,
Чья мо́щь и вла́сть, чьи помы́слы
Ни́кем из нас не узнаны.

Что, если это какой-нибудь заклинатель или знаток волшебных кореньев хочет вызвать меня и заковать в оковы? А может быть, это какой-то человек зовет кого-нибудь в союзники против своих врагов?»

И он спросил:

— Кто ты?

Тот ответил:

— Я повелитель лягушек Гангадатта и пришел к тебе заключить дружбу.

Услышав это, змей сказал:

— О! Не может того быть, чтобы трава заключила дружбу с огнем. Сказано ведь:

Кому врагом убитым быть
Судьбою предуказано —
Тот и во сне дрожмя дрожит
Перед убийцей будущим!

Гангадатта воскликнул:

— Да! Это правда. От природы ты — наш враг. Однако я пришел к тебе потому, что меня притесняют. Сказано ведь:

Когда все в жизни рушится и ты на грани гибели,
Возможно, и противник твой тебя спасет нежданно!

Змей спросил:

— Кто же притесняет тебя?

Гангадатта ответил:

— Родичи.

Змей спросил:

— Где твоё жилище: в озере, колодце, пруде или в водоеме?

Тот ответил:

— Мое жилище — в колодце.

Змей сказал:

— Тогда я не могу влезть туда. Если же я и влезу, то не останется места, где я мог бы убивать твоих родичей. Поэтому уходи. Сказано ведь:

Мы тем, что не испорчено, что может быть проглочено
И с пользой переварено,— питаться приохочены!

Гангадатта сказал:

— Пойдем со мной. Я сделаю так, что ты легко влезешь туда. У края воды в стенке колодца имеется просторное углубление. Заберись туда, и ты шутя сможешь ловить моих родичей.

Услышав это, змей подумал: «Я ведь стар и с трудом могу поймать даже одну мышь, да и то не всегда. Хорошо ведь говорится:

Когда и жизнь кончается, и доживаешь брошенный,
Придумай, как себя кормить, и не спеши отчаяться!»

Поразмыслив об этом, змей сказал ему:

— О Гангадатта! Если так, то веди меня к тому месту.

Гангадатта согласился:

— О Приядаршана! Я быстро приведу тебя туда и покажу тебе это место. Но ты должен щадить моих слуг. Ешь лишь тех, на кого я укажу.

Змей возразил:

— Дорогой! Отныне ты стал моим другом. Поэтому не бойся. Что ты хочешь, то я и сделаю.

С этими словами он выполз из норы, обнял Гангадатту и отправился вместе с ним. И вот, добравшись до колодца, змей с помощью ковша водочерпального колеса вместе с Гангадаттой достиг его жилища. Тогда Гангадатта поместил черного змея в углубление и показал ему своих родичей. И мало-помалу змей всех их съел. Когда же никого из них не осталось, он потихоньку уничтожил и некоторых доверившихся ему приверженцев Гангадатты. Тогда змей сказал:

— Дорогой! Твои враги уничтожены. Доставь же мне какую-нибудь пищу. Ведь ты привел меня сюда.

Гангадатта ответил:

— Дорогой! Ты исполнил долг дружбы. Возвращайся же теперь той же дорогой с помощью ковша.

Змей сказал:

— О Гангадатта! Нехорошо ты сказал. Как я вернусь? Нора, которая была моею крепостью, занята другими. Теперь я буду жить здесь, а ты давай мне по одной лягушке, хотя бы из числа своих слуг. Иначе я съем всех.

Услышав это, Гангадатта забеспокоился и подумал: «Увы! Что я наделал! Зачем привел его?! Ведь если я откажу ему, он всех съест. Поэтому я буду давать ему каждый день по одной лягушке,— пусть даже из числа моих друзей. Сказано ведь:

Когда разинут пасть враги на все твое — ты ласково
Их скромным даром успокой, как море — пламя адское! *

А также:

Как можно ради малого губить большое, целое?
Чтоб малым многое сберечь — вот это мудрость смелая! **

И, решив так, он стал ежедневно указывать змею на одну из лягушек, а тот, съев ее, съедал за его спиной еще одну. И хорошо ведь говорится:

Одетый в платье грязное
Не смотрит, где усядется,
А кто взаправду голоден,
Съедает все до крошечки!

И вот однажды, пожирая лягушек, он съел сына Гангадатты, лягушонка Сунадатту. Увидев это, Гангадатта стал громко сетовать. Тогда его жена сказала:

Что ты клянeshь судьбу свою,
Когда виновен сам во всем?
Скажи, где будет твой приют,
Когда погибнут близкие?

Теперь же подумай, как уйти отсюда или как убить змея.

И вот со временем все лягушки были уничтожены. Остался один Гангадатта. Тогда Приядаршана сказал:

— Дорогой Гангадатта! Я голоден, а лягушки все уничтожены. Дай же мне какую-нибудь пищу. Ведь ты привел меня сюда.

Тот ответил:

— О друг! Не беспокойся об этом, пока я жив. Пошли меня, и я приведу сюда из других колодцев всех лягушек, которые мне доверятся.

Змей ответил:

— Ведь тебя я не могу съесть, потому что ты мне словно брат. Если же сделаешь, что обещаешь, то будешь мне словно отец.

Так Гангадатта хитростью выбрался из колодца, а Приядаршана, оставшись там, с нетерпением ожидал его прихода.

И спустя много времени Приядаршана сказал ящерице, жившей в другом углублении того же колодца.

— Дорогая! Окажи мне небольшую услугу. Ведь давно ты знаешь Гангадату. Разущи же его в одном из водоемов и передай от меня следующее: «Приходи скорее хоть один, если другие лягушки не хотят идти. Не могу я жить здесь без тебя. Если же я причинил тебе зло, то добрые дела моей жизни — твои».

И, послушавшись, ящерица быстро нашла Гангадату и сказала ему:

— Дорогой! Твой друг Приядаршана с нетерпением ждет тебя. Скорей же возвращайся. Кроме того, во искупление причиненного тебе зла он дает тебе в залог добрые дела своей жизни. Возвращайся же со спокойным сердцем.

Выслушав ящерицу, Гангадатта сказал:

Нет тех грехов, что не свершит голодный!
В нужде забыты жалость и пощада.
Скажи-ка Приядаршане, приятель:
В колодец не вернется Гангадатта! **

И, сказав так, он отослал ее обратно.

Поэтому, о злой обитатель воды, и я, как Гангадатта, ни за что не пойду туда.

Услышав это, дельфин сказал:

— О друг! Не следует так поступать. Как бы то ни было, освободи меня от греха неблагодарности и приди

в мой дом. Иначе я из-за тебя перестану принимать пищу.

Обезьяна сказала:

— Глупец! Неужели я, видя опасность, сама пойду туда и погублю себя, подобно Ламбакарне*.

Дельфин спросил:

— Кто это Ламбакарна? Как погиб он, хоть и видел опасность? Расскажи мне об этом.

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Жил в окрестностях одного леса лев Каралакесара (что означает «со страшной гривой»). Был у него слуга — всегда следовавший за ним шакал Дхусарака (что означает «серый»). И однажды, сражаясь со слоном, лев получил очень тяжелые ранения. Он не мог даже шевельнуть лапой. А из-за этого ослабел и Дхусарака, шея его исхудала от голода, и однажды он сказал льву:

— Господин, меня так терзает голод, что я не в состоянии даже отодвинуть одну лапу от другой. Как же смогу я служить тебе?

На это лев ответил:

— О Дхусарака! Разыщи какое-нибудь существо, и, как мне ни худо, я убью его.

Услышав это, шакал отправился на розыски и, подойдя к одной близлежащей деревне, увидел осла Ламбакарну, который с трудом отщипывал на берегу озера редкие ростки дурвы. Тогда, подойдя близко, он сказал:

— Дядя! Прими мое почтение. Давно я не видел тебя. Почему ты так ослабел?

Ламбакарна ответил:

— О племянник! Что делать? Безжалостный красильщик изнуряет меня непомерным грузом и не дает ни горсточки пищи. И вот я ем здесь одни лишь ростки дурвы, покрытые пылью, и никак не могу насытиться.

Шакал сказал:

— Дядя! Если так, то я знаю прекрасное место, где протекает река и в изобилии растут побеги травы, подобные смарагдам. Иди и оставайся там — мы будем радостно проводить время вдвоем, наслаждаясь хорошими изречениями.

Ламбакарна ответил:

— О племянник! Хорошо ты сказал. Однако лесные жители убивают деревенский скот. Какая же польза в этом прекрасном месте?

Шакал сказал:

— Не говори так. Это место защищает ограда из моих лап, и никто другой не может туда проникнуть. Кроме того, там живут три ослицы; как и тебя, их измутил красильщик, и они лишены супруга. Они там стали упитанными и, достигнув расцвета юности, сказали мне: «О дядюшка! Пойди в какую-нибудь деревню и приведи нам подходящего супруга». Вот я и пришел увести тебя.

Тогда, услышав речь шакала, Ламбакарна, чье тело мучила любовь, сказал ему:

— Дорогой! Если так, то веди меня. Скорей пойдём туда. Хорошо ведь сказано по этому поводу:

Нет яда и нет нектара —
Сравнить с прекраснобедрою!
При ней — мы рая жители,
В разлуке с ней — как мертвые.

И вот он подошел ко льву, вместе с шакалом. А лев, увидев, что осел по своей непомерной глупости приблизился к нему на расстояние прыжка, от сильной радости перепрыгнул через осла и упал далеко за ним. Осел же, словно пораженный ударом грома и думая: «Что? Что это?» — еле ускользнул от льва и, по воле судьбы, остался невредимым. Когда же он оглянулся назад, то увидел неизвестное ему существо с налитыми кровью глазами, свирепое и внушающее великий страх, и, охваченный ужасом, быстро убежал в город.

Тут шакал сказал льву:

— Эй, в чем дело? Я видел твою силу.

Тогда удивленный лев ответил:

— Видно, я не приготовился к прыжку. Что же мне делать? Даже слон, на которого я прыгну, не сможет уйти.

Шакал сказал:

— Оставайся здесь и готовься к прыжку, а я снова приведу осла к тебе.

Лев сказал:

— Дорогой! Как сможет снова прийти сюда тот, кто увидел меня и ушел? Приведи же какое-нибудь другое существо.

Шакал ответил:

— К чему тебе заботиться об этом, когда я проявляю усердие?

Сказав так, шакал пошел следом за ослом и увидел, как тот блуждает на старом месте. А осел, увидев шакала, сказал:

— Эй, племянник! В том прекрасном месте, куда ты привел меня, я едва не погиб, по воле судьбы. Скажи, что это за ужасное существо, громоподобного удара которого я избежал?

Услышав это, шакал засмеялся:

— О дядя! Да ведь это ослица, охваченная безудержной любовью, поднялась, чтобы со страстью тебя обнять. А ты струсил и убежал. Тогда, пытаясь помешать тебе, она подняла копыто. Нет здесь иной причины. Иди же. Из-за тебя она решила воздерживаться от пищи и говорит: «Если Ламбакарна не станет моим супругом, я брошусь в огонь, или утоплюсь, или приму яд. Не могу я вынести разлуки с ним». Будь же милостив и ступай туда, не то ты будешь повинен в смерти женщины и прогневаешь Манматху*. Сказано ведь:

Победы, счастья свет стяг с макарой* несет,—

Его презреть опасно:

Глупцы, кто, в небеса мечтая вознестись,

Посмеют отвратиться!

Пойдут они бродить по всем путям,—

Кто обнажен, кто в красном,

Кто с черепом в руке, кто весь обрит,

А у кого — қосицы... *

И тогда, поверив его речам, он снова пошел вместе с шакалом. Хорошо ведь сказано:

Поступки безрассудные кто не осудит бдительно?

Но если рок преследует, не будешь рассудительным!

Так, обманутый сотней лживых речей, осел снова приблизился ко льву, который заранее приготовился к прыжку, и в то же мгновение был убит. Убив его,

лев оставил шакала для охраны, а сам пошел к реке совершить омовение. Тогда шакал в своей непомерной жадности съел уши и сердце осла. Когда же лев, омывшись и совершив положенные обряды, вернулся, то увидел, что у осла нет сердца и ушей, и, разгневавшись, сказал шакалу:

— Эй, негодяй! Зачем совершил ты неподобающее дело, съев у осла уши и сердце и превратив его в объедки?

Шакал смиренно ответил:

— Господин! Не надо так говорить. Ведь у него и не было ни ушей, ни сердца. А иначе разве мог бы он снова прийти сюда после того, как уже был здесь, сам видел тебя и в страхе убежал? Потому и говорят:

От вида твоего сбежав, от звука голоса дрожа,
Кто мог вернуться под конец? — Без сердца и ушей глупец!

И, поверив словам шакала, лев со спокойным сердцем поделился с ним мясом осла.

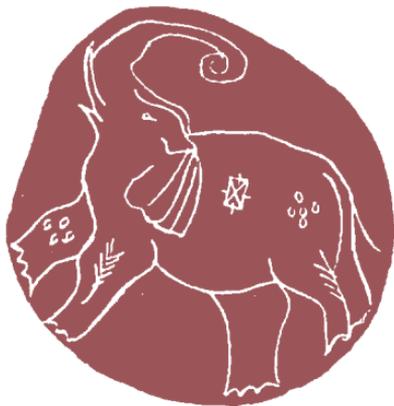
Поэтому я и говорю: «Я не осел Ламбакарна...» Итак, глупец, задуманный тобою обман расстроился, как у Юдхитхиры (что означает «стойкий в сражении») благодаря правдивой речи! Хорошо ведь говорится:

Когда обманщик вдруг начнет, забывшись, правду говорить,
Погубит все свои дела, как некогда Юдхитхира! **

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Жил в одном селении гончар. Как-то раз, пьяный, он побежал очень быстро и упал на острый край черепка от разбитого горшка. Острие черепка поранило ему лоб, и он с трудом поднялся, весь залитый кровью. Лечиться он не умел, и рана от черепка приняла безобразный вид. Между тем в стране настал голод, и гончар этот, исхудавший от недоедания, пошел с несколькими царскими слугами в другую страну и сделался слугою царя. А царь, видя на его лбу безобразный рубец от черепка, подумал: «Должно быть, это какой-нибудь храбрый человек. Ведь рана у него спереди, на лбу». Подумав так, он стал вы-

делять его среди всех особой милостью, награждать его дарами и другими почестями. А остальные наемники, видя эту чрезмерную милость к пришельцу, очень завидовали ему, но из страха перед царем ничего не говорили. И вот однажды, когда были собраны герои, снаряжены слоны, запряжены лошади и начались испытания воинов, владыка спросил того гончара:

— Эй, воин! Как тебя зовут? Кто ты родом? В какой битве получил ты эту рану на лбу?

Тот ответил:

— Божественный! Родом я — горшечник *, и зовут меня Юдхистхира. А рана эта не от меча. В моем дворе лежало в одном месте много черепков, и однажды, ослабев от хмельного питья, я побежал и упал на черепок. И затем рана от черепка приняла безобразный вид.

Тогда царь сказал:

— Увы! Обманул меня гончар, принявший вид воина. Пусть же его прогонят в шею.

Тут горшечник сказал:

— Божественный! Не делай так. Посмотри, как ловка моя рука в сражении.

Царь возразил:

— Пусть ты — кладезь всех достоинств, но все равно уходи. Сказано ведь:

Сынок! Учен ты и умен, да и отвагой наделен,
Да только родичи твои не совладают со слоном! **

Гончар спросил:

— Как это?

Царь рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Жила в одной местности пара львов. И вот львица родила двух детенышей. А лев постоянно убивал газелей и других животных и приносил их львице. Однажды, бродя по лесу, он ничего не поймал. Между тем блаженное солнце зашло за вершину Асты. Тогда лев отправился домой и по дороге встретил маленького шакаленка. «Он еще малыш»,— подумал лев, пожалел его и, осторожно взяв в зубы, принес его живым львице. Тогда львица сказала:

— О любимый! Принес ли ты что-нибудь поесть?

Лев сказал:

— Дорогая! Сегодня я ни-

кого не поймал, вот только этого шакаленка. Я подумал: «Ведь и он нашего рода, да к тому еще совсем маленький»,— и не убил его. Сказано ведь:

Аскетам, детям, женщинам, жрецам не причиняйте зла,
Когда к тому ж еще они доверия к тебе полны! **

— Если хочешь, съешь его, и ты насытишься.
А завтра я принесу что-нибудь другое.

Львица сказала:

— Любимый! Ведь при мысли: «Он еще совсем маленький»,— ты не убил его. Как же я погублю его, чтобы наполнить свое брюхо? Сказано ведь:

Пусть миг один осталось жить —
Неправого не сотвори.
Свой долг исполни до конца —
От века заповедь сия!

Поэтому он будет у меня третьим сыном.

И, сказав так, она стала заботливо кормить его грудью. Так эти три детеныша, не зная о том, что они разного происхождения, проводили детство в одинаковых занятиях и забавах. И как-то раз в тот лес пришел бродячий дикий слон. Увидев слона, оба львенка, разъяренные и жаждущие крови, двинулись на него. Тогда сын шакала сказал:

— Эй, стойте. Этот слон — враг нашего рода. Не надо нападать на него.

И, сказав так, он побежал к себе домой. А те, увидев, как струсил их старший брат, также пали духом. Хорошо ведь говорится:

Отважный — многих воинов
Поит в бою отвагою,
А трус один-единственный
Лишает многих мужества!

И затем оба брата пришли домой и со смехом рассказали родителям о том, как струсил старший брат:

— Стоило ему издали увидеть слона, как он скрылся.

Когда же шакал услышал это, сердце его наполнилось гневом, нижняя губа, подобная молодому ростку, задрожала, глаза стали темно-красными, брови наморщились в три складки, и он стал дерзко угрожать им. Тогда львица отвела его в уединенное место и принялась уговаривать:

— Дитя! Никогда не говори так. Ведь они — твои братья.

А он, еще больше разгневавшись из-за ее наставлений, сказал:

— Разве уступаю я им в отваге, красоте, познаниях, в науках или в ловкости, что они смеются надо мной? Поэтому мне непременно надо убить их.

Услышав это и желая сохранить ему жизнь, львица, смеясь про себя, сказала:

Сынок! Учен ты и умен, да и отвагой наделен,
Да только родичи твои не совладают со слоном! **

Слушай же меня внимательно, дитя: полная жалости, я вскормила тебя, сына шакалихи, своей грудью. Поэтому уходи поскорей и живи среди своих соплеменников, пока сыновья мои еще молоды и не знают, что ты — шакал. Иначе они убьют тебя, и ты пойдешь дорогой смерти.

И, услышав это, шакал с сердцем, полным страха, потихоньку ушел оттуда и присоединился к своим соплеменникам.

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ТРЕТЬЕГО)

Поэтому и ты поскорей уходи, пока эти храбрые воины не узнали, что ты горшечник. А иначе ты подвергнешься оскорблениям и умрешь.

И, услышав это, горшечник быстро убежал.

Поэтому я и говорю: «Когда обманщик вдруг начнет...» Тьфу! Дурак ты, что из-за женщины взялся за это дело. Ведь женщинам ни в коем случае нельзя доверять. Право же, хорошие рассказывают рассказ:

Родных своих оставил я,—
Полжизни ей пожертвовал.
Ушла, меня ославила...
Мужи, не верьте женщинам!

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— Жил в одном селении некий брахман. Была у него жена, которую он любил больше жизни. Каждый день она без устали ссорилась с его родными, и брахман, будучи не в силах выносить ссоры, покинул из любви к жене свою родню и пошел с брахманкой в другую, отдаленную страну. И когда шли они по большому лесу, брахманка сказала:

— Сын благородного! Меня мучает жажда. Принеси же откуда-нибудь воды.

Послушавшись ее, он достал воду и вернулся, но увидел жену мертвой. В своей безмерной любви к ней он предался печали и, когда сетовал, услышал голос:

— Брахман! Если ты отдашь половину своей жизни, то твоя брахманка будет жить.

Услышав это, брахман совершил очищение и, произнеся три слова, отдал половину своей жизни. И как было сказано, брахманка его ожила. Тогда, выпив воды и отведав лесных плодов, они отправились в путь и дошли до цветника в окрестностях одного города. Тут брахман сказал жене:

— Дорогая! Оставайся здесь, пока я не вернусь,— я пойду добыть пищу.

Сказав так, он ушел. Между тем один хромой, вертевший в этом цветнике колесо колодца, запел песню божественным голосом, и, услышав его, брахманка, пораженная Кусумешу *, подошла к нему и сказала:

— Дорогой! Если ты не полюбишь меня, то будешь так же виновен передо мной, как если бы ты убил брахмана.

Хромой сказал:

— На что я тебе изнуренный болезнью?

Она ответила:

— Зачем так говорить? Во что бы то ни стало ты должен соединиться со мной.

Услышав это, он так и сделал. И после любовного наслаждения она сказала:

— Отныне я отдалась тебе на всю жизнь. Знай это и иди вместе с нами.

Тот сказал:

— Пусть будет так.

Между тем брахман достал пищу, вернулся и вместе с женой принялся за еду. Тогда она сказала:

— Этот хромой голоден. Дай же и ему немного пищи.

И когда муж так и сделал, брахманка сказала:

— Брахман! И сам ты не имеешь спутников, и мне,

когда ты уходишь в другую деревню, не с кем даже поговорить. Возьмем же этого хромого и пойдем все вместе.

Брахман ответил:

— Я и сам-то едва тащусь. К чему нам еще этот хромой?

Она сказала:

— Я посажу его в корзину и понесу.

Тогда сердце брахмана поддалось ее лживой речи, и он согласился. И вот она стала носить хромого в корзине, и когда брахман однажды отдыхал на краю колодца, брахманка, привязанная к хромому, толкнула мужа, и он упал в колодец. А она взяла хромого и пошла в один город. Там царские слуги, которые бродили повсюду, собирая пошрины и охраняя жителей от воров, увидели у нее на голове корзину и, силой отняв ее, принесли к царю. Когда же царь приказал открыть корзину, то увидел в ней хромого. А брахманка с плачем пошла следом за царскими слугами. Тогда царь спросил ее:

— Что случилось?

Она ответила:

— Это — мой супруг. Его изнурила болезнь, измучили многочисленные родственники, и вот с сердцем, полным любви, я подняла его на голову и принесла к тебе.

Услышав это, царь сказал:

— Ты — моя сестра! Возьми две деревни и, вкушая наслаждения, живи счастливо с супругом.

Между тем по воле судьбы один добрый человек вытаскивал брахмана из колодца, и он, блуждая, пришел в тот самый город. Увидев его, злая жена сказала царю:

— Царь! Это пришел враг моего супруга.

И царь приговорил его к смерти. Тогда брахман сказал:

— Божественный! Она взяла нечто, принадлежащее мне. Если ты любишь справедливость, то заставь ее отдать.

Царь сказал:

— Дорогая! Если ты взяла что-нибудь, принадлежащее ему, то отдай.

Та ответила:

— Божественный! Я ничего не брала.

Брахман сказал:

— Верни мне половину моей жизни, которую я тремя словами отдал тебе.

Тогда из страха перед царем она пролепетала три слова:

— Я отдаю жизнь,— и лишилась жизни.

Тут удивленный царь спросил:

— Что это?

А брахман рассказал ему все, что перед тем произошло.

Поэтому я и говорю: «Родных своих оставил я...»

И снова обезьяна сказала:

— И еще рассказывают хороший маленький рассказ:

Когда пристанут женщины,
Чего мужья не сделают?
То ржут они, как лошади,
То неурочно бреются! *

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— Жил-был царь Нанда (что означает «радость»), славившийся своей силой и мужеством и владевший землей, окруженной морем. Диадемы многочисленных владык покрывали сетью блеска его скамью для ног, и слава его была незапятнана, как лучи осенней луны. Был у него советник по имени Вараручи (что означает «склонный к исполнению желаний»), постигший все науки. Как-то раз жена советника гневалась на мужа, затеяв с ним любовную ссору. И она никак не успокаивалась, хотя тот с необычайной любовью услаждал ее всеми способами. И вот супруг обратился к ней:

— Дорогая! Скажи, как умиловить тебя. Я непременно сделаю это.

Тогда, снизойдя наконец к нему, она сказала:

— Если ты обреешь голову и падешь к моим ногам, я склонюсь на милость.

И когда это было исполнено, она успокоилась.

Между тем и супруга Нанды тоже разгневалась и не успокаивалась, как ее ни склоняли на милость. Царь сказал:

— Дорогая! И мгновенья не могу я прожить без тебя. Вот я ищу милости, лежа у твоих ног.

Она сказала:

— Если я вложу тебе в рот уздечку, взберусь на твою спину и стану погонять тебя, а ты побежишь и заржешь, как лошадь, то я успокоюсь.

И все это было исполнено.

И вот утром Вараручи вошел к царю, сидевшему в собрании. Увидев его, царь спросил:

— О Вараручи! Почему ты обрил голову не в лунный день?

Тот ответил:

— Когда пристанут женщины...

Так же и ты, дурак, словно Нанда и Вараручи, попал под власть женщины. По ее настоянию ты попытался погубить меня. Но все это раскрылось благодаря твоей речи. И хорошо говорится:

Ведь за болтливость — пленники и попугай и сарика! *
А цапля — птица вольная; молчанье — благо высшее **.

А также:

Осел в тигровой шкуре жил — и стерегли и берегли,
Но криком выдал он себя — и нет его! Уже убит.

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

— Жил в одном селении красильщик Шуддхапата (что означает «имеющий чистые одежды»). Был у него осел, который совсем ослабел от недостатка пищи. И раз, бродя по лесу, красильщик увидел мертвого тигра и подумал: «Вот счастье привалило! Надену я ночью на осла эту тигровую шкуру и выпущу его в ячменное поле. А полевые сторожа подумают, что это тигр, и не станут гнать его». Так и было сделано — осел вволю наедался ячменя, а на заре красильщик снова отводил его домой. И с течением времени осел откормился так, что трудно стало даже вести его к стойлу.

Однажды осел услышал издали рев ослицы. Едва услышав ее, он сам начал реветь. Тогда полевые сторожа, узнав, что это — переодетый осел, убили его дубинками, камнями и стрелами.

Поэтому я и говорю: «Осел в тигровой шкуре жил...»

И как только обезьяна это сказала, пришел туда один водяной житель и сказал:

— О дельфин! Твоя супруга умерла, потому что перестала есть.

А дельфин, услышав это, стал горевать:

— Увы! Что случилось со мной, несчастным! Сказано ведь:

Без матери и без жены — без сладкоустой, любящей —
Скорей в лесу найдешь покой: ведь хуже леса дом такой!

Поэтому, друг, прости меня, если я в чем-нибудь провинился перед тобой. Разлученный с женой, я брошусь в огонь.

Услышав это, обезьяна отозвалась со смехом:

— Я и раньше знала, что ты подчиняешься женщине и попал под ее власть. Теперь это доказано. Глупец ты, что печалишься даже тогда, когда приходит радость. Да если умирает подобная жена, следует устроить праздник. Сказано ведь:

Жена, с которой ссоритесь, сварливая, опасная —
Не старость ли несчастная в унылом женском образе?

Не сходны речи с мыслями, а лица их с речами их,
А все повадки — с лицами... Какая странность — женщины!

Как рассудить о женщине?
На что пойдет подобная,
Еще в утробе собственной
Убить дитя способная!

О, лишь юнец неопытный
Сочтет женою доброю
Жестокою и грубую,
И любящей — безлюбую!

Дельфин сказал:

— Да! Это так! Но что же мне делать? Два несчастья постигли меня: одно — гибель дома, другое — ссора с другом. Впрочем, так и бывает с теми, кто гоним судьбой. Сказано ведь:

Хоть я умна, хоть опытна — но вдвое ты умней меня...
Пропал любовник! Муж пропал! Что ж — голая — уставилась?

Обезьяна спросила:

— Как это?

Дельфин рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

— Жил в одном селении землепашец с женой, и жена землепашца из-за старости своего супруга постоянно думала о других и никак не могла спокойно усидеть дома, стремясь лишь к чужим мужчинам. И вот заметил ее один вор, похищавший чужое добро, и заговорил с ней:

— Прекрасная! Жена моя умерла, и, глядя на тебя, я мучаюсь от любви. Даруй же мне все радости любовного наслаждения.

Тогда она ответила:

— О прекрасный! Если так, то у моего супруга много денег. А он от старости не способен даже двигаться. Поэтому я возь-

му его деньги и приду к тебе,— тогда мы уйдем в другое место и вкусим радость любовного наслаждения.

Вор сказал:

— Мне тоже это нравится. Обязательно приходи сюда на заре — мы пойдем с тобой в какой-нибудь хороший город и насладимся плодами этого мира.

Она согласилась, сказав:

— Да будет так! — и, улыбаясь, пошла к себе домой.

Ночью, когда супруг уснул, она взяла все деньги и на рассвете пришла к условленному месту. Тогда вор велел ей идти впереди, и они отправились к югу. Так, вкушая с нею радость приятных бесед, жулик прошел две йоджаны и, увидев впереди реку, подумал: «Что мне делать с этой женщиной,— ведь она уже почти состарилась? К тому же, вдруг кто-нибудь следует за ней? Тогда со мной случится большая беда. Возьму-ка я только ее деньги и уйду».

Подумав так, он сказал:

— Милая! Трудно переправиться через эту большую реку. Поэтому я сначала перенесу на тот берег только деньги, а потом вернусь, подниму тебя на спину и легко переплыву с тобой через реку.

Она ответила:

— Прекрасный! Делай так.

И вот он взял все деньги без остатка и снова сказал:

— Дорогая! Дай мне свое покрывало и нижнюю одежду, чтобы тебе легко было войти в воду.

И когда так было сделано, вор ушел туда, куда задумал, унеся с собой деньги и одежду.

А женщина, обхватив руками шею, с тревогой села на берегу реки. В это время пришла шакалиха с куском мяса во рту. Придя на берег, шакалиха осмотрелась и увидела, что на берегу реки лежит большая рыба, которая выскочила из воды. Увидев ее, она выпустила изо рта

мясо и побежала к ней. Между тем какой-то коршун схватил на лету кусок мяса и снова взлетел вверх. А рыба, увидев шакалиху, забралась в воду. И тогда голая женщина со смехом сказала шакалихе, которая смотрела на коршуна, поняв, что труды ее пропали:

Взял мясо коршун на обед, а рыба в воду канула...
Пропало мясо, рыбы нет!.. Чего глядишь, шакалиха?

Услышав это и видя, что женщина лишилась и супруга, и денег, и любовника, шакалиха с насмешкой сказала:

Хоть я умна, хоть опытна — но вдвое ты умней меня...
Пропал любовник! Муж пропал! Что ж — голая — уставилась?

И когда дельфин рассказывал это, снова пришел другой морской житель и сказал:

— Слушай! Твой дом захватил какой-то большой дельфин.

Услышав это, дельфин с великой печалью в сердце стал думать, каким образом выгнать врага из своего дома: «Увы! Поглядите, как враждебна ко мне судьба! Ведь:

Сначала друг стал недругом, потом жену я потерял,
И дом забрали у меня... Чего теперь бояться мне?

И хорошо говорится по этому поводу:

...Для уязвимых нет предела горю!

Вступить ли мне с ним в сражение или удалить его из дому, убедив уйти мягкой речью? Поссорить ли с другом или подкупить подарком? Спрошу я лучше своего друга обезьяну».

И он снова спросил обезьяну, которая влезла на дерево джамбу:

— О друг! Погляди, как я несчастлив. Даже дом мой теперь захвачен каким-то сильным дельфином. Вот я и спрашиваю тебя, что мне делать. Какой из способов здесь применить?

Обезьяна ответила:

— О неблагодарный! Зачем ты снова следуешь за мной, хотя я прогнала тебя? Такому дураку я даже не стану давать совет. Сказано ведь:

Совет разумный подавать остерегитесь дураку,—
Вот обезьяна глупая жилище птиц разрушила! **

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Жила в одном лесу пара птиц, свивших гнездо на ветке дерева. И однажды в месяце магха какая-то обезьяна, избитая в ненастье дождем и градом, дрожа всем телом от холодного ветра, подошла к этому дереву. В полном изнеможении, она стучала зубами и вся съежилась. И тогда воробья с жалостью сказала ей:

Двурукая, двуногая, человекоподобная!
Жилье построить долго ли, коль мучаешься холодом?

А та, услышав ее, подумала:
«Да! Сколь самодовольны живые существа, если даже эта ничтожная воробья такого высокого о себе мнения! И сказано по этому поводу:

Ничтожные созданыца и то гордыней давятся! —
Титтибха лапки поднял вверх: боится — небо свалится!»

Подумав так, она ответила воробьихе:

Проклятая распутница!
Злодейка востроносая!
Твой жалкий писк не вынесу,—
Твой дом поганый разнесу!

Но, несмотря на запрещение, воробьиха снова и снова продолжала беспокоить обезьяну, советуя ей построить жилище. И тут обезьяна взобралась на это дерево и на куски разнесла воробьиное гнездо.

Поэтому я и говорю: «Совет разумный подавать...»
Услышав это, дельфин ответил:

— О друг! Если я и причинил тебе зло, вспомни нашу прежнюю любовь и дай мне полезный совет.

Обезьяна сказала:

— Не буду я говорить с тобой — ведь, послушавшись жену, ты унес меня, чтобы бросить в море. Как сильно ни любят жену, разве станут по ее просьбе бросать в море друзей, родных и близких?

Услышав это, дельфин сказал:

— Если и так, друг, то все же «дружба — на семи шагах»*. Подумай об этом и укажи мне что-нибудь полезное. Сказано ведь:

Кто, ближнему сочувствуя, напутствует советами,
В мирах обоих, может быть, избегнет многих горестей!

Поэтому, как бы то ни было, окажи мне милость, несмотря на мою вину, и дай совет! Говорится ведь:

За помощь помощью воздать —
Тут никакой заслуги нет!
Кто помощью воздал за вред...
За то заслужит благодать!

Услышав это, обезьяна сказала:

— Дорогой! Если так, то пойдй туда и вступи
в битву с врагом! Сказано ведь:

Врагу тебя сильнее — покорись.

Героя — недруга — столкни с другим.

Того, кто ниже, — подкупи скорей.

На поединок — равного зови!

Дельфин спросил:

— Как это?

Она рассказала:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— Жил в окрестностях одного леса шакал Махачату-рака (что означает «очень ловкий»). Однажды он набрел в лесу на слона, умершего своей смертью. Со всех сторон обходил он его, но никак не мог прогрызть его грубую кожу. В это время лев, бродя повсюду, пришел в то место. И, увидев, как тот подходит, шакал коснулся земли округлым пучком волос на своей голове, соединил лотосы рук и смиренно сказал:

— Господин! Я — носитель твоего жезла. Для тебя стерегу я этого слона. Пусть же господин съест его.

Но лев возразил:

— Нет! Я никогда не ем того, кто убит другим. Поэтому я жалею тебе этого слона.

Услышав это, шакал радостно воскликнул:

— Так и подобает относиться господину к своим слугам.

И когда лев удалился, пришел один тигр. Увидев его, шакал подумал: «Одного злодея я отогнал, припав к его ногам. Как же теперь отогнать другого? Нет сомнений, что нельзя победить этого героя, не поссорив его с другом. Сказано ведь:

Когда не действуют дары, услуги, речи мягкие —
Врага с врагом втравив-ка в рознь, — пусть будут биты оба
врозь!»

Подумав так, шакал подошел к тигру и, слегка вытянув шею, поспешно сказал:

— Дядя! Как забрался ты в пасть смерти? Ведь слона этого убил лев и, поручив мне сбереечь его, пошел совершить омовение. Уходя, он сказал: «Если какой-нибудь тигр придет сюда, скажи мне потихоньку об этом, и я освобожу лес от тигров. Однажды какой-то тигр превратил в объедки слона, которого я убил и оставил без присмотра. С того дня я разгневан на тигров».

Услышав это, тигр, трепеща, сказал шакалу:

— О племянничек! Подари мне жизнь и, если даже лев не скоро вернется сюда, ничего не рассказывай ему обо мне. — Сказав так, он поспешно скрылся.

Когда же тигр убежал, туда пришел один леопард. Увидев его, шакал подумал: «У этого леопарда крепкие зубы. Поэтому я с его помощью разорву кожу слона». Решив так, он сказал:

— О племянник! Почему тебя давно не было видно? Почему ты выглядишь голодным? Ты — мой гость. Вот лежит слон, убитый львом. Лев поручил мне охранять его. Но все равно отведай мяса слона и, насытившись, быстрее уходи, пока лев не вернулся.

Леопард сказал:

— Дядя! Если и так, все равно не подходит мне это мясо. Ведь сотни благ видят вокруг себя живые существа, однако наслаждаться следует лишь тем, что нам подходит. Поэтому я уйду отсюда.

Шакал сказал:

— О малодушный! Доверься мне и ешь. Я предупрежу тебя о возвращении льва, когда тот еще будет далеко.

И вслед за этим, когда шакал увидел, что леопард разорвал кожу слона, он сказал:

— О племянник! Уходи, уходи! Возвращается лев. Услышав это, леопард быстро убежал.

И вот, пока шакал ел мясо слона через прорванную кожу, подошел другой шакал, сильно разгневанный. Увидев, что пришелец равен ему по силе, первый шакал прочел стих: «Врагу тебя сильнее — покорись...» — напал на него, изодрал его зубами и прогнал на край света. И долгое время он с радостью вкушал мясо слона.

Так и ты должен победить в битве своего врага-сородича и прогнать его на край света. А иначе он прочно укрепится и впоследствии сам тебя погубит. Сказано ведь:

Удоев от коровы жди, а от брахмана святости!
От женщины — измены жди, от родича — опасностей **.

И говорят ведь:

Полно там всякой вкусоности,
Полно и женской нежности...
Но даже и в стране чужой
Страшней чужих — сородичи!

Дельфин спросил:

— Как это?

Обезьяна рассказала:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

— Жила в одном селении собака Читранга (что означает «пестрая»). И вот настал там столь продолжительный голод, что собаки и другие существа стали вымирать. Тогда испуганная Читранга, с исхудавшей от голода шеей ушла в другую страну. Там в одном городе, пользуясь небрежностью жены некоего домохозяина, она каждый день проникала в ее дом и досыта наедалась всевозможных блюд. Но стоило ей выйти из того дома, как ее со всех сторон окружали другие опьяненные высокомерием собаки и рвали ее тело зубами. И вот она подумала: «Уж лучше жить на родине, где даже во время голо-

да живется легко и где никто не затевает драки! Поэтому вернись-ка я лучше в свое селение». И, подумав так, она пошла в родные края.

И когда она вернулась из чужой страны, родственники спросили ее:

— Расскажи, что это за страна? Какие там обычаи у людей? Какая пища? Как там проводят время?

Она ответила:

— Что сказать об этой стране? Полно там всякой вкусности...

И, выслушав этот совет, дельфин решил умереть, если придется; он попрощался с обезьяной, достиг своего жилища и вступил в бой с врагом, который проник в его дом и угрожал его жизни. Полный отваги и решимости, он убил его и, освободив свое жилище, счастливо жил там долгое время. Хорошо ведь говорится:

Искать ли счастья малого, не смея тронуть большее?
Травой, что роком послана, газель в тиши питается.

И здесь окончена четвертая книга под названием «Утрата приобретенного», первый стих которой гласит:

Кто выпустит добро из рук,
Словам доверившись,— глупец!
Как обезьяною — дельфин,
Обманут будет под конец **.

V

БЕЗРАССУДНЫЕ
ПОСТУПКИ

Достойно!

Здесь начинается пятая книга под названием «Безрассудные поступки». Вот ее первый стих:

Того, что плохо разглядел, не пробовал, не испытал,
Познать не смог,— не совершай, цирюльнику не подражай!

Царевичи спросили:

— Как это?

Вишнушарман рассказал:

— Есть в южной стране город Паталипутра *. Жил там начальник купцов Манибхадра (что означает «прекрасная драгоценность»). Хоть и занимался он делами, ведущими к добродетели, богатству, любви и освобождению *, но все же, по воле судьбы, лишился своего состояния. Разорившись, он непрерывно терпел унижения и очень горевал. И как-то раз ночью он подумал: «Увы! Будь она проклята, эта бедность! Сказано ведь:

Как вешний ветер с каждым днем везде
Красу зимы уродует и ранит,—
Так в попеченьях о еде, в нужде
Рассудок мудрецов скудеет, вянет!..

Не замечаем бедняка,
Хоть подле нас стоит и жив еще пока...
Как водяной пузырь, на миг,
На миг один возник,— и пропадает!..

Владыка вод бунтует своенравно,
Кто смеет упрекать владыку вод?
Богатого никто не упрекнет,
Что ни творит — все полноправно!»

И, поразмыслив так, он снова подумал: «Уж лучше я уморю себя голодом. К чему жить в бесполезных му-ченьях?» Решив так, он уснул.

И вот во сне взору его предстал клад лотоса *, принявший вид нищенствующего джайны, и сказал:

— О начальник купцов! Не приходи в отчаяние. Я — клад лотоса, заслуженный твоими предками. Утром я в этом же виде приду в твой дом. А ты убей меня, ударив дубинкой по голове. Тогда я превращусь в неистощимое золото.

И вот, проснувшись утром, купец стал думать о своем сне: «Да! Неизвестно, исполнится этот сон или не исполнится. Должно быть, он ложен, потому что день и ночь я только и думаю о богатстве. Сказано ведь:

Бесплодны сны объятого заботами, которого
Любовь, печаль измучили, хмельного или хворого!»

Между тем к жене его пришел некий цирюльник, чтобы почистить ей ногти. И когда он чистил ей ногти, внезапно появился нищенствующий джайна. Увидев его, Манибхадра с радостью в сердце ударил его по голове лежавшей рядом деревянной палкой. И тот сразу же упал на землю, превратившись в золото.

Тогда, поставив золотого джайну посреди дома и вознаградив цирюльника, купец сказал:

— Дорогой, никому не говори о том, что произошло в нашем доме.

Цирюльник обещал молчать, но, придя домой, подумал: «Несомненно, все эти монахи превращаются в золото, когда их ударяют по голове деревянной палкой. Поэтому наутро я приглашу к себе много монахов, убью их дубинками и получу много золота». Размышляя об этом, он едва дождался утра.

Когда же утро настало, цирюльник встал, пошел в монастырь нищенствующих джайнов, накрылся верхней одеждой, трижды обошел слева направо * изображение Джинны *, прополз на коленях по земле, взял в рот краешек накидки и, сложив ладони, громким голосом прочел следующий стих:

Пусть вечно джины славятся!
Познание — вот сила их —
От нового рождения
Премудрость оградила их!

Так и на много других ладов прославляя божество, он подошел к главному джайне, коснулся земли коленями и ступнями и произнес:

— Да будет слава! Приветствую тебя.

И тот благословил его на умножение добрых дел. Затем цирюльник с уважением сказал:

— Блаженный! Сегодня соизволь пожаловать вместе со всеми отшельниками в мой дом.

Тот ответил:

— О ученик! Зачем ты говоришь так? Ты ведь знаешь закон? Разве мы брахманы, что ты приглашаешь нас? Мы постоянно странствуем, чтобы поддерживать свое существование в этом мире, и, лишь увидев ученика, исполненного благочестия, заходим в его дом. Уходи же и больше так не говори.

Услышав его слова, цирюльник сказал:

— Блаженный! Я знаю это и сделаю так. Однако многие ученики воздают вам почет. Вот и я приготовил куски материи, подходящие для того, чтобы завертывать в них книги, и отложил деньги писцам за переписывание книг. Поэтому во что бы то ни стало вы должны посетить меня в надлежащее время.— Сказав так, он отправился домой.

А придя домой, он приготовил дубинку из кхадиры и поставил ее в углу за дверью. Когда же миновала половина стражи*, он снова пошел к воротам монастыря и остановился там. И затем всех вышедших оттуда один за другим монахов он по просьбе настоятеля повел в свой дом. А те из жадности к лоскутам материи и деньгам оставили даже своих преданных и испытанных учеников и все с радостью пошли за ним. И хорошо ведь говорится:

Во всех корысть вселяется —
В бездомных даже странников,
Которые из горсти пьют
И небом одеваются!

И вот, приведя монахов в дом, цирюльник стал избивать их дубинками. И от избияния этого одни монахи отошли в небытие, у других оказались разбитые головы, и раненые подняли крик. Между тем слуги начальника городской стражи, услышав их громкие вопли, сказали:

— Эй! Кто это так пронзительно кричит посреди города? Идемте же, идемте! — И все они поспешили туда и увидели, как из дома цирюльника выбегают залитые кровью нищенствующие джайны. Тогда стражники спросили:

— Что это?

И монахи рассказали обо всем, что случилось у цирюльника. Тут стражники связали цирюльника крепкой веревкой и вместе с уцелевшими джайнами привели его в суд. Там судьи спросили его:

— Скажи, почему совершил ты это злодеяние?

Цирюльник ответил:

— Что мне делать? — и рассказал им о том, что случилось у Манибхадры.

Тогда судьи послали одного человека за Манибхадрой. И когда тот привел его, они спросили:

— О начальник купцов! Почему ты убил какого-то нищенствующего джайну?

Тут он рассказал им всю историю с джайной. И тогда судьи сказали:

— Пусть посадят на кол этого злого и безрассудного цирюльника.

И когда это было исполнено, они сказали:

Того, что плохо разглядел, не пробовал, не испытал,
Познать не смог,— не совершай, цирюльнику не подражай!

И хорошо ведь говорится:

Бездумно действовать нельзя, ты все продумывай дела!
Не то раскаешься, как та, что ихневмона родила...

Манибхадра спросил:

— Как это?

Они рассказали:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

— Жил в одном селении брахман Девашарман, жена которого родила сына и ихневмона. Любя своих детей, она ухаживала за ихневмоном наравне с сыном: кормила его грудью, умащивала, купала и всячески заботилась о нем. Но, несмотря на это, она не доверяла ихневмону и думала: «Он от природы зол и может причинить зло моему сыну». Хорошо ведь говорится:

Каким бы ни был скверным сын — распутным, невоздержанным, Уродом, злым, дураком, — он сладок сердцу матери!

И однажды она заботливо уложила сына в постель, взяла кувшин для воды и сказала супругу:

— О учитель! Я пойду за водой. Охраняй сына от ихневмона.

Когда же она ушла, брахман оставил дом без присмотра, а сам пошел куда-то за милостыней.

Между тем черный змей вылез из норы и, по воле судьбы, подполз к ложу мальчика. Тогда ихневмон, почуяв в нем своего природного врага и беспокоясь за жизнь брата, бросился между ними, напал на злого змея и, разорвав его на куски, разбросал их где попало. И затем, радуясь своей отваге, он с залитой кровью пастью вышел навстречу матери, чтобы та узнала о его подвиге. А мать его, увидев, что он подходит очень возбужденный и что пасть его в крови, подумала в тревоге: «Должно быть, этот злодей съел моего младенца». И вот, не долго думая, она в гневе бросила в него кувшин с водой. Ихневмон сразу издох от удара, а она, не обращая на него внимания, вошла в дом и увидела, что ребенок лежит на своем месте, а у ложа валяется большой черный змей, разорванный на куски. И, поняв, что она безрассудно убила сына-благодетеля, брахманка в отчаянии стала бить себя по голове и в грудь.

Между тем, брахман, раздобыв где-то пену от рисового отвара, вернулся домой и тут услышал причитания брахманки, скорбящей по сыну:

— Увы, увы! Охваченный жадностью, ты не послушался моих слов. Вкушай же теперь горький плод от дерева твоих злых поступков — смерть сына. Так всегда бывает с теми, кто ослеплен чрезмерной жадностью. Сказано ведь:

Не подавляй желаний всех, но помни: алчность — страшный грех!
Не забывай про колесо у жадного на голове.

Брахман спросил:

— Как это?

Брахманка рассказала:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

— Жили в одном городе четверо брахманов, крепко друживших между собой. Однажды, подавленные своей великой бедностью, они стали держать совет:

— Увы! Будь проклята эта бедность! Сказано ведь:

Владыки ненависть, и родетвенников всех
Уход и отчужденье,
И бегство сыновей, покинувших отца
Среди потока бедствий,
И то, что меркнут вдруг все качества души,
И что жене противен,
И что ушли друзья,— все нищему терпеть,
Хоть он и добр и честен!

А также:

Пришел на кладбище измученный бедняк,
Завел беседу с трупом:
«На миг единый встань! Поклажу нищеты
Сними с меня, товарищ!
На миг единый дай вкусить и мне покой!..»
Но мертвый так ответил:
«Смерть лучше нищеты, смерть — высшее из благ...»
И вновь замолк навеки.

Итак, во что бы то ни стало надо стремиться к богатству. А богатство люди добывают шестью способами. Это — нищенствование, царская служба, земледелие, приобретение знаний, ростовщичество и торговля. Но из всех этих способов лишь торговля беспрепятственно доставляет богатство. Сказано ведь:

Все шатко у царей!
Даяньями одни вороны сыты.
Всех пахарю трудней.
Увещевая, надрывается учитель.
И нет нужде конца,
Когда в чужих руках богатства наши!..
И лишь дела купца
Достойны зависти и подражания.

А из торговли можно извлекать доход семью путями: взвешивать на неисправных весах, назначать неверную цену, принимать на хранение под заклад, привлекать знакомых покупателей, действовать в сообществе с другими купцами, торговать благовониями и вывозить товар в другую страну. Как говорится:

Людей обмеривать,
Обманывать притом знакомцев собственных,
Заставить в цену ложную уверовать,—
Как все это киратам * хитрым свойственно!

Когда приносят в дом залог,
Купец взывает к божеству:
«О, только бы закладчик помер!
Исполню все обеты, бог!» **

Также:

Когда главе купцов
Товарищество поручило дело,
Блаженствует в восторге он:
«Моя рука — всем миром завладела!» **

И еще:

Зачем простое золото
Торговцу ароматами?
Что по одной цене берешь —
«Сам-сто», бывает, продаешь!

А вывозить товар в другую страну — дело богатых.
Сказано ведь:

С тем, кто богатством славится, тягаться в мире некому;
Слоны слонами ловятся, — а деньги — только деньгами!

Когда в торговле опытный
Уйдет в чужую сторону —
Свое богатство в краткий срок
Удвоит и утроит он! **

И также:

Боятся мест неведомых
Газели, трусы, вороны, —
Так и увянут, бедные,
Умрут, не глянут в сторону!..

Поразмыслив так, те четверо решили отправиться
в другую страну и, покинув дом и друзей, пустились
в путь. Хорошо ведь говорится:

Стремящийся к богатству — не оглянется, —
И обещанья и друзей отринул он,
Родную мать и край родной покинул он
И на чужбину к нелюбимым тянется.

И так постепенно достигли они страны Аванти *. Там они искупались в водах Сипры, поклонились великому богу Махакале * и, когда пошли дальше, повстречали владыку йогинов Бхайравананду (что означает «радующийся грозному» *). И, приветствовав его, как полагается брахманам, все они пошли с ним в его монастырь. Тогда йогин спросил их:

— Откуда вы? Куда идете? С какой целью?

Они ответили:

— Мы искатели волшебной силы. А идем мы туда, где можно насладиться богатством или встретить смерть. Таково наше решение. Сказано ведь:

Ту влагу, что с небес, сверкая, пролилась,
По каплям соберет для нас колодец темный...
Судьбы неизмерима власть,
Но и дела людей поистине огромны!

А также:

Задуманного человек добьется
Отвагой и борьбой неукротимой.
И то, что на земле судьбой зовется,
В душе людей заложено незримо.

Пока ты хорошо не потрудился,
Само к тебе богатство не придет.
Могучий Вишну пахтал бездну вод,
Устал, но дивной Лакшми наслаждался *.

Поэтому укажи нам, как добыть богатство: проникнуть ли нам в пещеру, овладеть шакини *, остаться на кладбище, продать человеческое мясо * или сделать что-нибудь еще. Ведь ты слынешь великим волшебником, а мы полны решимости.

Тогда, видя, что они достойны быть его учениками, тот сделал четыре волшебных светильника, дал каждому по одному и сказал:

— Ступайте в страну, лежащую к северу от Гималаев. Где у кого упадет светильник, тот непременно найдет там клад.

И вот в дороге у того из них, кто шел впереди, светильник упал на землю. И когда он стал копать землю на том месте, то обнаружил много меди. Тут он сказал:

— Возьмем-ка себе вволю этой меди.

Те ответили:

— Эх, глупец! Какая в ней польза? Даже обилие меди не уничтожает бедности. Встань же и пойдем дальше.

Он ответил:

— Вы идите, а я дальше не пойду.

И, сказав так, он взял медь и первый пошел в обратный путь.

А остальные трое отправились дальше. Прошли они еще немного, и у того, кто шел впереди, упал светильник. И когда он начал копать землю, то обнаружил в ней много серебра. Тогда он сказал, обрадовавшись:

— Эй, возьмем вволю серебра. Не надо идти дальше.

Те ответили:

— Эх, дурак! Позади нас в земле полно меди, здесь — серебра, а дальше, наверное, будет много золота. Даже обилие серебра не уничтожает бедности.

Тогда тот ответил:

— Вы идите, а я не пойду.

Сказав так, он взял серебро и пошел назад.

И когда остальные пошли дальше, у одного из них упал светильник. Когда же он начал копать землю, то обнаружил много золота. Увидев это, он с радостью сказал второму:

— О! Возьмем вволю золота. Нет ведь ничего лучше!

Тот ответил:

— Глупец! Разве ты не видишь? Сначала — медь, потом — серебро, потом — золото. Несомненно, еще дальше будут алмазы. Встань же, и пойдем вперед. Что пользы в золоте? Чересчур тяжело оно на вес, когда его много.

Нашедший золото сказал:

— Ты иди, а я останусь здесь и подожду тебя.

И вот тот пошел один. Его палили лучи летнего солнца, рассудок у него помутился от жары, и так блуждал он взад и вперед по дорогам волшебной земли. И, блуждая, он увидел на возвышении человека — тело его было обогрено кровью, а на голове вертелось колесо. Тогда брахман поспешно подошел к нему и сказал:

— Почему ты стоишь так с вертящимся колесом на голове? Скажи, нет ли здесь где-нибудь воды. Меня мучила жажда.

И едва брахман сказал это, колесо мгновенно перескочило с головы того человека на его голову. Он спросил:

— Дорогой! Что это?

Человек ответил:

— Таким же образом вскочило оно и на мою голову.

Брахман сказал:

— Так скажи, когда оно сойдет? Мне очень больно.

Тот ответил:

— Когда кто-нибудь, как и ты, подойдет сюда с волшебным светильником в руке и заговорит с тобой, оно перескочит на его голову.

Брахман спросил:

— Как долго ты стоишь здесь?

Тот, в свою очередь, спросил:

— Кто теперь царь на земле?

Несущий колесо на голове ответил:

— Царь Винаватса *.

Человек сказал:

— Когда царем был Рама *, я, мучимый бедностью, как и ты, пришел сюда с волшебным светильником в руке. И, увидев другого человека, с колесом на голове, я, как и ты, обратился к нему с вопросом. И тут колесо с его темени перескочило на мою голову. Другого счета времени я не знаю.

Несущий колесо спросил:

— Дорогой! Как же ты, стоя так, добывал пищу?

Человек ответил:

— Дорогой! Боясь, что у него похитят клад, Дханада * создал на пути волшебников эту опасность, чтобы никто не приходил сюда. Если же кто-нибудь осмелится прийти, то, свободный от голода и жажды, не зная старости и смерти, он будет лишь испытывать подобную боль. Отпусти же меня. Ты освободил меня от большой беды, и теперь я пойду в родные места.

Сказав так, он ушел.

Между тем брахман, овладевший золотом, подумал, когда ушел его товарищ: «Как медлит мой спутник»,— и, желая отыскать его, пошел по его следам. Когда же он немного прошел по дороге, то увидел своего спутника, залитого кровью и терзаемого болью, ибо острое колесо вертелось на его голове. Тогда, подойдя близко, он со слезами спросил:

— Дорогой! Что это?

Тот ответил:

— Игра судьбы.

Он попросил:

— Расскажи, что произошло.

И в ответ на его вопрос, тот рассказал все про колесо. Услышав это, товарищ с упреком сказал ему:

— Увы! Неоднократно я удерживал тебя, но, лишившись рассудка, ты не внял моим словам. И хорошо ведь говорится:

Рассудок знания верней, рассудок знания ценней!
Кто воскресил царя зверей, погиб в учености своей.

Несущий колесо спросил:

— Как это?

Овладевший золотом рассказал:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

— Жили в одном городе четверо брахманов, друживших между собой. Трое из них до конца овладели всеми науками, но были лишены рассудка, а один отвернулся от наук, но был рассудителен. И вот однажды собрались они и стали советоваться:

— Какая польза в знании, если мы не идем в другую страну, чтобы склонить к милости властителей и добыть богатство? Давайте же во что бы то ни стало пойдем все в другую страну.

И когда они немного прошли по дороге, старший из них сказал:

— Один из нас четырех — невежда и наделен лишь при-

родным рассудком. А одним рассудком без знаний нельзя добиться милости у царей. Поэтому не будем делиться с ним тем, что мы приобретем. Пусть же он повернет назад и пойдет домой.

Тогда второй сказал:

— Эй, рассудительный! Ты лишен знаний. Иди же домой.

Но третий сказал:

— Не следует так поступать. Ведь мы с самого детства играли вместе*. Пусть же он, великодушный, пойдет с нами и получит долю в богатстве, которое мы приобретем.

И вслед за тем, проходя по дороге, они увидели в лесу кости мертвого льва. Тут один из них сказал:

— Давайте испытаем полученные нами знания. Вот лежит какое-то мертвое животное. Давайте оживим его силой приобретенной мудрости.

Тогда один сказал:

— Я знаю, как соединить кости.

Второй сказал:

— Я дам ему шкуру, мясо и кровь.

Третий сказал:

— Я его оживлю.

И вот один соединил кости льва, а второй наделил его шкурой, мясом и кровью. Когда же третий хотел оживить зверя, рассудительный удержал его, сказав:

— Это — лев. Если его оживить, он всех нас растерзает:

Тогда тот ответил:

— Эх, дурак! Не стану я носить в себе бесплодные знания.

Рассудительный сказал:

— Тогда подожди минуту, пока я взберусь на ближнее дерево.

И едва это произошло, воскресший лев вскочил и растерзал всех трех. Когда же лев ушел оттуда, рассудительный слез с дерева и пошел домой.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю: «Рассудок знания верней...»
Услышав это, несущий колесо сказал:

— Увы! Не в этом дело. Даже великие мудрецы гибнут, пораженные судьбой, и даже лишённые разума радуются, когда судьба охраняет их. Сказано ведь:

Одну несут на голове, другая в воздухе висит!

А я, хоть менее мудра, в воде прозрачной веселюсь**.

Овладевший золотом спросил:

— Как это?

Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Жили в одном водоеме две рыбы — Шатабуддхи (что означает «со стократным разумом») и Сахасрабуддхи (что означает «с тысячекратным разумом»). И с ними подружилась лягушка Экабуддхи (что означает «с одним разумом»). Все втроем они проводили некоторое время у берега реки и, насладившись общением друг с другом и хорошими изречениями, снова забирались в воду. И вот однажды, когда они так собрались, пришли на заходе солнца рыбаки с сетями и, увидев этот водоем, сказали друг другу:

— Да! Видно, много рыбы в этом пруду и мало воды. Давайте же придем сюда утром.

И, сказав так, они пошли к себе домой. А друзья, услышав их слова, подобные удару грома, стали советовать друг с другом. Тогда лягушка сказала:

— О дорогие Шатабуддхи и Сахасрабуддхи! Что теперь делать: бежать или осгаваться на месте?

Услышав это, Сахасрабуддхи со смехом сказала:

— О друг! Не бойся,— ведь это всего одни лишь слова. Нечего и ждать этих рыбаков. Если же они придут, я спасу и тебя и себя силой своего разума. Ведь я умею плавать в воде многими способами.

Услышав это, Шатабуддхи сказала:

— О! Хорошо говорила Сахасрабуддхи. Ведь:

Туда и ветер не влетит, и солнца луч не врежется,

Куда — быстра, чиста, остра — пробьется мысль мудрейшего!

Поэтому не следует из-за одних лишь слов покидать это место — ведь оно досталось нам в наследство от отцов, и здесь мы родились. Никуда не уходи. Я спасу тебя силой своего разума.

Лягушка сказала:

— У меня всего лишь один разум, и он советует мне бежать. Поэтому я сегодня же уйду с женой в какой-нибудь другой водоем.

И, сказав так, лягушка дождалась ночи и ушла в другой водоем. А на следующее утро пришли рыболовы, подобные слугам Ямы, и протянули через весь водоем сети. Тут все рыбы, черепахи, лягушки, раки и другие водяные жители попались в сети. И как Шатабуддхи и Сахасрабуддхи ни оберегали себя, плавая особыми способами, они запутались в сетях и погибли. Затем после полудня обрадованные рыбаки отправились домой. Один из них взвалил себе на голову Шатабуддхи — так она была тяжела, — а другой понес Сахасра-

буддхи, привязав ее за веревку. И тогда сидевшая у края пруда лягушка сказала своей супруге:

— Погляди, погляди, дорогая:

Одну несут на голове, другая в воздухе висит!
А я, хоть менее мудра, в воде прозрачной веселюсь **.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю, что дело не только в разуме.

Овладевший золотом сказал:

— Если даже так, все равно не следует пренебрегать словами друга. А что произошло? Как я ни удерживал тебя, ты не остался, так как слишком жадничал и гордился своими знаниями. Хорошо ведь говорится:

«Спел хорошо — теперь молчи!» Ты не послушался меня,—
И вот за песни получил редчайшее сокровище!

Несущий колесо спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

— Жил в одном селении осел Уддхата (что означает «тщеславный»). Днем он перевозил тяжести у красивышки, а ночью бродил, сколько ему хотелось. И как-то раз, бродя ночью по полям, он подружился с шакалом. Сломав забор на поле с огурцами, они пробирались туда, досыта наедались овощами и утром расходились по домам. И однажды, стоя посреди поля, опьяненный гордостью осел сказал шакалу:

— О племянник! Погляди, какая ясная ночь. Поэтому я спою песнь. Какую же мелодию мне выбрать?

Тот сказал:

— Дядя! К чему накликаешь беду? Ведь мы занимаемся воровством. А воры и любовники должны вести себя тихо. Сказано ведь:

Мешает кашель воровать. Сонливость — шкуры похищать.
В болезни — лишнего не ешь: старайся жизнь свою сберечь.

Притом, пение твое неприятно и схоже с ревом раковины. Полевые сторожа услышат его даже издали, тогда они поднимутся, поймают тебя и убьют. Поэтому ешь себе и не шуми.

Услышав это, осел ответил:

— Так говоришь, потому что живешь в лесу и не знаешь красоты пения. Сказано ведь:

С луной осенней празднуя, о, как нам с другом радостно
Вдвоем вкушать, потягивать напиток звуков сладостный!

Шакал сказал.

— Дядя! Все это так. Но ты ведь издаешь грубый рев. Как же сможешь ты осуществить свое намерение.

Осел сказал:

— Тьфу, тьфу, дурак! Неужели я не знаю, что такое пение? Зачем же ты говоришь так и удерживаешь меня?

Шакал ответил:

— Дядя! Если так, то я стану у ворот изгороди, чтобы следить за сторожами поля, а ты пой сколько захочешь.

И тут осел вытянул шею и заревел. Тогда сторожа поля, услышав ослиный рев, в гневе стиснули зубы, схватили дубинки и побежали на поле. И, сбежавшись, они до тех пор били осла, пока тот не повалился на землю ничком. Тогда, привязав ему на шею ступку с отверстием, сторожа поля заснули. А у осла, как это

свойственно его породе, быстро прошла боль, и он в то же мгновение поднялся. Сказано ведь:

Собаки, мулы, лошади, к тому ж ослы — особенно
Одно мгновенье помнят боль, ударом обожженные! **

И вот, сломав изгородь, он пустился бежать вместе со ступкой. Между тем шакал увидел его издали и со смехом сказал:

«Спел хорошо — теперь молчи!» Ты не послушался меня,
И вот за песни получил редчайшее сокровище!

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Так и ты не остался со мной, хоть я и удерживал тебя.

Услышав это, несущий колесо сказал:

— О друг! Это правда. И хорошо ведь говорится:

Глупец, лишенный разума,
Глухой к советам дружеским,
Подобно Мантхаре-ткачу —
Идет дорогой гибели!

Овладевший золотом спросил:

— Как это?

Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

— Жил в одном селении ткач по имени Мантхара (что означает «простоватый»). Как-то сломались у него все челноки у веретен. Тогда, взяв топор, он стал бродить в поисках дерева и достиг морского берега. И, увидев там большое дерево шиншапа *, он подумал: «Вот большое дерево. Если я его срублю, у меня будет много орудий для пряжи». Подумав так, он поднял свой топор. В это время дух, живший на том дереве, сказал:

— Слушай! Это дерево — мой приют. Ни за что не губи его. Здесь я живу в высшем блаженстве, ибо тело мое овеивает ветерок, берущий прохладу от морских волн.

Ткач сказал:

— Что же мне делать? Дерево приносит мне все необходимое, и без него семья моя страдает от голода. Уходи же скорей в другое место, а я срублю его.

Дух сказал:

— Я доволен тобой. Попроси чего желаешь и пощади это дерево.

Ткач сказал:

— Если так, то я схожу домой, посоветуюсь с другом и с женой и вернусь.

Дух согласился, и ткач повернул назад к своему дому. Когда он входил в селение, то увидел своего друга цирюльника и сказал ему:

— Эй, друг! Я овладел одним духом. Скажи, чего мне у него попросить.

Цирюльник ответил:

— Дорогой! Если так, попроси царство; тогда ты станешь царем, я министром, и оба мы, вкусив счастье в этом мире, будем счастливы и в другом мире.

Ткач сказал:

— О друг! Да будет так. Однако я спрошу и супругу.

Цирюльник возразил:

— Не следует советоваться с женщинами. Сказано ведь:

Жену корми и одевай,—
Дари ей щедрою рукой,
В заветный срок зачатия
Ей все потребное давай,
Охотно, без изъятия! —
Но не советуйся с женой.

А также:

Семья, где правит всем жена, игрок иль малое дитя,
Погибела обречена! — Сказал премудрый Бхаргава ***.

И также:

Своекорыстны женщины.
Лишь о себе заботятся.
Им даже сын родной не мил,
Когда их жизнь не ладится! **

Ткач ответил:

— Если даже так, все равно она предана супругу, и надо ее спросить.

Сказав так, он поспешил к жене и обратился к ней с такими словами:

— Дорогая! Сегодня в моей власти оказался один дух, и он обещает исполнить мое желание. Вот я и пришел посоветоваться с тобой. Скажи, чего мне просить. Мой друг цирюльник говорит: «Попроси царство».

Жена ответила:

— Сын благородного! Что понимают цирюльники? Не слушай его. Сказано ведь:

Не следует держать совет с певцом, с актером, с нищими,
С неблагородным, с мальчиком, с аскетом и цирюльником **.

К тому же царский сан — это лишь цепь великих страданий. Обремененный заботами о мире, сражении, походе, остановке, союзе, двуличии и других делах, он никогда не приносит человеку счастья. К тому же:

Друг с другом братья ссорятся,
Сыны отцов замучили,—
Вот так за троны борются!
Отвергнуть власть не лучше ли?

Ткач сказал:

— Ты права. Посоветуй же, чего мне просить.

Жена ответила:

— Ты обычно изготавлиешь по одному куску ткани, и куска этого хватает на оплату всех наших расходов

в течение этого времени. Попроси же себе вторую пару рук и вторую голову, чтобы сразу изготавливать по два куска ткани. Тогда один кусок оплатит наши домашние расходы, а за второй родные станут прославлять тебя как человека, совершающего необычайное.

И, выслушав ее, ткач с радостью сказал:

— Хорошо, преданная супруга! Хорошо ты сказала! Так я и решил сделать.

И вот ткач пошел к духу и попросил:

— Если ты можешь исполнить мое желание, то дай мне вторую пару рук и вторую голову.

Едва он сказал это, как в то же мгновение у него стало две головы и четыре руки. И когда, обрадованный, он пошел домой, то люди подумали: «Это — ракшаса», — и до смерти избили его дубинками и камнями.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю: «Глупец, лишенный разума...»

И несущий колесо снова сказал:

— Всякий человек становится посмешищем, когда им овладевает дьяволица, внушающая несбыточные и дурные надежды. И хорошо ведь говорится:

Кто, заглянув в грядущее, мечтает о несбыточном,—

Как Сомашармана * отец: лежать он будет весь в мукé! **

Овладевший золотом спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

— Жил в одном городе брахман Свабхавакрипана (что означает «скупой по природе»). Был у него горшок, наполненный крупой, а крупа эта оставалась от подаяний, которые он получал. Повесив горшок на гвоздь в стене, он поставил под ним свою кровать и не сводил с него глаз. И однажды ночью он подумал: «Горшок этот доверху наполнен крупой. Если случится голод, я выручу за него сотню рупий. Затем на эти деньги куплю пару коз. Каждые полгода они будут давать приплод, и скоро у меня будет целое стадо. Коз я выменяю на коров. Когда коровы дадут приплод, продам их потомство и

куплю буйволиц, а затем продам буйволиц — и куплю кобылиц. От приплода кобылиц получу множество коней, продам их и добуду много золота. На золото выстрою дом с четырьмя покоями. Затем придет кто-нибудь в мой дом и выдаст за меня свою прекрасную дочь с приданым. От нее родится сын. Я дам ему имя Сомашарман. Когда его уже можно будет качать на коленях, я возьму книгу и, усевшись за конюшней, стану ее изучать. А Сомашарман, сидя на коленях у матери, увидит меня, захочет, чтобы я покачал его на своих коленях, и подойдет близко к лошадям. Тогда я в гневе скажу брахманке: «Возьми, возьми дитя!» А она, занятая домашними делами, не услышит меня. Тогда я вскочу и ударю ее ногой...» И тут, увлекшись своими мыслями, он так ударил ногой, что разбил горшок и весь побелел, обсыпанный мукой.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю: «Кто, заглянув в грядущее...»
Овладевший золотом сказал:

— Это так. Ведь:

Тот, кто, объятый алчностью, деяньем злым не брезгует.—
Как безрассудный Чандра-царь, услышит слово резкое!

Несущий колесо спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

— Жил в одном городе царь Чандра (что означает «луна»). Он держал у себя стаю обезьян, чтобы они забавляли его сына. Обезьяны эти постоянно питались разнообразными кушаньями и растолстели. И еще было у его мальчика стадо баранов для забавы. Один из них днем и ночью проникал в кухню и, прожорливый, съедал все, что видел. А повара в отместку били его палками и всем, что попадалось под руку. И вот, видя это, вожак обезьян подумал: «Увы! Этот раздор между бараном и поварами принесет гибель обезьянам. Ведь баран падок на сладкое, а повара очень гневаются и бьют его всем, что под руку попадет. Если они, не найдя ничего

другого, как-нибудь ударят его головней, то шерсть на баране загорится даже от небольшой искры. А загоревшись, он вбежит в ближнюю конюшню и подожжет ее — ведь она полна соломы. Тогда лошади получат ожоги. А в Шалихотре* говорится, что лошадей, пострадавших от ожогов, лечат обезьяньим жиром. Тогда нас, без сомнения, ожидает смерть». Решив так, он созвал всех обезьян и сказал:

Сейчас у царских поваров с бараном ссора,— дым столбом!
Ох, плохо дело обезьян! — Мы в этой сваре смерть найдем.

Ох, плохо, коль охвачен дом бессмысленными ссорами!
Бежать оттуда надо бы,— век проживешь без жалобы!

Запомни:

Раздоры — гибель для дворца. Для дружбы — речи подлеца.
Для царства — неудачный царь. Для добронравия — грехи.

Оставим же этот дом и уйдем в лес, пока всех нас не настигла гибель.

И, услышав его речь, обезьяны со смехом ответили ему, опьяненные гордостью:

— Видно, от старости у тебя ослабел рассудок, что ты так говоришь. Не станем мы бросать превосходные, подобные нектару кушанья, которыми кормят нас из рук царевичи, чтобы питаться там, в лесу, вяжущими, острыми, горькими и солеными плодами с деревьев.

Услышав это, вожак стаи сказал, печально глядя на них:

— Ах вы дураки! Не видите вы конца своему благополучию. Оно сладко лишь на первый взгляд, а конец его будет, словно яд. Не хочу я смотреть, как погибнут мои родичи, и теперь же уйду в лес. Сказано ведь:

На свете счастлив только тот,
Чей не угас обширный род.
Чью враг не захватил жену,
Чей друг любимый не в плену!

И, сказав так, вожак стаи оставил их всех и ушел в лес.

И вот после его ухода баран проник однажды в кухню. А повар, не найдя ничего другого, схватил сожженную, еще горевшую палку и стал бить его. Тут шерсть барана воспламенилась, и он с блеянием прибежал в ближнюю конюшню и стал по ней метаться. А там лежало много соломы, она загорелась, и всюду поднялись языки пламени. В конюшне стояли лошади на привязи, и вот у одних лопнули глаза, и они отошли в небытие; другие разгрызли привязь и, наполовину сожженные, перепугали весь народ своим ржанием. Между тем обеспокоенный царь призвал врачей, сведущих в Шалихотре, и спросил:

— Скажите, как вылечить этих лошадей от ожогов?

А те, вспомнив, что изучали раньше, сказали:

— Божественный! Вот что говорит об этом блаженный Шалихотра:

Как темнота исчезнет в срок
От солнечного пламени,
Так у коня пройдет ожог
От жира обезьяньего! **

Пусть же применяют это целебное средство, чтобы лошади не погибли от ожогов.

И, услышав это, царь приказал убить обезьян. К чему много слов? Все были убиты. А вожак стаи, хоть и не видел своими глазами, как погиб его род, но слух об этом несчастье дошел до него, и он не мог спокойно этого перенести. Сказано ведь:

Ничтожен тот поистине, кто в страхе или в алчности
Спокойно и бестрепетно глядит на гибель родичей!

И вот этот старый вожак, мучимый жаждой, достиг в своих скитаниях озера, украшенного густыми зарос-

лями лотоса. И, посмотрев внимательно, он увидел след, ведущий в озеро, но не нашел обратного следа. Тогда он подумал: «Несомненно, здесь в воде должен жить злой хищник. Поэтому я возьму стебель лотоса и стану пить воду издали». И когда он сделал так, из озера вылез ракшаса с жемчужным ожерельем на шее и сказал ему:

— Слушай! Я съедаю тех, кто проникает в эту воду. Нет никого хитрее тебя, раз ты пьешь воду таким способом. Я доволен тобой. Проси же, чего желает твое сердце.

Вожак обезьян спросил:

— Эй! Сколько ты можешь съесть?

Ракшаса ответил:

— Тех, кто влезает в воду, я съедаю сотнями, тысячами, десятками и даже сотнями тысяч. А на суше меня одолеет и шакал.

Тогда вождь сказал:

— Между мной и владыкой — непримиримая вражда. Если ты дашь мне это жемчужное ожерелье, я искусной речью пробужу в нем жадность и заставлю его войти в озеро вместе со свитой.

И тогда ракшаса передал ему жемчужное ожерелье.

А вождь обезьян, украсив шею жемчужным ожерельем, стал прыгать по верхушкам деревьев. Тогда люди увидели его и спросили:

— Эй, вождь стаи! Где ты был столько времени после того, как ушел? Где достал ты такое жемчужное ожерелье, затмевающее своим блеском даже солнце?

Тот ответил:

— Есть в одном месте в лесу тщательно укрытое озеро, созданное Дханадой. Кто погрузится в его воды в воскресенье, когда наполовину взойдет солнце, тот,

по милости Дханады, выйдет из него с подобным жемчужным ожерельем на шее.

И, услышав об этом от людей, повелитель призвал обезьяну и сказал:

— Послушай, вожак стаи! Правду ли ты говоришь?

Тот ответил:

— Господин! Свидетельство этому — жемчужное ожерелье, которое ты видишь на моей шее. Если и тебе нужно такое же, пошли со мной кого-нибудь, чтобы я ему все показал.

Услышав это, царь сказал:

— Если так, я сам пойду со свитой и получу много жемчужных ожерелий.

Вожак сказал:

— Хорошо, господин!

И вот, обуреваемый жадностью к жемчужным ожерельям, царь со свитой отправился в путь. Что же до обезьяны, то сидевший на носилках царь держал ее на коленях в знак уважения. И правильно ведь говорится:

Пусть он богат и пусть учен,— но, если жаден человек —
Стремит к дурному быстрый бег, постыдной целью увлечен! **

За сотней — тысячу, и сто, и больше тысяч подавай!
А там затеет — на престол, а от престола — хочет в рай!

Стареют зубы старика,
Стареют волосы его,
Стареют уши и глаза,
Но жадность не стареет в нем! **

И, достигнув на заре озера, вожак сказал царю:

— Божественный! Успех сопутствует тем, кто входит сюда, когда наполовину взойдет солнце. Поэтому скажи всей свите, чтобы она одновременно вошла в

озеро. А затем войдем и мы с тобой, и, достигнув замеченного прежде места, я покажу тебе многочисленные жемчужные ожерелья.

И вот все те люди вошли в озеро и были съедены ракшасой. Между тем, видя, что они долго не возвращаются, царь сказал обезьяне:

— О повелитель стаи! Почему медлит моя свита?

Услышав это, вожак поспешно взобрался на дерево и сказал:

— Послушай, злой царь! Твою свиту съел ракшаса, живущий в воде. Ты погубил мой род, и я отомстил тебе за обиду. Уходи же. Помня, что ты — господин, я не дал тебе войти туда. Сказано ведь:

Плати за дружбу дружбою,
А на вражду ответь враждой!
Какое прегрешенье в том,
Чтоб отплатить врагу бедой! **

И вот ты погубил мой род, а я погубил твой.

Услышав это, опечаленный царь поспешно вернулся туда, откуда пришел. Когда же царь удалился, насытившийся ракшаса вылез из воды и с радостью сказал:

Напился через стебель ты, врагов своих ты погубил,
И жемчуг — твой! — Умен обман. Мудрец — владыка обезьян!

Поэтому я и говорю: «Тот, кто, объятый алчностью...»

Овладевший золотом снова сказал:

— Отпусти же меня. Я пойду к себе домой.

Несущий колесо ответил:

— Как ты уйдешь, оставив меня в таком положении? Сказано ведь:

Кто друга позабыл в беде,—
Бесчувственному место — где?
Его вина ясна для всех:
Он в ад сойдет за этот грех.

Овладевший золотом сказал:

— О! Это верно, если человек, наделенный силами, покидает того, кому может помочь. А здесь люди не могут помочь, и нет такой силы, которая бы освободила тебя. К тому же, чем дольше я гляжу на твое лицо, искаженное болью, которую тебе причиняет вертящееся колесо, тем больше вижу, что должен быстрее уйти отсюда, а то как бы и со мной не случилось такого же несчастья. И хорошо ведь говорится:

Что, обезьяна, у тебя лицо так мрачно и темно?
Викалой ты захвачена... Беги! — осталось лишь одно **.

Несущий колесо спросил:

— Как это?

Тот рассказал:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

— Жил в одном городе царь Бхадрасена (что означает «обладающий прекрасным войском»). Была у него дочь Ратनावати (что означает «украшенная драгоценностями»), наделенная всеми счастливыми признаками. И вот один ракшаса захотел похитить ее. Приходя ночью, он постоянно наслаждался ею, но не мог ее похитить, ибо ее стерегли стражники. А она во время наслаждения с ним испытывала дрожь, лихорадку и все, что возникает от близости с ракшасой. И как-то раз, стоя в углу дома, ракшаса показал себя царевне. Тогда она сказала по-друге:

— Посмотри, подруга! В часы вечера постоянно приходит этот ракшаса и мучает меня. Нет ли какого-нибудь средства отогнать этого злодея?

Услышав это, ракшаса подумал: «Должно быть, кто-то другой по имени Викала * так же, как и я, все время приходит сюда, чтобы похитить ее, но и он не может сделать этого. Поэтому я пока приму вид коня, стану среди коней и посмотрю, как он выглядит и какова его сила».

И когда он так сделал, ночью в дом царя проник один конокрад. Осмотрев всех коней и видя, что конь-ракшаса лучше других, он вложил ему в рот удила и сел на него. Тут ракшаса подумал: «Наверно, это тот самый Викала, который считает меня злодеем, и, разгневавшись, пришел убить меня. Что же делать?» Пока он так думал, конокрад ударил его кнутом. Тогда, дрожа от страха, тот пустился бежать. И вот, ускакав подалее, вор начал придерживать его, натягивая поводья, потому что кони слушаются поводьев. А тот скакал все быстрее и быстрее. Тогда, убедившись, что поводья не сдерживают его, вор подумал: «Да! Не такими бывают кони. Несомненно, это — ракшаса в образе коня. Поэтому надо мне соскочить, как только увижу песчаную почву, — не то я погиб!»

И пока конокрад думал так, вспоминая своего богачника, ракшаса в образе коня добежал до смоковницы. А вор ухватился за воздушный корень смоковницы и повис на нем. И тут, разъединившись, оба они обрели надежду сохранить жизнь и каждый возродился великой радостью.

Между тем на той смоковнице жила одна обезьяна, друг ракшасы. И, видя убегающего ракшасу, она окликнула его:

— Эй! Зачем ты бежишь в напрасном страхе? Ведь это — человек — твоя пища. Съешь его!

Услышав эти слова, ракшаса принял свое собственное обличье и с обеспокоенным сердцем и помутившимся рассудком повернул обратно. Между тем, услышав, что обезьяна призвала ракшасу, вор в гневе схватил зубами свешивавшийся хвост обезьяны, сидевшей над ним, и принялся кусать его изо всех сил. А обезьяна, решив, что он сильней ракшасы, ничего не сказала от страха, но, терзаемая болью, лишь зажмурилась и стиснула зубы. Тут ракшаса, видя ее в таком состоянии, прочел стихи:

Что, обезьяна, у тебя лицо так мрачно и темно?
Викалой ты захвачена... Беги! — осталось лишь одно **.

И овладевший золотом снова сказал:

— Отпусти меня. Я пойду к себе домой. А ты оставайся здесь и вкушай плоды своего дурного поведения.

Но несущий колесо сказал:

— О! Не в том дело, разумен человек или неразумен. И радость и горе приходят к людям по воле судьбы. Сказано ведь:

То милость рока снизошла,
Когда слепцу, и горбуну,
И той трехгрудой девушке
На пользу дурость их пошла.

Овладевший золотом спросил:

— Как это?

Несущий колесо рассказал:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

— Есть в северной стране город под названием Мадхупурам (что означает «превосходный город»). Жил там царь Мадхусена (что означает «обладающий превосходным войском»). Как-то родилась у него трехгрудая дочь. Узнав о том, что она родилась трехгрудой, царь позвал смотрителя женских покоев и сказал:

— Эй! Оставь ее в лесу, чтобы о ней никто не проведал.

И смотритель ответил:

— Великий царь! Известно, что трехгрудая дочь приносит несчастье. И все же следует призвать брахманов и спросить

их об ее судьбе, чтобы избежать проступка в обоих мирах. Сказано ведь:

Всех спрашивать по многу раз —
В том разум человеческий!
От властелина-ракшасы
Брахман себя вопросом спас.

Царь спросил:

— Как это?

Смотритель женских покоев рассказал:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

— Жил в одном лесу ракшаса Чандакарман (что означает «совершающий жестокие дела»). Как-то раз, бродя по тому лесу, он встретил одного брахмана. Тут он влез ему на плечи и сказал:

— Эй, иди вперед.

Тогда брахман с трепещущим от страха сердцем понес ракшасу. И вот, видя, что ноги его нежны, как лепестки лотоса, он спросил:

— Эй! Почему у тебя такие нежные ноги?

Ракшаса ответил:

— Я никогда не касаюсь земли, не омыв перед этим ног. Таков мой обет.

И, думая, как бы ему спастись, брахман достиг озера. Тогда ракшаса сказал:

— Эй! Никуда не уходи с этого места, а я тем временем совершу омовение, поклонюсь богу и снова выйду из озера.

Но когда ракшаса влез в воду, брахман подумал: «Несомненно, поклонившись богу, он съест меня. Поэтому уйду-ка я подальше. Ведь, не оmyв ног, он не осмелится следовать за мной». И когда брахман сделал так, ракшаса, боясь нарушить обет, не стал его преследовать.

Поэтому я и говорю: «Всех спрашивать по многу раз...»

Выслушав его речь, царь созвал брахманов и сказал: — О брахманы! Родилась у меня трехгрудая дочь. Есть ли какое-нибудь средство помочь беде?

Они ответили:

— Божественный! Если родится девушка без одного из необходимых членов тела либо же с лишним членом — она губит свои достоинства и несет смерть тому, кто делает ее своей женой. Послушай:

Увидев дочь трехгрудую, ее родитель собственный
Уже не сомневается, что смерть его приблизилась!

Пусть же божественный избегает смотреть на нее. Если же кто-нибудь возьмет ее в жены, выдай ее за него и прикажи обоим покинуть страну. Сделав так, ты не совершишь проступка в обоих мирах.

И, услышав их речь, царь объявил под барабанный бой:

— Эй! Кто возьмет в жены трехгрудую царевну, тому царь даст сто тысяч золотых и прикажет покинуть страну.

Долгое время объявляли это под барабанный бой, но никто не брал царевну в жены. Так, скрытая от посторонних взоров, она стала взрослой.

А в этом городе жил один слепой. Был у него поводырь, горбун Мантхарака, водивший его с помощью протянутой палки. И, услышав барабанный бой, они стали советоваться друг с другом:

— Если мы коснемся этого барабана * — получим девушку и золото. А получив золото, мы станем счастливо проводить время. Если же по вине девушки нас постигнет смерть, то прекратятся наши страдания, рожденные бедностью. Сказано ведь:

Любовь, стыдливость,
Сладкой речи дар
И юности блаженство,
Беспечность жизни,
С милою союз,
В молитвах совершенство,
Приятный нрав,
Разумность чистоты,
Веселье и приволье —
Все будет, все!..
Но только бы живот
Был полон и доволен! **

И, посоветовавшись так, слепой подошел к барабану, коснулся его и сказал:

— Я возьму в жены эту девушку.

Тогда царские слуги пошли к царю и сообщили:

— Божественный! Какой-то слепой коснулся барабана. Пусть же решит божественный, что теперь делать.

Царь сказал:

Пусть слеп, пусть глух, пусть ниже всех, пусть он проказой поражен —
Отдайте дочь ему скорей и изгоните из страны **.

И, услышав приказ царя, царские слуги отвели трехгрудую на берег реки, дали слепцу приданое — сто тысяч золотых и обручили ее с ним. Затем они посадили их на судно и сказали рыбакам:

— Эй! увезите этого слепого с его женой и с горбуном в другую страну и доставьте их в какой-нибудь город.

И когда все это было исполнено, те трое достигли другой страны и, купив дом в одном городе, счастливо зажили там. Слепой только и делал, что лежал на кровати да спал, а горбун занимался домашними делами.

Так проходило время, и вот трехгрудая нарушила свою добродетель с горбуном. И однажды она сказала ему:

— О прекрасный! Если мы как-нибудь погубим этого слепого, мы сможем счастливо проводить время. Найди же где-нибудь яд — я дам яд слепому, погублю его и буду счастлива.

И на следующий день горбун нашел где-то мертвого черного змея. Взяв его, он с радостью в сердце пришел домой и сказал ей:

— Прекрасная! Я нашел этого черного змея. Разрежь его на куски, сдобри вкусными приправами и, сказав, что это рыба, дай лишенному глаз, чтобы он скорей погиб.

Вслед за тем Мантхарака снова отправился по дороге к рынку. А она разрежала на куски черного змея, положила в горшок с пахтаньем и водой и поставила посуду в печь. И вот, занимаясь домашними делами, она ласково сказала слепому:

— Сын благородного! Сегодня я принесла рыбу, которую ты так любишь, и готовлю ее. Возьми же ложку и помешай, пока я занята другими домашними делами.

Услышав это, он, радуясь и облизывая уголки рта, поспешно встал, взял ложку и начал помешивать. И пока он помешивал, от ядовитого пара с глаз его мало-помалу начала сходить пленка. А он, поняв, что это целебное средство, еще ближе подставил глаза под пар. И вот когда, уже прозрев, он заглянул в горшок, то увидел там лишь куски черного змея. Тут он подумал: «Ох! Что это? Ведь мне сказали, что тут рыба, а это — куски черного змея! Разузнаю-ка я получше, сделала ли это трехгрудая, замыслил ли это Мантхарака, чтобы погубить меня, или кто-нибудь другой?»

Подумав так, он скрыл свое состояние и продолжал действовать, как слепой. Между тем вернулся Мантхарака и без боязни стал наслаждаться с трехгрудой объятиями, поцелуями и прочими ласками. А слепой, видя все это, словно опять ослеп от гнева. Не найдя никакого оружия, он подошел к ним, с силой ухватил Мантхараку за ноги и, повертев его над головой, ударил им трехгрудую в сердце. И от этого удара ее третья грудь вошла внутрь, а горбун, ударившись спиной об ее грудь, выпрямился!

(ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА ВТОРОГО)

Поэтому я и говорю: «То милость рока снизошла...»

Овладевший золотом сказал:

— О! Ты сказал правду. Счастье всегда приходит по благосклонности судьбы. И все же, как ни могуча судьба, никогда не следует терять рассудок. А ты потерял его, не послушавшись моих слов!

Сказав так, овладевший золотом простился с товарищем и вернулся к себе домой.

И здесь окончена пятая книга под названием «Безрассудные поступки», первый стих которой гласит:

Того, что плохо разглядел, не пробовал, не испытал,
Познать не смог,— не совершай, цирюльнику не подражай!

С окончанием этой книги окончена и наука разумного поведения «Панчакхьянака»*, именуемая также «Панчатантрой».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 23. Здесь: обычное для древнеиндийской литературы обращение к божеству в начале произведения. Ом — слово, употребляющееся в начале молитв, при религиозных церемониях. Сарасвати — богиня красноречия, наук и искусств. Почитается как дочь и супруга Брахмы (см. след. прим.).

Вишнушарман — легендарный составитель «Панчатантры», имя это буквально означает «хранимый Вишну». Один из трех величайших божеств Индии, Вишну, наряду с богом-творцом Брахмой и богом-разрушителем Шивой, почитался как хранитель всего живого.

Махиларопья — современный Мелиапур, город около Мадраса.

Стр. 24. По представлению индусов, гусь настолько мудрая птица, что способен извлекать молоко из смеси молока с водой.

Стр. 25. Брахман — член высшего жреческого сословия. Общество древней Индии делилось на ряд сословий, главные из которых: брахманы, кшатрии — каста воинов, вайшьи — торговцы, землевладельцы, ремесленники и т. д., обязанные кормить представителей высших сословий (брахманов и кшатриев), и шудры — зависимые земледельцы и лица, исполнявшие наиболее грязные работы.

Дорога богов — шутовское название зада.

Стр. 26. Шакра — «могучий». Одно из имен Индры — бога-воителя, почитавшегося владыкой богов, а позже — одним из хранителей мира.

Стр. 29. Пурандара — «разрушитель городов», одно из имен Индры, разрушавшего, по преданию, города своих врагов.

Стр. 30. Матхура — один из семи священных городов Индии, расположенный на правом берегу реки Джамны. До сих пор служит местом паломничества.

Раковина и турья — употреблявшиеся в древней Индии музыкальные духовые инструменты.

Дхава — дерево, дающее растительный клей. Кхадира — вид акации, распространенный в Восточной Индии. Палаша — дерево с круглыми зубчатыми листьями и ярко-красными цветами. Шала — дерево, отличающееся большой высотой.

Гайял — вид диких быков, встречающихся в гористых местностях Индии.

Стр. 31. Ямуна — современная Джамна, одна из крупнейших рек Индии, берущая начало с Гималаев.

Хара — «уносящий», имя Шивы, бога-разрушителя. Согласно легендам, Шива ездит на быке.

Стр. 33. Анджана — дерево, встречающееся в Восточной Индии.

Стр. 36. Вьяса — имя легендарного мудреца, создавшего, по преданию, великий древнеиндийский эпос «Махабхарату».

Здесь имеется в виду эпизод из IV книги «Махабхараты», повествующий о службе у царя Вираты находившихся в изгнании пяти пандавов (сыновей Панду — Юджиштхиры, Бхимы, Арджуны, Накулы и Сахадевы).

Брихаспати — «великий отец». Легендарный мудрец, почитавшийся как советник Индры и наставник всех богов.

Стр. 39. Камышовая трость служила в древней Индии стражникам, чтобы преграждать вход в царские покои.

Стр. 40. Дурва — травянистое растение. Считается в Индии священным, так как, согласно поверью, возникло из шерсти коровы, которая у индийцев почитается священным животным.

Рочана — ароматное вещество желтого цвета. Употребляется как благовоние, лекарство, а также как краска, которой наносится знак касты на лбу.

Согласно индийским легендам, в головах змей рождаются драгоценные камни.

Стр. 43. Имеются в виду три мира: небо, населенное богами, воздушное пространство, населенное демонами и низшими духами, и земля — обиталище людей. По другому толкованию, три мира — это небо, земля и подземный мир.

Стр. 49. Махешвара — «великий владыка», имя Шивы.

К а л и н д и — название реки Ямуны, берущей начало с горы Калинда.

Ч а н д и к а — «грозная», одно из имен богини-мстительницы Дурги, супруги Шивы.

Стр. 51. В а р д х а м а н а — современный город Бардван в Бенгале.

Стр. 53. Н а р а д а — легендарный мудрец и заклинатель. Почитается как сын Брахмы и посредник между богами и людьми.

Стр. 54. Здесь непоследовательность: в начале рассказа это лицо названо царским советником.

Стр. 57. Имеются в виду: дружеское обращение, подкуп, сеяние раздора и применение силы. Эти средства описываются в 10-м рассказе книги IV.

Стр. 60. С а н с а р а — по религиозным воззрениям индуизма, непрерывно повторяющееся возрождение в мире живых существ, считающееся источником страданий.

Ч а н д а л а — член наиболее презренной и бесправной касты, одно приближение которого может «осквернить» представителей высших каст.

«Д в а ж д ы р о ж д е н н ы м» называли человека (как правило, брахмана), приобщившегося к знаниям и этим как бы достигшего второго рождения.

Стр. 62. П а в и т р а р о х а н а — летний праздник в честь богини Дурги.

Стр. 63. Д е в а д а т т а — «данный богом». Это имя часто употребляется для обозначения какого-либо определенного лица.

Стр. 67. Восемь богов, каждый из которых царит над одной из восьми частей света: Индра — над востоком, бог огня Агни — над юго-востоком, бог смерти и справедливости Яма — над югом, бог солнца Сурья — над юго-западом, бог вод Варуна — над западом, бог ветра Ваю — над северо-западом, бог богатства Кубера — над севером и бог луны Сома — над северо-востоком.

Д х а р м а — «добродетель». Здесь, по-видимому, употребляется как имя божества справедливости и правосудия, отождествлявшегося с богом смерти Ямой.

У ш а н а с — одно из имен Шукры, легендарного мудреца, наставника асуров (полубогов).

Стр. 72. Б а н ь я н о в о е д е р е в о — индийское фиговое дерево.

Ч е р н ы й з м е й — вид ядовитых змей, часто встречающийся в Индии.

Стр. 80. Согласно религиозным представлениям индуизма, все добрые и дурные поступки, совершенные живым существом в предшествующем рождении, определяют его существование в последующих рождениях.

Стр. 83. Буквально: «желанного бога». Бога, которого положено вспомнить перед смертью.

Стр. 84. Х и р а н ь я к а ш и п у — «обладающий золотым ковром» — согласно легендам, царь демонов, находящихся в постоянной вражде с богами. Благодаря полученному от Брахмы могуществу Хираньякашипу отнял власть у самого Индры. Впоследствии был умерщвлен Вишну.

В и ш в а к а р м а н — «все делающий», имя зодчего и художника, служившего богам.

Б х а р г а в а — «потомок Бхригу», эпитет легендарного могучего брахмана Парашурамы, одного из воплощений Вишну. Воплотившись в образе Парашурамы, Вишну освободил брахманов от насилий кшатриев.

Стр. 85. Имеется в виду сказка, в которой ворону убивает упавший на нее плод пальмы.

Стр. 86. Д и с к — атрибут Вишну, которым он поражает врагов.

Г а р у т м а н, также Гаруда — «крылатый», мифический царь птиц, на котором ездит Вишну.

Стр. 87. Г а у д ы — жители страны Гауда на территории современного Восточного Бенгала.

Б е т е л ь — род перца, употребляющийся в Индии для жевания и окрашивающий губы и десны в темно-красный цвет.

Стр. 88. М а н а с и д ж а — «родившийся в душе», одно из имен бога любви Камадевы. Согласно легендам, он вооружен луком из сахарного тростника и пятью стрелами из цветов.

Б и м б а — дерево, приносящее красивые плоды, часто сравниваемые в индийской поэзии с губами.

Стр. 89. Лобные пазухи слонов набухают в период течки.

Б у д д а — «пробудившийся», «просвещенный», эпитет Сидхартхи Гаутамы (VI—V вв. до н. э.), основателя буддизма.

Стр. 90. По закону, вайшья не может жениться на кшатрийке. Желу следует брать только из своей или из более низкой касты.

Стр. 91. Н а р я н а — одно из имен Вишну.

М а д а н а — «опьяняющий», одно из имен бога любви Камадевы.

В а й н а т е й я — «сын Винаты», имя царя птиц Гаруды.

Стр. 92. Г а н д х а р в ы — название низших божеств, небесных музыкантов, услаждающих богов пением и плясками. Брак по об-

ряду гандхарвов — одна из восьми форм брака, различавшихся в древней Индии; он заключался по взаимному согласию жениха и невесты, без согласия родителей.

В а й к у н т х а — «сын Викунтхи», имя Вишну, а также название рая, где, согласно верованиям, пребывают в вечном блаженстве поклонявшиеся Вишну люди.

С у д а р ш а н а — «прекрасная».

Стр. 93. К р и т а н т а — «приносящий конец», одно из имен бога смерти Ямы.

Широко распространенное в индийской литературе выражение для описания различных аффектов (удивления, восторга, любви и т. п.).

Стр. 94. Атрибуты Вишну.

Четыре части войска — пехота, конница, колесницы и слоны.

М е р у — мифическая золотая гора, охраняемая Шакрой (Индрой). Согласно легендам, находится в Гималаях.

Стр. 95. Х и р а н ь я к а ш и п у — см. прим. к стр. 84. К а н с а — легендарный царь Матхуры, в которого воплотился демон Каланеми, убитый Вишну. М а д х у и его младший брат К а й т а б х а — демоны, убитые Вишну.

Стр. 96. В а с у д е в а — «благодетельный бог», одно из имен Вишну.

Стр. 97. Здесь имеется в виду разряд нищенствующих брахманов, которые носили в правой руке три связанных вместе палки.

Р а к о в и н а — труба Вишну, взятая у убитого им морского демона Панчаджаны.

Стр. 98. Д е в а р а д ж а — «царь богов», одно из имен Индры.

Н а г а р и — «враг змей», имя царя птиц Гаруды, находящегося в вечной вражде со змеями, прародительница которых, согласно легенде, обманула мать Гаруды — Винату.

Х а р и — одно из имен Вишну.

Стр. 101. Л а к ш м и — богиня счастья и красоты, супруга Вишну.

Стр. 103. Н и м б а — дерево, приносящее горькие плоды.

А н д ж а н а — название горы.

Стр. 107. Б х р и г у к а ч х а — город на северном берегу реки Нарбады, впадающей в залив Камбей.

Стр. 110. Т р и б л а г а — три основных занятия, которые согласно древнеиндийской философии, должны лежать в основе всей человеческой деятельности: 1) добродетель, то есть исполнение религиозных обрядов, занятия науками и общественными делами, вознаграждаемые на том свете; 2) выгода, то есть приобретение ма-

тернальных ценностей и умножение приобретенного; 3) любовь, то есть стремление к чувственным наслаждениям. Четвертым благом считалось освобождение от уз мира.

Стр. 113. Дж а х н а в и — «дочь Джакну», одно из имен реки Ганг. Согласно легенде, река эта текла сначала на небесах, затем Шива перенес ее на землю, и в своем течении она приблизилась к месту, где совершал жертвоприношение великий святой Джакну. Разгневанный неожиданной помехой, Джакну выпил всю воду из реки и затем снова выпустил ее. Отсюда имя Джакнави.

Стр. 115. Ч а н д а р а в а — «гневно ревущий».

Стр. 117. А к х а н д а л а — одно из имен Шивы.

Стр. 124. А с т а — «закат», легендарная гора на западе, за которой будто бы заходит солнце.

Пчелы, вьющиеся у слоновых висков, — один из излюбленных образов индийской поэзии.

Стр. 131. О б а м и р а : земля — мир людей и небо — мир богов.

Стр. 135. Л а д д у к а — лакомство в виде шарика, приготовленного из сахара, пшеничной или рисовой муки, жидкого масла из молока буйволицы и пряностей. А ш о к а в а р т и — также вид лакомства. Какое блюдо подразумевается под к х а д ь я к о й — установить не удается.

Ч е т ы р е в е щ е с т в а — приправа, состоящая из смеси четырех веществ.

Стр. 137. То есть прежде, чем прибегать к насилию, пусть попробует действовать тремя другими способами (дружба, подкуп и сеяние раздора). См. прим. к стр. 57.

Стр. 138. Д ж х а ш а — неизвестная нам порода больших рыб. М а к а р а — фантастическое морское чудовище.

Т и т т и б х а — маленькая птичка, встречающаяся в Индии и живущая вблизи водоемов. В индийской литературе считается олицетворением кичливости и самоуверенности.

Стр. 147. То есть рек Ганга и Инда.

Стр. 148. Т а м а л а — большое вечнозеленое дерево с красивыми цветами. Встречается главным образом в горах.

Стр. 152. Неизвестно, какое растение имеется здесь в виду.

Стр. 154. А с у р ы — демоны-полубоги. Первоначально почитались как добрые божества. Впоследствии в эпических поэмах выступают как враги богов, терпящие поражения от них (главным образом от Вишну).

Стр. 156. А м а р а в а т и — «бессмертная», мифический небесный город, местопребывание владыки богов Индры.

Стр. 161. Д х а р м а р а д ж а — «царь справедливости», одно из имен бога смерти Ямы.

Стр. 167. Под шестью способами ведения государственных дел подразумеваются сражение, перемирие, поход, остановка, союз и двуличие.

Стр. 168. К о ш а л а — название страны и народа, населявшего ее (современный Аудх). Столицей Кошалы была Айодхья («непобедимая»).

Стр. 169. То есть монах, принадлежащий к джайнской секте дигамбаров (буквально: «одетый странами света», то есть «нагой»). В отличие от другой джайнской секты, шветамбаров («одетых в белое»), отличавшейся большей терпимостью, дигамбары проповедовали строгое воздержание, отказ от всякого имущества, даже от одежды. Джайнизм, близкое к буддизму религиозно-философское течение, возникло около VI в. до н. э. среди кшатриев.

Возможно, здесь имеется в виду одна из священных книг джайнов под названием «Разрешение вопросов».

Перечисленные здесь способы гадания во многом неясны. Неизвестно, например, что подразумевается под «исчезающими тенями»; гадание по кулакам, возможно, означает хиромантию. Коренья играли большую роль в магии у индусов.

Стр. 171. Р а д ж а г р и х а — «царский дом», древняя столица государства Магадхи (современный Раджгир).

Стр. 172. В а с у к и — легендарный царь змей, живущий в подземном царстве.

Стр. 177. М и р о б а л а н — распространенное в Индии дерево, приносящее кислые плоды. К е т а к и — также часто встречающееся в Индии растение.

Стр. 180. Имена действующих лиц в известной мере уже перестают ощущаться как собственные имена. Так, вместо Душтабуддхи в рассказе неоднократно употребляется другое, совершенно тождественное с ним по значению, имя — Папабуддхи.

Стр. 182. Таким испытанием считалась клятва, произносимая перед изображением бога, над головой сына, жены или брахмана и над некоторыми предметами, а также испытание — огнем, водой, ядом и т. д.

Ш а м и — дерево, которое, по верованиям индусов, содержит внутри огонь.

Стр. 183. И х н е в м о н — маленький зверек, не подверженный действию змеиного яда.

Стр. 188. П а л а — мера веса (ок. 93 г.).

Стр. 189. Д х а н а д е в а — «бог богатства».

Стр. 196. Рохана — гора на Цейлоне. Современное название — Адамов пик.

Стр. 199. Чакора — большая черная куропатка, встречается в горных лесах Индии. Согласно легендам, чакора питается лучами луны. Глаза ее становятся красными при виде отравленной пищи.

Стр. 207. В других версиях «Панчатантры» — Махиларопья (см. прим. к стр. 23).

Стр. 208. Кала — «темный», одно из имен бога смерти Ямы, изображаемого обычно с очень темным лицом.

Стр. 213. Йоджана — мера длины (15 или 17 км.).

Граха — «хватающий», одно из имен демона Раху. Согласно легендам, он время от времени проглатывает солнце или луну, отчего происходят солнечные и лунные затмения.

Стр. 217. Согласно верованиям индусов, самка мула погибает от беременности.

Панини — знаменитый индийский грамматик (около IV в. до н. э.).

Джаймини — известный индийский философ (время жизни неизвестно), основатель философской школы «миманса».

Пингала — индийский ученый (около II в. до н. э.), автор трактата о ведийском стихосложении (о ведах см. прим. к стр. 335).

Стр. 219. Киншук — красный цветок палаши (см. прим. к стр. 30).

Стр. 228. День 22 июня, как и некоторые другие дни (зимнее солнцестояние, полнолуние, новолуние, наступление нового времени года), считался праздником и отмечался различными церемониями и жертвоприношениями.

Стр. 230. Пулинда — название дикого племени.

Маханджана — «большая Анджана».

Стр. 235. Перевод условный. «Мада» — пахучая жидкость, выделяемая железами на голове слона в период течки.

Стр. 240. Рупия — золотая монета.

Стр. 241. Кусумабана — «обладающий цветочной стрелой», одно из имен бога любви Камадевы.

Манобхава — «рождающийся в душе», другое имя Камадевы.

Стр. 243. То есть сочетание созвездий, во время которого, согласно ритуалу, надлежало совершать бракосочетание. Здесь описывается начало свадебной церемонии, когда жених в окружении родных и друзей приходит к дому невесты, которую выводят в это время к алтарю, сооруженному перед домом.

Стр. 245. Здесь обращение к жажде, персонифицированной как богиня Жажды.

Карлик — одно из воплощений Вишну.

Стр. 249. Согласно древним верованиям индусов, на земле имеется семь материков. Все они, разумеется, не имеют никакого отношения к реально существующим материкам.

Стр. 253. Здесь в рассказе выступают два персонажа, олицетворяющие важнейшие понятия индийской этики: Картар («деятель») олицетворяет все поступки, совершенные в настоящей жизни; Карман («деяние») — все добрые и злые дела, совершенные в предыдущих существованиях и определяющие судьбу в последующих рождениях.

Ракшаса — злой дух. Ракшаса часто фигурирует в индийских сказаниях как чудовище, преследующее по ночам людей и поедющее их.

Стр. 254. Ракушка с древнейших времен употреблялась в Индии в качестве самой мелкой монеты.

Стр. 256. Чатака — пестрая индийская кукушка. Образ чатаки часто встречается в индийской поэзии.

Стр. 259. Видхатар — «творец», одно из имен Брахмы.

Стр. 263. Сурендра — «владыка богов», одно из имен Индры.

Стр. 271. Куша — трава, почитаемая священной и употребляемая при религиозных церемониях.

Стр. 283. Чайтра — весенний месяц индийского календаря, приблизительно соответствует марту — апрелю. Картика — осенний месяц (октябрь — ноябрь).

Стр. 287. Кокила — индийская кукушка. Карайика — небольшая птица из породы журавлей. Шьяма — маленькая черная птичка из породы дроздов.

Стр. 288. Чакранкита — неизвестное растение. Сахадеви — растение с пахучими семенами; название это обозначает и некоторые другие растения.

«Белые» — буквально: «одетые в белую одежду», одна из сект нищенствующих монахов.

Стр. 289. Чакравака — птица из породы уток с красновато-коричневым опереньем. Харита — разновидность голубя с зеленым опереньем.

Стр. 291. Балака — птица из породы журавлей.

Стр. 292. Кармасакшин — «свидетель (всех) дел», эпитет, прилагавшийся к Сурье (богу солнца), Соме (богу луны), Яме (богу смерти) и некоторым другим божествам.

Стр. 293. Карникара — тропическое дерево с крылатыми семенами и остроконечными листьями.

Айравата — слон Индры.

Бхуджагендра — «повелитель змей», одно из имен царя змей Васуки.

Стр. 294. Шашанка — «имеющая знак зайца», название луны. Согласно индийским верованиям, пятна на луне изображают зайца. По одной из легенд, Индра поместил на луне зайца, который сжег себя на костре, чтобы угостить жарким пришедшего к нему гостя и исполнить закон гостеприимства.

Стр. 295. Созвездие Саптарши («Семи Мудрецов») — созвездие Большой Медведицы, семь звезд которой индусы называли именами семи легендарных мудрецов.

По представлениям индусов, луна состоит из шестнадцати частей, каждая из которых посвящена особому божеству.

Стр. 297. Пураны («сказания о древности») — название эпических поэм, созданных в IV—XIV вв. Пураны представляют собой основные священные книги индуизма. В отличие от вед, чтение их разрешено и «низшим» кастам.

Стр. 299. Дадхикарна — «с ушами белыми, как творог».

Сети Индры — метафорическое обозначение всего обманчивого и нереального.

Стр. 300. Рассуждение Дадхикарны построено на неперево­димой игре слов: «козы» означает также на санскрите «неродившиеся» («не дающие всходов»).

Стр. 301. Какая птица имеется здесь в виду, неизвестно.

Стр. 304. Митра — один из двенадцати адитьев (солнечных божеств), почитавшийся как повелитель дня.

Магха — месяц, соответствующий январю — февралю.

Парджанья — «дождевое облако», одно из имен Индры, почитавшегося богом грозы и грома.

Стр. 308. Ришьямука — гора на юге Индии, в Декане.

Стр. 326. Брахмаракшаса — одно из ночных чудовищ, в которое будто бы воплощается душа брахмана, похищавшего в своей жизни жен и имущество брахманов.

Стр. 327. Шибхи — легендарный царь, прославленный за щедрость и бескорыстие. По преданию, он пожертвовал собой, чтобы спасти голубя.

Стр. 335. Йога («соединение») — система упражнений, имеющих целью достижение блаженства и соединение с божеством.

Веды — древнейшие памятники индийской литературы. Сюда входят религиозные гимны, собранные в четырех сборниках («Риг-

веда», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа») и комментарии к ним (брахманы и упанишады).

Шайвала — водяное растение.

Стр. 337. **Савитар** — «производитель», эпитет солнца. Почитался как воплощение божественной и животворной силы солнца.

Стр. 345. **Кумбхипака** — «раскаленный горшок», название ада, в котором грешников обжигают наподобие глиняных горшков.

Стр. 346. Под этим названием известно два обета: 1) стоять на лезвии меча; 2) жить с молодой женой, не вступая с ней в близость и кладя между нею и собой на ложе меч.

Стр. 351. **Девы** — «богиня», одно из имен Дурги.

Стр. 355. **Зонт и трон** — символы царской власти.

Стр. 359. **Джамбу** — род розовой яблони.

Стр. 360. Имеется в виду ежедневная церемония подношения пищи богам, демонам, душам усопших, а также гостям.

Шраддха — поминальное жертвоприношение душам усопших предков, при котором угощают лепешками или вареным рисом.

Стр. 369. Имеется в виду адский огонь, находящийся, согласно легендам, под морем на Южном полюсе.

Стр. 372. **Ламбакарна** — «вислоухий».

Стр. 376. **Манматха** — «смущающий душу», одно из имен бога любви.

На знамени бога любви изображено морское чудовище макара, во чреве которого он, согласно легенде, жил некоторое время.

Здесь перечисляются признаки, характерные для отдельных монашеских сект. Так, члены шиваитской секты носили с собой соединенные в виде гирлянды человеческие черепа, из которых они ели и пили; члены одной из сект нищенствующих монахов носили одежду красного цвета и т. д.

Стр. 379. Гончары принадлежали в Индии к самым низким кастам.

Стр. 385. **Кусумешу** — «обладающий цветочной стрелой», одно из имен бога любви Камадевы.

Стр. 387. Буквально: «не в день лунной фазы», то есть в дни, кроме новолуния, полнолуния, а также восьмого и четырнадцатого дня каждой половины лунного месяца индийского календаря. В эти дни законы запрещали бритье.

Стр. 389. **Сарика** — птица из семейства скворцов.

Стр. 398. Здесь приводится поговорка, смысл которой: пройти вместе семь шагов достаточно для того, чтобы заключить дружбу.

Стр. 407. **Паталипутра** — современный город Патна в Бихаре.

См. прим. к стр. 110.

Стр. 408. Клад лотоса — один из девяти кладов бога богатства Куберы. Согласно легендам, человек, владеющий кладом лотоса, может получать в любом количестве золото, серебро, медь и т. д.

Стр. 409. Имеется в виду почтительное приветствие, при котором обходят слева направо, так, чтобы правый бок был все время обращен к почитаемому лицу или предмету.

Д ж и н а — «победитель», наименование, присваиваемое джайнами (см. прим. к стр. 169) двадцати четырем легендарным учителям, основавшим будто бы их религию. Историческим лицом является лишь последний джина — Вардхамана, живший около VI в. до н. э. Употребляемое в единственном числе имя Джина обозначает божественное воплощение всех легендарных законоучителей, почитаемое джайнами как верховное божество.

Стр. 410. Стража составляла восьмую часть суток. Таким образом, половина стражи равна полутора часам.

Стр. 415. К и р а т ы — название дикого племени, жившего в лесах Восточной Индии.

Стр. 417. А в а н т и — страна, расположенная на территории современной Малвы (Раджастан). Ее столица — Аванти (современный Удджайн) на берегу реки Сипры — один из семи священных городов Индии.

М а х а к а л а — «великий темный», одно из имен Шивы, почитаемого как бог-разрушитель. В Удджайне находится знаменитое святилище Шивы.

Имеется в виду Шива.

Согласно легенде, супруга Вишну — богиня счастья Лакшми появилась на свет при пахтанье океана богами и асурами.

Ш а к и н и — разновидность демонов женского пола, прислуживающих богине Дурге.

Здесь перечисляются наиболее известные виды колдовства, встречающиеся в древнеиндийской литературе.

Стр. 420. В и н а в а т с а — «любитель лютни», прозвище Удаяны (VI в. до н. э.), царя Каушамби (недалеко от современного Аллахабада). По преданию, Удаяна славился своим умением играть на индийской лютне («вине»).

Р а м а — легендарный герой, почитавшийся как воплощение бога Вишну. Его подвигам посвящена знаменитая индийская эпическая поэма «Рамаяна».

Д х а н а д а — «дающий богатства», одно из имен бога богатства Куберы.

Стр. 423. Совместная игра в детстве, по представлению инду-сов, на всю жизнь связывает людей узами дружбы.

Стр. 431. Ш и н ш а п а — дерево, отличающееся большой высотой и густой кроной. Древесина его — красного цвета и чрезвычайно крепка.

Стр. 432. Б х а р г а в а — («Сын Бхригу»), здесь: имя легендарного мудреца Шукры, или Ушанаса.

Стр. 434. С о м а ш а р м а н — «хранимый Сомой».

Стр. 438. Ш а л и х о т р а — имя древнего святого, считавшегося искусным врачом, а также название приписываемой ему книги по ветеринарии.

Стр. 445. Ракшаса принимает слово «викала» («вечер») за собственное имя и понимает слова царевны: «в часы вечера», как «в часы Викалы».

Стр. 451. При подобных объявлениях прикосновение к барабану считалось знаком согласия.

Стр. 454. «Панчакхьянака» — «пять (книг) рассказов».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Сыркин. Предисловие</i>	5
---	---

ПАНЧАТАНТРА

Вступление	23
I. Разъединение друзей	27
II. Приобретение друзей	205
III. О воронах и совах	277
IV. Утрата приобретенного	357
V. Безрассудные поступки	405
Примечания	455

ПА Н Ч А Т А Н Т Р А

Редактор *Т. Редько*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *А. Трошин*
Корректор *А. Паранюшкина*

Сдано в набор 16/XII 1960 г.
Подписано в печать 2/VI 1961 г.
Бумага 70×108²/₃₂—14,75 печ. л.—20,2 усл. печ. л.
17,11 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ 1275. Цена 1 руб.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

11. у6.

ПАНМА-
ТАНТРА